

ЛЮДВИГ КЛАГЕС

КОСМОГОНΙΑ ЭРОСА

ЛЮДВИГ КЛАГЕС

КОСМОГОНИЯ ЭРОСА

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2018

УДК 291.217
ББК 87.3(4Гем)
К99

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с немецкого — А. В. Васильченко.

Клагес Л.
К99 Космогония Эроса. — М.: Тотенбург, 2018. — 244 с.

ISBN 978-5-9216-2203-6

Людвиг Клагес принадлежит к числу младших немецких философов, которые ведут свое идейное родство от Фридриха Ницше. Работы и идеи этого блестящего мыслителя почти неизвестны в России. Причина этого кроется не в отсутствии оригинальности или в малозначимости работ Клагеса. Дело в том, что его усердно старались забыть. Причиной тому были фактически провидческие мысли, изложенные на страницах работ Клагеса. Он не только вдохновил экологическое движение задолго до его появления, но и показал, что душа и Дух — это не просто не одно и то же, это противопоставленные друг другу явления. Он полагал, что Дух подчиняет себе человека, лишает его жизни — эти слова обретают новое, актуальное звучание в условиях нынешней практически повсеместной дегуманизации жизни. Работа «Космогонический Эрос», которая увидела свет в 1922 году, была отправной точкой для создания сложных и не всегда понятных конструкций, но именно она позволит начать путешествие в мир образов, созданных человеком, которого считают величайшим метафизиком XX века.

УДК 291.217
ББК 87.3(4Гем)

© А. В. Васильченко,
перевод с немецкого, 2018

ISBN 978-5-9216-2203-6 © Издательство «Тотенбург», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАЩИТНИК ДУШИ, ПРОТИВНИК ДУХА.....	6
ГЛАВА 1.	
ОБОСНОВАНИЕ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА	53
ГЛАВА 2.	
ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ ЭРОСА	76
ГЛАВА 3.	
ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ ЭРОС.....	93
ГЛАВА 4.	
О СОСТОЯНИИ ЭКСТАЗА.....	104
ГЛАВА 5.	
О СУТИ ЭКСТАЗА.....	139
ГЛАВА 6.	
О СЛУЖЕНИИ ПРЕДКАМ	188
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	
ОБ ЭРОСЕ И СТРАСТИ	236

ЗАЩИТНИК ДУШИ, ПРОТИВНИК ДУХА

Данное издание — это один из первых шагов, предпринятых для того, чтобы познакомить отечественного читателя с наследием немецкого мыслителя, который оказался не столько забыт, сколько вытеснен из сферы научных интересов. Его звали Людвиг Клагес. Данная книга не является ни всеобъемлющей биографией этого философа, ни академическим анализом его сложных, во многом причудливых построений. Творчество этого человека вообще очень сложно систематизировать, то есть описать, классифицировать и положить на какую-то определенную «полочку». События начала второго тысячелетия, процессы, которые с пугающей стремительностью набирают силу, позволяют судить о том, что некоторые положения, выдвинутые Клагесом более ста лет назад, оказались в буквальном смысле слова провидческими. Прежде всего, он предупреждал о смертельной опасности, которая крылась в состоянии человечества, когда оно в итоге не смогло бы воспроизводить ни природные, ни духовные ресурсы.

Весьма симптоматично, что представители академической среды, в известной мере занимающиеся обслуживанием интересов транснациональных структур, регулярно обвиняли Людвиг Клагеса либо в иррационализме, либо вовсе в криптофашизме. Чтобы заработать подобные укоры в свой адрес, вполне достаточно всего лишь подвести метафизический базис под критику потребительской модели поведения, обличить слепую веру в технический прогресс и отрицать воспевание бессмысленной свободы от принципов. Сразу же надо оговориться, что Людвиг Клагес не является классическим философом (в академическом понимании этого слова). В то же время его никак нельзя назвать «учителем» эзотерической школы. Не был он и сектантом. Можно сказать, что он был пионером науки, которая выходила за рамки привычного.

Подобное новаторство привело к тому, что по итогам XX века Клагеса можно было бы назвать аутсайдером. И это невзирая на то, что он обладал серьезными наградами, а в настоящий момент провозглашен одним из создателей экологического движения как такового. Однако для того, чтобы получить признание, необходимо говорить людям то, что они хотят услышать. А радикальный пессимизм, которым были пропитаны работы Клагеса, никак не способствует в настоящее время появлению толп восторженных поклонников, это, скорее,

удел избранных. Вместе с тем леволиберальные мыслители активно пытались повесить на Клагеса ярлык фашиста. Поскольку это было весьма проблематично, выдумывались разные явления, под формат которых старались подстроить этого немецкого философа. В итоге его можно встретить в рамках не имеющих четкого определения мифического фашизма и протофашизма — явлений в большей степени выдуманных, нежели реальных.

Однако подлинный интерес работы Клагеса представляют по причине того, что он сделал отправной точкой своей философии уничтожение природы как таковой. Это относилось и к разрушению человека изнутри, и к истреблению живой среды планеты. Противодействие жизни как самый разрушительный процесс современного человечества стало главной темой рассуждений философа. Впрочем, будучи ярко выраженным культурным пессимистом, Клагес не был в состоянии предложить обществу очевидный рецепт спасения. Едва ли можно считать случайным, что одна из ранних, а вместе с тем и самых значимых работ была манифестом 1913 года, который получил название «Человек и земля». Но он не останавливался на проблемах, связанных с окружающей средой. Апогея своего творчества он достиг, когда создал монументальный (хотя бы с точки зрения объемов) труд, который носил в некоторой степени прово-

кационное название «Дух как противник души». Но даже в этой работе он выступал против механизации природы, что отразилось в грустно ироничной фразе о том, что «мы исследуем священные элементы древних только лишь на предмет того, сколько лошадиных сил они могут нам дать». Если же более внимательно вчитаться в строки манифеста «Человек и земля», то станет понятно, что экологическое движение зародилось вовсе не в 70-е годы XX века, когда общественность стала проявлять серьезную обеспокоенность по поводу загрязнения окружающей среды. Еще накануне Первой мировой войны Людвиг Клагес писал: «Оргия опустошения охватила человечество, „цивилизация“ стала исключительно кровавадной, плодородность земли гибнет под ядовитой коростой». Или: «Мы вовсе не обманывали себя, когда находили „прогресс“ весьма подозрительным, как пустую трату сил; мы видим, что этот метод является вводящим в заблуждение разрушением. Под предлогами „пользы“, „экономического развития“, „культуры“ на самом деле осуществляется уничтожение жизни. Жизнь преследуется во всех ее проявлениях: вырубаются леса, истребляются животные, стираются с лица земли коренные народы, оскверняются ландшафты... На службе всего этого стоит вся техника, и помогают самые большие отрасли науки». Рассуждая о том, как связаны при-

рода и душа, Клагес писал: «Итак, мы должны были вкусить плоды „прогресса“. Он, как всепожирающий пожар, прокатился по земле, и где он выжег территорию, там уже ничего не растет, пока там есть люди. Утраченные виды животных и растений не возрождаются, потаенное тепло человеческого сердца потухло, и остался лишь угрюмый рабочий день с фальшивыми блестками сомнительных „удовольствий“. Нет никакого сомнения в том, что мы находимся в эпоху гибели души». Едва ли можно сомневаться, что подобные идеи сильно раздражают апологетов технического прогресса (причем не только из либерального лагеря). Слова Людвиг Клагеса, написанные им более ста лет назад, сейчас звучат более чем актуально. Именно по этой причине можно говорить о провидении и даже в некотором смысле пророческой силе этого философа.

В своем творчестве Клагес исходил из того, что наука должна была не проектировать предмет изучения, а помогать с ним встретиться. По этой причине он часто использовал такие термины, как метафизика и символическое мышление. Символам он уделял особое значение, так как видел в них не просто знаки, а «непосредственно пережитые откровения». «Символы — это проявление возрождения жизни». Изучение и трактовка символов стали центральной темой небольшой по

объему, но очень важной по содержанию работы «Космогонический Эрос». Это был переработанный конспект специального лекционного курса, который в виде книги был явлен публике в 1922 году. Надо сразу же отметить, что очень сложно говорить о философии Людвиг Клагеса как о какой-то стройной и полностью законченной системе. Во-первых, он начал формировать самые важные положения достаточно поздно — этап становления, так сказать, творческой юности было весьма продолжительным. Во-вторых, даже в полном собрании сочинений Людвиг Клагеса приведены отнюдь не все его принципиальные работы. Впрочем, нельзя сказать, что период становления был малозначимым. Например, именно на него приходится столь резонансный манифест «Человек и земля». Почти сразу же за ним Клагес написал работу, которая так и осталась сокрытой даже для большей части специалистов. В 1915 году он завершает книгу «Ритмы и руны», в которой впервые с предельной отчетливостью заявляет об особом, метафизическом значении большинства символов. Именно в это время он закладывает основу своей будущей философии. Одновременно с этим он рассуждает о «времени переворота Земли», под которым он подразумевает принципиальные изменения в мировосприятии. Он предлагает собственную датировку истории, соотнося ее как раз с ука-

занными «переворотами». В качестве принципиальных вех он указывает 600 год до нашей эры, 16 век, затем начало 19 века. По его тогдашнему мнению, новый «переворот» приходится на рубеж 19 и 20 веков. «Перевороты» учащаются, так как истощаются силы человечества. В «Ритмах и рунах» он рассуждает на эту тему: «Читатель знает, почему мы называли последних носителей „исполняющими дифирамбы гибели“ — лемуры и вампиры окружили их и почти закончили свою работу». Но прежде чем познакомить вас с текстом, посвященным космогоническому Эросу, изложим основные вехи жизни Людвиг Клагеса, что даст нам предпосылки для понимания отдельных тезисов его философии.

Людвиг Клагес родился 10 декабря 1872 года в Ганновере, который тогда еще сохранял свой столичный дух, так как здесь до 1866 года находилась столица германской Вестфалии. Людвиг Клагес писал в своих воспоминаниях: «Для города были характерны особняки в слегка измененном тюдоровском стиле. Рядом располагались очаровательные палисадники, заросшие сиренью и акациями. Тут же были бесчисленные дома из красных и желтых кирпичей, по своей архитектуре напоминавших готику; инициатором их возведения был зодчий по фамилии Хаазе». Отец Клагеса был военным и даже сражался против прусских войск в битве при Лан-

гезальце. Когда Ганновер был аннексирован, он стал позиционировать себя как последователь гвельфов, средневекового политического течения, выступавшего за ограничение власти германского императора в пользу Ватикана. Когда Клагес-старший оставил службу, он открыл платяной магазин. Надо отметить, что, когда в 1871 году была создана Германская империя, так сказать «Второй рейх», в Ганновере не наблюдалось особого воодушевления. Маленький Людвиг вынес из своих детских воспоминаний образ старого кладбища, которое располагалось как раз напротив его дома. Он вспоминал о старой могиле с огромным надгробием, на котором значилась эпитафия — «Вечно запертый». Однако старую плиту раскололо молодое деревце. Существовала даже легенда, будто таким образом погребенный отомстил своим убийцами, наивно полагавшим, что те спрятали следы своих злодеяний навечно в земле. Это детское воспоминание оказалось очень мощным, поскольку в его творчестве весьма сильна тема смерти и воскресения. Под последним он понимал живую память об умерших, а дерево, проросшее на могиле, он считал своего рода живым памятником.

Если же говорить о детстве Людвига Клагеса в целом, то оно характеризовалось бесконечной сменой города и деревни. Почти на каждый праздник он направлялся к бабушке с дедушкой, у кото-

рых в деревне были пекарня и небольшая гостиница. Можжевеловые пустоши, которые соседствовали с морским побережьем холодного моря, производили хотя и мрачное, но все-таки очень могучее впечатление. В 1882 году в семью Клагесов пришла смерть: от пневмонии умирает мать Людвига. Это трагическое событие еще более укрепляет девятилетнего мальчика в мысли о том, что смерть обладает особым значением. Одновременно с этим он проникается глубоким почтением к умершим предкам, в частности он почти обожествлял свою умершую маму.

Когда настала пора идти в школу, Людвиг посещал лицей при гуманитарной гимназии Ганновера. Самым важным событием этого времени становится дружба с Теодором Лессингом (не путать с драматургом Готхольдом Лессингом). Внешне различные, они были лучшими друзьями. Одноклассники даже дразнили Клагеса и Лессинга, сравнивая их с Гете и Шиллером. Сравнение было неслучайным, так как в школьные годы оба писали стихи. Будучи подростком, Людвиг Клагес задумал написать трагедию, главным персонажем которой должна была стать королева лангобардов Деизидерата. Юноша сохранил эти наброски, и отрывок из трагедии позже воспроизвел в своей книге «Ритмы и руны». Лессинг же стал преподавателем в Ганновере, активно издавал книги на философские и культур-

но-исторические темы. Будучи евреем по национальности, он покинул Германию после прихода Гитлера к власти. 30 августа 1933 года он был убит при загадочных обстоятельствах на территории Чехии. При этом он придерживался консервативных взглядов, и его воззрения более напоминали философию Освальда Шпенглера. Весьма интересным кажется то обстоятельство, что Теодор Лессинг, подобно Клагесу, также помнил городское кладбище и расколотую могильную плиту, хотя оттенок воспоминаний был все-таки иным. Лессинг вспоминал, что надпись гласила: «Эта могила в вечном пользовании — не вскрывать». То есть если для Клагеса проросшая береза была выражением хтонических сил, то для Лессинга являлась символом антикапиталистических настроений.

Именно в годы юности формируется своеобразный поэтический стиль Людвиг Клагеса, который позже он использовал для того, чтобы излагать свои философские и метафизические идеи. В школьные годы он находился под сильным впечатлением от поэтических обработок немецких мифов, в частности «Песни о Нибелунгах», которые были предприняты Вильгельмом Йорданом. В частности юношу впечатлило своеобразное высокомерие Йордана. Один из исследователей в этой связи писал: «Вместо живого ритма вы находите разумно

выровненный такт, нет ни натянутых образов, ни надуманных банальностей. Поэтический строй воздействует не как средство для роста, а, наверное, как смирительная рубашка». Лирика Клагеса обладает весьма специфическим характером. Его первые сонеты явно содержат аллюзии к поэзии Стефана Георге, с которым он познакомился почти сразу же, как переехал в Мюнхен. В творчестве обоих сквозят мысли о том, что личность ограничена, но жизнь сама по себе бесконечна.

Переезд в Мюнхен, который мы упомянули ранее, стал важным событием в жизни Людвига Клагеса. Хотя жизнь не сразу привела его в столицу Баварии. После окончания школы Клагес отправился в Лейпциг, где на протяжении двух семестров в местном университете изучал химию, физику и философию. Затем он на некоторое время вернулся в Ганновер и только после этого направился в Мюнхен. Это произошло в 1893 году. Людвигу Клагесу тогда шел двадцать первый год. В Мюнхене он продолжил свое университетское образование. Здесь в первый год двадцатого века он получил докторскую степень, когда защитил работу, посвященную проблемам синтеза изоморфных веществ, в частности ментона. Его научным руководителем был талантливый химик Альфред Эйххорн, а экзаменаторами — Вильгельм Рентген и граф Хертлинг, позже ставший полити-

ком и занимавший во время заключения Брестского мира пост рейхсканцлера Германии. Сразу же после окончания учебы в университете Людвиг Клагес решился на значительные перемены. Он отказался от физики и запланировал создать собственное учебное заведение. Тогда этот проект вылился в организацию т. н. психодиагностического семинара. Одновременно с этим молодой человек увлекся графологией. В итоге в период с 1900 по 1908 год он занимался редактированием журнала, посвященного столь специфической проблеме. В 1908 году он стал наставником «Семинарии выразительных знаний», развитие которой привело к рождению своего рода частного военного университета. Нужно подчеркнуть, что тогда в Мюнхене складывалось очень тесное ганноверское землячество, представители которого имели схожие интересы, так что Клагес отнюдь не один занимался проблемами графологии. Однако Клагес не держался за свою малую родину. Он был очарован Мюнхеном, его «ржавыми туманами» и «темно-голубым небом, нависающим прямо над головой». Именно в Мюнхене он расстался со своими юношескими мечтами и вступил в этап творческого формирования.

Постепенно Клагес отошел от своих старых знакомых, и средой его творческого обитания стал северный район Швабинг, славный своими богем-

ными традициями. Здесь активно обсуждались проблемы «конца века», хотя эти дискуссии носили в большей степени культурный, нежели философский характер. Особенно его привлекали люди, которых позже называли «Космическим кружком» или же «мюнхенскими космистами». Несмотря на то, что их наименование явно носило «программный характер», у космистов не было общего мировоззрения. Эти люди полагали, что искры космоса должны были прикоснуться к Земле и дать ей новый импульс. Несомненными лидерами этого кружка были два человека: знаток древностей и исследователь мистерий Альфред Шулер (1865–1923) и поэт Карл Вольфскель (1869–1948).

Альфред Шулер родился 22 ноября 1865 года в Майнце. Его отец женился на матери Альфреда только два года спустя после рождения сына, а потому некоторое время ребенок считался незаконно-рожденным и носил фамилию Риз. Его родители были католиками, а отец занимал очень высокий пост в судебной системе. Свои гимназические годы Альфред провел в саарском городке Цвейбрюккен. В гимназии, где учился Альфред, усиленно и углубленно изучали латынь. Именно по этой причине он был оставлен на второй год. Его знание латыни не удовлетворяло учителей. До конца обучения ему ежегодно приходилось проходить переекзаменовки

по этому предмету. Это первый из парадоксов, которых мы обнаружим еще немало. Современники считали реинкарнацией истинного римлянина человека, который с трудом справлялся с латынью. Людвиг Клагес как-то написал: «В Шулере нас, современников, привлекало наверняка беспрецедентное, а в рамках „всемирной истории“ крайне редкое явление — несомненное возвращение священного трепета от уже ранее прожитой жизни или новое воплощение неугасших искр далекого прошлого». Позднее сам Шулер назовет это состояние «вторичным рождением». Незадолго до окончания Шулером гимназии умер отец Альфреда, после чего мать и сын жили на небольшую государственную пенсию. После окончания гимназии семья Шулера жила в Мюнхене, в скромной квартире в доме 69 по Луизенштрассе. Почти сразу же Альфред поступил в Мюнхенский университет Максимилиана Людвига, где сначала изучал юриспруденцию, а затем историю, историю искусств, а также археологию. Он с удовольствием слушал лекции светил науки — профессоров Траубе, Фуртвенглера, Генриха Брунна. Но завершить свое академическое образование ему не было суждено. В 1893 году молодой Шулер познакомился с философами Людвигом Клагесом и Карлом Вольфскем. Год спустя он отправился в Рим, где познакомился с поэтом Людвигом Дерлетом, который позже стал рупором агрессивного ка-

толицизма. Примерно в 1897 году Людвиг Клагес привел Альфреда в кафе Стефана Георге. Четыре недели спустя уже на квартире Георге он изложил фрагменты своих идей. Чтобы оценить мистико-эзотерическое настроение подобных встреч и впечатление, которое произвел Шулер, обратимся к описанию, которое дал Клагес:

«Кроме меня, присутствовали Георге, Вольфскель и его (Шулера) мать. Представлялось все так: помогала и обслуживала приглашенных Шулером его старенькая мать. В самой хорошей, но не очень вместительной комнате достаточно скромная продолговатая доска, которую накрывают роскошными яствами. Свет свечей и римского трехфитильного светильника. Перед ними на металлическом цоколе копия адоранта. За ней лавр и другая зелень. Вокруг каждой тарелки венок из благоухающих цветов; чувствуется аромат ладана. После трапезы он (Шулер) начинает зачитывать наиболее сильные фрагменты, постепенно усиливая могущественный пафос. Это создает, я полагаю, магическое поле, сплачивающее все родственное, изгоняющее и отталкивающее все чуждое. Старая мать оседает; Вольфскель невосприимчив в психическом и духовном плане. Он пытается подключиться и раствориться со всеми. Его жена сидит безучастно, так как для нее это „слишком возвышенно“. Георге еле-еле справляется с растущим возбуждением. Блед-

нея, он встает за его стул. Кажется, он не понимает, что происходит. Духовное напряжение становится невыносимым. Никто не слышит точно, что возвещает Шулер. Однако из грохота его голоса растет вулкан, который выбрасывает раскаленную лаву, а из жара лавы растут багровые картины, отдаляющие сознание и лишаящие его. Когда это заканчивается, точнее, как это заканчивается, сложно понять, *что это* было. Этого не знает никто. В это время он держит в руке подготовленный букет: по одному лоскуту от венков, которые разорвал Шулер, чтобы подарить гостям на прощание. Внезапно я оказываюсь вместе с Георге на ночной улице. Только там я беру себя в руки: “Это безумие! Я не вынесу этого. Что Вы сделали, чтобы заманить меня туда? Это безумие! Верните меня обратно! Верните меня обратно в трактир к честным гражданам, где совершенно обычные люди курят сигары и пьют пиво! Я не вынесу этого!”».

В мюнхенско-швабингском кружке космистов, кроме самого Шулера, постоянно состояли Клагес, Дерлет, Георге, Вольфскель, а позже и графиня фон Ревентлов. В различное время в нем бывали самые разные люди, например, «солнечный мальчик» Родерик Хух, который назвал Шулера «тайной душой космоса». Члены этого кружка, как правило, встречались в доме Вольфскеля. Возможно, причиной этого была обильная финансовая

поддержка, которую получал Вольфскель от своего отца. Великолепное по стилистике, самоироничное изложение этого периода своей жизни дала отвергнутая всеми аристократами графиня фон Ревентлов в своем романе «Записки дам и господ». Родерик Хух, восхищавший многих своей молодостью и красотой, писал о немецкой богеме тех лет. «В действительности Швабинг был пестрой колыбелью изменения мира. Космисты сплотились вокруг Клагеса и Шулера, нигилисты — вокруг Ленина (тогда тоже жителя Швабинга). Это хороший пример двух источников реновации жизни на совершенно противоположной базе, которые, однако, сходились в одном: воле к уничтожению материалистического мещанского порядка того времени».

В случае с Людвигом Клагесом принципиальное значение имели его дружеские отношения с Альфредом Шулером. Эти отношения были настолько судьбоносными, что их иногда даже демонизировали. Шулера считали последним немецким катаром, так как именно он ясно воспринял в своих произведениях традицию французских гностиков и альбигойцев, да к тому же, в отличие от многочисленных представителей неогностицизма, он действительно верил в то, чему учил. Людвиг Клагес, которому Шулер жаловался, что его высасывает какой-то вампир, повсюду рекламировал влияние катаров на произведения своего друга.

Тот же Клагес сообщал следующее о подготовке к серии докладов о сущности Рима, «вечного города»: «Я превратил мое участие в добычу материала (например, о стойках) и повторному изучению каждого доклада». В своих докладах Шулер непосредственно обращался к гностическому «Евангелию от египтян». «Я заканчиваю это рассмотрение несколькими местами из так называемого “Евангелия от египтян”, которое, перемещенное в этот круг идей, обретает новое значение. Иисуса спросили, когда придет его царство, он ответил: “Когда два станет одним, а внешнее (то есть смесь субстанций в теле) станет внутренним (смесью субстанций в свете), но не будет ни мужским, ни женским”. После этого последовала ссылка на три вида бесполости, приведенные в Евангелии от Матфея: “Он же сказал им: не все вмещает слово сие, но кому дано; ибо есть скопцы, которые из чрева материнского родились так; и есть скопцы, которые оскотлены от людей; и есть скопцы, которые сами себе сделали скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит”».

С другой стороны, дружбу Шулера и Клагеса описывали как «романтическую суматоху». Альфред Шулер был полон странных и гениальных идей. Он планировал вырвать Фридриха Ницше из «пут безумия», для чего планировал провести особый обряд — ночной танец корибантов. Особым увле-

чением Альфреда Шулера была история Римской империи позднего периода. При этом он полагал, что Германия была страной, которая лишилась традиций. Подобно многим баварским мистикам (семейству фон Ревентловых в частности), Шулер считал, что протестантизм стал победой иудео-христианского элемента над остатками язычества, которые все-таки можно было обнаружить в немецком католицизме. Шулера можно было бы назвать нигилистом, но это было бы неточным и неверным по сути, он создавал свое собственное мировоззрение, которое сам же подвергал критическому анализу. Один из очевидцев вспоминал: «Он изобрел своих собственных божеств, которых никогда не было, и крестил во имя них». В своем предисловии к изданию «Фрагментов и лекций» Альфреда Шулера Людвиг Клагес заявлял о неприятии как гностического, так и научного путей познания. Гностицизм был ориентирован на знания, которые нельзя было изучить, но только быть им душевно сопричастным. Чтобы это случилось, надо было задействовать символы. Однако каждая гностическая школа обладала собственным набором инструментов и обладала уникальной двойственностью. Как раз в вопросах трактовки знаков и символов языческий и христианский Гнозис очень сильно отличались друг от друга. Например, высоко чтимое язычниками «сердце Земли» у христиан восприни-

малось как преисподняя. Вместе с тем именно у Альфреда Шулера Клагес почерпнул мысль, которая позже легла в основу практически всех его философских разработок. Дух и душа не только не одно и то же, но и антагонисты. Душа устремлена к открытой жизни, а Дух ориентирован на замкнутое существование. Символами открытой жизни Шулер считал «вихрь» и «свастику» — о них он даже планировал написать отдельное диссертационное исследование. Однако в конечном итоге они стали аллегориями издаваемого Стефаном Георге журнала «Вестник искусства». Именно по этой причине Альфред Шулер неоднократно обвинялся если не в связях с национал-социалистами, то по меньшей мере в том, что был их мистическим вдохновителем. Есть легенда, что на лекции Шулера, посвященные «вечному городу» Риму, как-то пришел тогда еще малоизвестный кому-то Адольф Гитлер. Сами лекции проходили в доме известного своими националистическими убеждениями издателя Хуго Брукмана. Но если отвлечься от исторических легенд и обратиться к проблеме «открытой жизни», то Шулер понимал ее как опыт общения с умершими как с живыми, то есть в рамках отдельно взятого человека (при условии «открытой жизни») не было противопоставления жизни и смерти. В одной из своих лекций, посвященных «домам жизни», Шулер заявлял: «Почему квинтэссенцией жизни стано-

вится царство мертвых? Это не так! Лишь мертвые могут быть квинтэссенцией жизни». Отголоски этой смелой мысли можно обнаружить во многих работах Людвига Клагеса, в частности в приведенном в данном издании «Космогоническом Эросе». Вместе с тем он все-таки указывал на различия во взглядах с Шулером. Например, он не понимал страстного желания возвращения канувших в прошлое исторических эпох. По мнению Клагеса, это были тщетные и бессмысленные надежды. В одном из писем Клагес открыто заявляет: «Шулер хочет воссоздать реликвии прошлого и вернуть жизнь архаическим символам, но жизнь никогда не повторяется в одних и тех же формах». Альфред Шулер умер в 1923 году, и Людвиг Клагес, невзирая на различия в воззрениях, взял на себя работу по обобщению опыта умершего друга. На это ушло семнадцать лет. Лишь в 1940 году по инициативе и при активном участии Клагеса было издано нечто вроде собрания сочинений Альфреда Шулера.

Третьей фигурой в кружке мюнхенских космистов был упоминавшийся выше Карл Вольфскель. Он был букинистом, коллекционером, поэтом, универсальным исследователем, обращавшим большое внимание на метафизические проблемы материнства (чем очень впечатлил Клагеса). Один из современников назвал Клагеса, Шулера и Вольфскеля «светлым викингом, бурым

римлянином и темным палестинцем». Внешне они очень сильно различались, но их объединяло неприятие современного общества. Все они не просто не верили в прогресс, но полагали эту веру опасной и подлежащей искоренению. Их положительной целью был взрыв бурлящей жизни, чей пульс бился бы в ритме вечности. Все трое полагали, что пробуждение истинной жизни было возможно лишь через мистический «свет крови». Одновременно с этим мюнхенские космисты начинают заниматься разработкой проблем «центров силы», которые наиболее яростно выступают против сил жизни. Шулер и Клагес постепенно сходились во мнении, что средоточием враждебных по отношению к жизни устремлений является иудаизм. Это не было ни расовым, ни культурным антисемитизмом, это даже нельзя было назвать в полном смысле слова юдофобией, так как идея касалась сугубо метафизического уровня проблемы. Однако именно этот «метафизический антисемитизм» стал причиной кризиса, который фактически расколол кружок мюнхенских космистов. Это случилось зимой 1903–1904 годов. Линия раскола прошла между сторонниками Вольфскеля, который придерживался «палестинской метафизики», и Шулером-Клагесом.

Как уже говорилось, в конце XIX века Шулер начал писать диссертацию о значении свастики.

Но она так и осталась незаконченной. В 1901 году Шулер поссорился с Дерлетом. Затем произошел конфликт с Вольфскем и Георге. Позже Шулер не раз встречался с Вольфскем. Впрочем, последний постепенно утратил уважение к своему бывшему товарищу. Шулер чувствовал себя окруженным «тайным еврейским заговором». Об этом говорят его короткие заметки: «Двусмысленно-недвусмысленные фигуры таинственных сцен: темный раввин — ужасная галицийская еврейка — еврейский “мистик”, очевидно, уполномоченный тайного ордена. Зависимость “Блеттер” [печатного органа, в котором публиковался Георге. — *Прим. пер.*] от еврейского централа становится очевидной... Тайное руководство обнаружено, и руководителя зовут Вольфскель». Когда Вольфскель решил открыть некий еврейский «светильник крови», то этого оказалось достаточно, чтобы Клагес окончательно разорвал с ним отношения. Родерик Хух так описывал проблему распада кружка космистов: «Оба космиста — Шулер и Клагес — могли первое время спокойно общаться с Вольфскем и другими чистокровными евреями, так как они искали не расу, а душу, сияющую духовную субстанцию. Вольфскеля они осудили только тогда, когда он захотел открыть сионистский „светильник крови“, а значит, в их представлении, собрался изменить космическую душу». Клагес про-

сто возненавидел Стефана Георге за его связи с различными юношами: «... педагогический Эрос направлен исключительно к еврейским юношам... и едва ли требуется исключительная проницательность, чтобы увидеть, что бог, в которого он верит и которого он воплотил в 15-летнем юнце по имени Кронфельд, не что другое, как Яхве!»

Если говорить о других видных космистах, которые так или иначе повлияли на идейные убеждения Людвиг Клагеса, то необходимо назвать поэта Людвиг Дерлета. Он был крайне сложным человеком, так как, с одной стороны, был приверженцем оккультных воззрений, близких к розенкрейцерам, с другой стороны, видел себя «воинствующим христианином». Однако это был человек, который не только проповедовал агрессивный, почти орденский католицизм, но и был прекрасно знаком с другими религиозными течениями. Впервые гностическое влияние он ощутил после знакомства с сэром Жозефом Пеледаном, гроссмейстером Ордена Розенкрейцеров и Храма Грааля. Несколько позже Дерлет, подобно Шулеру, познакомился с Генри Папюсом. Именно Дерлет подсказал Шулеру одну интересную мысль. В своем докладе «Термы, игры, солнечный ребенок и цезаризм» Шулер указывал на возможность пролития крови для овладения светом противника. Чтобы

понять кровавые ритуальные убийства, он очень рекомендовал изучить труды баварского философа Баадера. Франц Бенедикт фон Баадер (1765–1841) родился и умер в Мюнхене, где совместно с Якобом Беме изучал теософию. В своем окружении он считался гностиком, хотя на самом деле всю жизнь оставался католиком. Именно Баадер был одним из тех мостиков, которые вели к немецкому идеализму. Хотя бы по этой причине Шулер и Клагес, никогда не скрывавшие своего скептического отношения к христианству, разорвали отношения еще в 1901 году. Известный на всю Германию поэт Стефан Георге хотя и не был космистом в полном понимании этого слова, но был близок к кружку — его можно было бы назвать «специально приглашенным гостем». Клагеса этот поэт-мистик впечатлил воспеванием силы снов (эта тема также была затронута в «Космогоническом Эросе»). Георге пытался уладить конфликты, возникавшие в кружке, но это было совершенно безнадежной затеей, а потому со временем он занял позицию стороннего наблюдателя. О том, насколько сильное впечатление на Клагеса произвел Георге, говорит хотя бы тот факт, что в первой книге, посвященной этому таинственному поэту (она увидела свет в 1902 году), Клагес говорит о нем не как он поэте, но как о провидце. Впрочем, философ потом попытался отказаться от своих слов, но они не вы-

глядели «легкомысленными»: «В древности было достаточно только лишь слушать, сейчас задача состоит в том, чтобы заново освятить раннее оскверненные слова». Кроме того, Клагес никогда не скрывал своих симпатий к язычеству: «Языческая речь — это не часть истории, а вера в действительность сиятельного момента». Именно в этом Клагес видел главную задачу поэзии как таковой. Читатель должен был получить надличностные впечатления, стать частью силы, заново запускающей «волну жизни». Но одно стихотворение Клагес ценил особенно:

*Старой мельницы крылам
Отдохнуть зима велела.
Долго ждать тепла прудам
В звоне светлого кольца.
И застыли деревца
Веткой жимолости белой.
За деревней на пруду
Дети бегают по льду.
Будет день поминовенья,
И они домой вернутся.
Тайной нового рожденья
Нам в молитвах отзовутся.*

Здесь вызывающее озноб описание пейзажа никак не связано с человеческим «Я», но только с

природными стихиями (или, иначе говоря, элементами). Но самое главное, что видел Клагес в этом стихотворении, — это возможность покинуть собственную «человеческую страну» и вступить в земли, где нет никакого культурного слоя. Однако восхищение длилось недолго. Клагес и Шулер хотели подтолкнуть Стефана Георге к более жесткой, почти непримиримой критике «духа времени», перейти в борьбе с миром наживы от слов к делу, но этого не произошло. Стефан Георге (подобно Рихарду Вагнеру) не видел себя в среде актуальных событий, он намеревался вознестись над культурой и перейти в мир символов, обрядов и ритуалов. Позже Клагес, окончательно разочарованный в Георге, изображал его как «эстетствующего артиста», который в итоге окружил себя раболепствующими поклонниками (собственный кружок Стефана Георге).

Сразу же надо оговориться, что в Германии и Европе Стефан Георге имел более чем неоднозначную репутацию. С одной стороны, он считался величайшим из живущих немецких поэтов. Принимая во внимание мистицизм Георге, который во многом был почерпнут у Альфреда Шулера, многие видели в нем «литературного мага», пророка, гуру, оракула, который был готов формировать новую интеллектуальную элиту. В Берлине, Мюнхене и Гейдельберге Стефан Георге основал

собственные кружки, в которые привлекал молодых людей. Он полагал, что из этой молодежи должна была вырасти новая элита — будущее Германии. Собрания кружков мало походили на традиционные литературные вечера. Они больше напоминали ритуалы тайных обществ, где каждое действие обладало своим потаенным смыслом. Однако надо отметить, что почти те же самые моменты могли выступать поводами для обвинения. Профессор Э. К. Беннет в своей работе, посвященной Стефану Георге, писал: «Он был буквально одержим идеей заполучить власть над молодыми умами. Эта идея выражалась в практике жесточайшей дисциплины, которую надо было блюсти в личной жизни». Стефан Георге даже не пытался скрывать своего высокомерия, а всех прочих писателей и поэтов не считал творцами. Претендуя на то, что только вокруг него формировалась истинная «духовная аристократия», или «аристократия духа», о никак не мог заполучить симпатии со стороны левой интеллигенции. Георге ожесточенно критиковали и Эрнст Толлер, и Альфред Деблин, и Генрих Манн, и только-только получивший известность Бертольд Брехт. Среди приверженцев традиционной литературы Георге считали слишком сложной, почти непостижимой фигурой, а потому также предпочитали держать дистанцию. Аналогичная ситуация наблюдались и со сторон-

никами «эгалитарного эзотеризма». Рудольф Штайнер не без некой зависти говорил о Стефане Георге, что тот создал «собственное интеллектуальное царство». Штайнер, конечно же, симпатизировал поэту-мистiku, но Георге предпочитал не слишком-то сближаться с создателем антропософии. Они несколько раз встречались в Лондоне, но Георге постоянно вел себя, как «надменный обитатель Олимпа». Эти черты характера можно обнаружить почти на всех фото, на которых был запечатлен Стефан Георге. Впрочем, репутации Георге много больше вредили слухи о его возможном гомосексуализме. Подобные обвинения не были ни подтверждены, ни опровергнуты. Можно однозначно утверждать лишь одно: в окружении Георге почти не было женщин. Однако нельзя отрицать тот факт, что в массовом сознании таинственные обряды должны были сопровождаться сексуальными оргиями, а потому во многом подобного рода обвинения могут быть надуманными.

Сам же Стефан Георге не предпринял ни одной сколько-нибудь заметной попытки опровергнуть эти слухи. Казалось, что они льстили ему. Однако не все слухи были пустыми домыслами. Действительно, кружок Стефан Георге являл собой разновидность мистического культа, а ученики поэта приносили подобие клятвы. Попад в кружок, все его члены обращались к Георге не иначе

как «мастер». Сам мастер был вправе вмешиваться в личную жизнь любого из своих учеников. Решения были окончательными и обсуждению не подлежали. Детали этого культа так и остались невыясненными, так как все ученики обязались хранить основы их учения в тайне. Сохранилось лишь несколько небольших описаний практиковавшихся ритуалов. В основу их было положено чтение поэзии мастера. Вся эта церемония сопровождалась воскурением ладана. Георге сидел во главе длинного стола. Ученики по очереди читали его поэмы. На этом сходство с тайным обществом не заканчивалось. Чтобы попасть в кружок Георге, надо было пройти сложную процедуру. Вначале надо было сочинить достойное стихотворение или поэму, и только если это произведение понравится мастеру, желавший стать учеником проходил обряд инициации. Все члены кружка Георге получали новые, ритуальные имена.

Но вернемся к кружку мюнхенских космистов. Если говорить о политических предпочтениях космистов в целом, то Клагес описывали их так, ссылаясь прежде всего на Альфреда Шулера: «... он не был ни радикальным противником марксизма, ни противником имущих; он только хотел правильно употребить деньги последних. Он не ощущал никогда какой-то бедности и появлялся в обществе с естественной честью мужчины, который, кажется,

не знал ничего о будничных трудностях». Но, тем не менее, у Шулера была формула, данная молодому рабочему, которая не лишена определенного революционного потенциала: «Советую ли я повышать заработную плату? Сокращать рабочий день? Лучше уж фабрики, охваченные огнем!»

«Весенний прилив любовной страсти», — так многие годы спустя Людвиг Клагес охарактеризовал свою встречу с увлеченной мистикой писательницей графиней Франциской фон Ревентлов. Их отношения находились на пике как раз тогда, когда по «телу» кружка космистов пролегли очевидные трещины. Эта любовь стала для Клагеса трагическим событием хотя бы потому, что окончание отношений привело его к мысли о невозможности возрождения язычества (на что молодой философ в 1901 году еще очень сильно надеялся). Любовь и язычество «оба являются обманом». И именно из этих отношений он вынес свои взгляды на любовь, которые были изложены в первой главе «Космогонического Эроса». В итоге его страсть оказалась устремленной не к конкретному человеку, а к прозрению, который этот человек может даровать. В те дни графиня записала в своем дневнике: «Клагес говорит, что в языческой традиции — любить не человека, а любовь, которая ищет посредника». Сам же Клагес почти в тот же самый момент написал следующие слова: «Чело-

век становится прекрасным в той мере, в которой он сопричастен вечной и всеобщей душе. Красота всегда является демонической вещью, равно как и поклонение богам». Клагес видел в своей спутнице «простейшую душу», но при этом назвал ее «языческой святой» и даже «вращающей свастику». Отношения не были просто любовным романом, он пытался использовать эту связь для провоцирования общих видений или же переживания общих эмоций (тема, которая будет одной из центральных при исследовании Эроса). Франциска фон Ревентлов, конечно же, считала Людвига Клагеса удивительным человеком, что подтвердила своей фразой: «Ты — единственный, кто умеет летать». Отношения развиваются, и в мае 1902 года графиня назначает Людвига опекуном своего маленького сына. Клагес тут же начинает рассказывать малышу о древних временах и старых богах. Впрочем, именно на этой стадии все и остановилось. У этих двух людей были слишком разные воззрения на окружающую их действительность. Попытка сделать графиню предметом созерцания не сопровождалась простыми человеческими радостями. В итоге Франциска решила, что не сможет быть центром мироздания для философа. Подобная неудача навела Людвига на ряд мыслей, в частности, что любовь является чем-то большим, нежели все привыкли считать. В те дни он записал мысль, кото-

рую затем развил и возвысил до философской концепции: «Истинный внутренний мир человека раскрывается через любовь, поскольку внутри нас заложен первообраз». Первообраз (или, иными словами, архетип) личности — это не сама личность, но то, что может развиваться через разочарование любви, когда архетип приходит в несогласие со своим носителем. Едва ли может быть случайным, что как раз в момент расставания с Франциской фон Ревентлов Клагес предпринимает первую попытку придать своим воззрениям характер некой системы и изложить их в форме книги. Так возникают строки: «Мы стараемся запечатлеть в образе все возможное, что восхищает память человечества на протяжении многих поколений, возможно, даже навсегда». В этой части нашего рассказа нужно подчеркнуть, что, в отличие от спокойного и флегматичного Альфреда Шулера, Людвиг Клагес был весьма «неуемным творцом». Свою работу он видел не в волевом решении, а в стремлении выйти за пределы личностного, сугубо человеческого восприятия.

С началом Первой мировой войны Клагес покинул Германию и перебрался в окрестности Цюриха. Местечко Кильхберг стало его «островком изгнания». Там он провел более сорока лет жизни, лишь изредка выбираясь в Германию. Его жизнь более напоминала подвижничество монаха или от-

шельника. На какое-то время его творчество, его идеи оказываются забытыми. Но, несмотря на это, Людвиг Клагес продолжает работать и делает это до самого последнего дня своей жизни. Великий философ ушел из жизни 2 июля 1956 года.

Рассказ о Людвиге Клагесе и его оригинальных идеях нельзя считать хотя бы относительно полным, если не рассмотреть очень сложный вопрос, касающийся взаимоотношений философа с национал-социалистами. Данное разбирательство не является надуманным в силу двух причин. Во-первых, брат Франциски фон Ревентлов, граф Эрнст, был видным представителем социально ориентированного «мистического национал-социализма», что предопределило контакты Клагеса с представителями НСДАП еще до того, как партия Гитлера пришла к власти. Во-вторых, в годы национал-социалистической диктатуры идеи Клагеса пользовались известной популярностью в среде образованной общественности, что выделяет большую часть в его биографии, которую можно было бы назвать «Людвиг Клагес и Третий рейх». Сразу же надо оговориться, что Третий рейх и как система управления, и как национал-социалистическая форма государственности никогда не был единой и сплоченной структурой. Он разрывался многочисленными противоречиями, личными конфликтами, персональными устремле-

ниями, непомерными амбициями отдельных функционеров, что находило свое выражение в процессе т. н. «борьбы компетенций». В первую очередь это касалось Альфреда Розенберга, который, являясь «министром без портфеля», должен был курировать вопросы идеологической подготовки. Несмотря на многократные заявления, что книга Розенберга «Миф XX века» наряду с «Моей борьбой» Гитлера являлась важнейшим источником национал-социалистической идеологии, это было явным преувеличением. «Миф XX века» (несмотря на огромные тиражи) всегда оставался периферийной работой, а идеи, изложенные в ней, никогда не использовались в части формирования практической идеологии. Гитлер сам не раз и не без злой иронии отмечал, что не смог осилить и двадцати страниц творения Розенберга. Именно по этой причине статус Альфреда Розенберга как официального философа национал-социализма всегда казался сомнительным. В итоге на этом поприще разгоралось множество конфликтов, в некоторые из них, как ни странно, оказался втянут Людвиг Клагес. Например, в 1935 году он выражал активную поддержку Оттомару Шпанну, известному теоретику и пропагандисту идей сословного государства. При этом сам Клагес считался неоспоримым авторитетом в правых и консервативных кругах, представители которых были высокого

мнения о его мысли относительно противопоставления души и Духа. Следует сразу же оговориться, что в числе открытых поклонников творчества Людвиг Клагеса можно было обнаружить видного функционера идеологического аппарата Альфреда Боймлера, а также руководителя молодежной организации «Гитлерюгенд» Бальдура фон Шираха. Впрочем, это вовсе не означало, что это хоть в какой-то мере защищало философа, проживавшего в Швейцарии, от агрессивных нападок догматика Розенберга. В итоге реальная популярность при условии отсутствия партийной поддержки как бы говорила о «подпольном» состоянии немецкой философии в Третьем рейхе. В одном из документов, датированном 1943 годом, в частности сообщалось: «Конечно, [у Клагеса. — *Прим. пер.*] есть нечто вроде закрытой общины почитателей. Но его аудитория значительно шире. Несмотря на то, что его работы сложны для восприятия, их часто читают. Любой может убедиться в этом, для чего достаточно зайти в любую публичную библиотеку и обнаружить, насколько велик спрос на книги Клагеса. И это в то время, как работы его именитых коллег покрыты слоем пыли».

Впрочем, известность и почитание пришли к Клагесу еще в годы Веймарской республики, когда он издал свою самую знаменитую работу «Дух как противник души». Когда 10 декабря 1932 года фи-

лософ отмечал свой почетный юбилей — ему исполнилось 60 лет, он был приглашен из Швейцарии в Германию, на встречу с имперским президентом Гинденбургом, который наградил его «за вклад в науку и искусство» медалью Гете. Принимая во внимание, что это была самая высокая светская награда времен Веймарской республики, можно только предполагать, насколько в действительности в те годы был известен и популярен этот ныне забытый философ. Сам он никогда не стремился к дешевой славе, а потому всегда избегал актуальных тем. Но при этом он вовсе не отказывался от критики демократии и либерализма, хотя и делал это с метафизических позиций. Со временем к этой критике можно было также добавить метафизический антисемитизм, что окончательно «прописало» Людвига Клагеса в правоконсервативном лагере, хотя весьма затруднительно соотнести его позицию с привычной для многих идеологической и политической классификацией. Тогда в одной из своих статей он писал: «Капитализм, либерализм, марксизм, коммунизм — это этапы одного и того же пути, ведущего к полной механизации человеческих отношений, что в итоге должно закончиться тем, о чем бы сейчас догадался даже слепой — бесстыдным господством относительно небольшой прослойки паразитов над огромной армией людей, которые разобщены и по сути своей превращены в рабов». Ес-

ли не считать нападок на парламентаризм как таковой, то Клагес наглядно демонстрировал, что являлся поборником культа крови и культа павших воинов. Например, на страницах «Духа как противника души» он описывал «кровавую жертву, которую приносил воин на поле битвы», при этом в пацифизме он видел движение «самых примитивных прославителей иудаизма».

Как можно было догадаться, метафизический антисемитизм, который он развил в годы Веймарской республики, был восторженно воспринят некоторой частью представителей фелькиш-движения, равно как «национал-социалистических интеллектуалов», которых категорически не устраивала официальная расово-биологическая идеология партии. Впрочем, весомость построений Клагеса признавали даже те, кого можно было бы условно назвать его мировоззренческими противниками. В одном из своих писем, адресованных Бальдуру фон Шираху, Клагес писал: «Безусловно, что человек познается через своих друзей равно так же, как через определение своих врагов. Нет никаких сомнений в том, что те, кто пытался воздействовать на мои мысли и запрещать мои работы, противятся появлению Новой Германии». Причина неприятия Клагесом иудаизма крылась в том, что он соотносил его с Духом и всеми его проявлениями, направленными против души и жизни в целом. Хотя неко-

которые из специалистов отмечают, что антисемитские выпады Клагес стал себе позволять еще на раннем этапе творчества, когда только-только стал заниматься проблемами графологии. В применении к космогоническому Эросу философ полагал, что евреи стремились исказить его суть. Уже после выхода своей работы он писал в одной из статей: «Все человеческое в них — только лишь жесты, вместо человеческого облика — только лишь маска. Она не лжет, ибо она и есть сама ложь». В итоге мы можем обнаружить, что сугубо философская и метафизическая проблема противопоставления души и Духа получает совершенно идеологическую трактовку, как борьба «арийской души» против «еврейского Духа». В итоге начавшуюся Вторую мировую войну Людвиг Клагес мыслил не как военное и даже не как геополитическое событие, но как метафизическую схватку, «последнюю битву души и Духа». Так, например, в письме, которое он направил вице-президенту имперской печатной палаты, говорилось: «Как вы знаете, прошло более сорока лет с той поры как мы вступили в борьбу за человечество, но решающая битва за него идет именно сейчас». Надо отметить, что метафизический антисемитизм Людвиг Клагеса дополнялся вполне осязаемыми антиамериканизмом и антима르크сизмом. Впрочем, когда официальное партийное издание НСДАП, газета «Народнический обозреватель»,

предложила ему сотрудничество, тот отказался. Людвиг Клагес очень скептически относился к национал-социализму в целом, полагая его «собранием ограниченных». Более того, Клагес никогда не присягал национал-социалистам и не собирался это делать, проживая в Швейцарии. Для него Третий рейх был всего лишь одной из форм правления, вызванных к жизни весьма пагубной «волей к власти». Клагес всегда осуждал «волю к власти», полагая ее, с одной стороны, противопоставленной душе, с другой стороны, одним из проявлений злокозненного Духа. Он не без симпатии мог наблюдать за порывом молодежи, которая по зову крови стремилась за солнцем, но исключительное омерзения у него вызывала партийная бюрократия, олицетворением которой стали «нацистские бонзы».

В 1933 году, когда Гитлер был назначен имперским канцлером, Клагес был не безусловно, но поддержан национал-социалистами. Части функционеров была симпатична его философская антиинтеллектуальность. Более того, он подводил не просто философскую, а метафизическую базу под ликвидацию парламентаризма как такового и Веймарской республики в частности. Летом 1933 года по специальному приглашению прусского министра культуры Бернхардта Руста (позже имперского министра образования) Клагес посетил берлинский университет Фридриха Вильгельма для чте-

ния краткого курса «Об основных чертах характера», который строился на его разработках, более известных как характерология. Национал-социалисты даже не скрывали свои намерения относительно того, что планировали использовать философские модели Клагеса в своих собственных целях. В оправдание Людвиг Клагеса можно сказать, что на тот момент ему было уже за шестьдесят лет. Более того, он был ошеломлен, что его внезапно признали ведущим философом страны, хотя на протяжении десятилетий до этого академическая среда отказывалась видеть в нем хоть какого-то философа. Официальное признание было своего рода платой за лояльность.

Надо отметить, что, когда Клагес читал свои лекции в Берлине, лекционный зал был переполнен, в нем пыталось разместиться до четырехсот человек, чего не было ни на одной лекции по философии. Но в то же самое время можно зафиксировать, что национал-социалисты относились с подозрением к Клагесу, только этим можно объяснить тот факт, что ему было отказано в профессуре. Вместо этого ему предложено было сотрудничество с «Немецкой Академией», являвшейся, по сути, частной структурой (забегая вперед, можно сказать, что в итоге Академию возглавил Карл Хаусхофер, подаривший миру такую научную дисциплину, как геополитика). Именно по линии

«Немецкой Академии» в 1936 году был запланировано «большое лекционное турне», в ходе которого Людвиг Клагес должен был выступать в учебных заведениях Голландии, Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии. В качестве представления о Клагесе писалось, что «он — известный исследователь, который пробудил немецкую душу и немецкую природу». Однако турне так и не состоялось, виной тому была позиция Альфреда Боймлера, который решительно изменил свое отношение к философу (или получил указание от Розенберга изменить это отношение). В одном из писем говорилось о нецелесообразности зарубежных лекций Клагеса, так как это могло привести к тому, что «молодые немецкие ученые будут проникаться его философией, а не национал-социалистическим мировоззрением». Эта фраза наглядно демонстрирует, что философия Людвига Клагеса в действительности имела очень мало общего с нацистской идеологией, и на стадии унификации общества гитлеровский режим предпочел отказаться от заигрывания с пожилым метафизиком.

О принципиальных разногласиях между философией Клагеса и национал-социализмом говорит судьба «Рабочей группы биоцентрических исследований», которая была создана в 1933 году инициативными студентами из Лейпцига. Со временем к работе группы, которая в том числе зани-

малась исследованием и популяризацией философии Клагеса, присоединились специалисты из разных сфер, в том числе фольклорист Отто Хут, позже ставший начальником одного из отделов эсэсовского исследовательского общества «Наследие предков». Пару лет на деятельность этой организации никто не обращал внимания. Однако в 1936 году она попала в поле зрения гестапо, после чего ее работа была прекращена. Это нельзя назвать официальными репрессиями, так как, кроме запрета, никаких мер не было предпринято. В данном случае весьма показательным был один из пунктов обвинения, поскольку рабочая группа была признана идеологической, а не научной организацией, то ей инкриминировалось то, что «идейным ядром становилось мировоззрение Людвиг Клагеса, а не мировоззрение Адольфа Гитлера». Как видим, космогоническая метафизика провозглашалась не соответствующей нормам национал-социализма, а Людвиг Клагес провозглашался то ли противником, то ли конкурентом Гитлера.

Негласный, так сказать, подспудный конфликт между поклонниками и противниками Людвиг Клагеса достиг высшей степени своего накала в декабре 1937 года, когда философ отмечал шестидесятипятилетие. С одной стороны, он получил массу поздравлений, условно независимые от официального идеологического руководства НСДАП

средства массовой информации разместили положительные рецензии на книги Клагеса. Самым решительным в своих действиях оказался обозреватель Рудольф Боде, который предпринял открытый выпад в сторону Розенберга. В частности он написал: «Нет смысла опровергать нападки противников Людвига Клагеса, о них все уже сказала физиогномика». В ответ на Клагеса усилились нападки в официальной прессе. В некоторых случаях это приводило к анекдотическим казусам. Например, 27 апреля 1938 года Альфред Розенберг выступал с лекцией в университете Мартина Лютера (Галле). Лекция была посвящена образу жизни и в значительной мере содержала критику позиций философии Людвига Клагеса. Удивительно, но присутствующие в аудитории студенты не стеснялись открыто выражать недовольство. Опасаясь потерять контроль над аудиторией, Розенберг был вынужден в буквальном смысле слова оправдываться. Он заявлял, что многие нападки на философа были недоразумением, что критика вызвана не личным отношением, а «неприятием уныния Клагеса» и т. д. Надо отметить, что отрицание идей Клагеса официальными представителями национал-социализма в итоге пошло на пользу пожилому философу. После окончания Второй мировой войны некоторые либеральные политики требовали, чтобы Людвига Клагеса интернировали

из Швейцарии, а после возвращения в Германию он прошел денацификацию. Тогда в Швейцарии была создана специальная комиссия, которая по итогам специально проведенного расследования установила, что ни сам Людвиг Клагес, ни его идеи не имели никакого отношения к национал-социализму, а потому не было никаких причин интернировать его в Германию из кантона Цюрих.

*Андрей Васильченко,
кандидат исторических наук*

*«Внешнее есть внутреннее,
возведенное в состояние тайны»*

Новалис

ГЛАВА 1

ОБОСНОВАНИЕ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА

Многозначность слова «любовь». Любовь как качество, удовольствие, интерес, привязанность. Различия между привязанностью и инстинктом. Любовь как объединительный инстинкт и его связь с материнской любовью. Любовь как инстинктивное побуждение и его взаимосвязь с голодом. Половое влечение как интимный инстинкт и его отличие от репродуктивного инстинкта. Невозможность приравнивания Эроса к какой-либо из разновидностей любви.

Данные фактологические соображения важны хотя бы по причине того, что позволят избежать вопроса, почему мы используем заимствованное слово «Эрос», а не привычное слово «любовь». Поскольку понятие Эроса, который является предметом нашего рассмотрения, — это нить, тянущаяся из ткани античного созерцания, он может обнаруживать себя в изначальных проявлениях пеласгического мифа о Творении. Из двух возможных доводов против использования термина «любовь» только лишь первого вполне хватило

бы, чтобы полностью отказаться от этого слова. В данном случае мы говорим о его беспрецедентной многозначности. Не претендуя на полную и строгую систематичность, мы позволили себе привести некоторые из наиболее распространенных трактовок любви. По крайней мере, мы полагаем, что мало кто предается сомнению относительно того, что это слово характеризует не просто разнящиеся, но в некоторых случаях совершенно противопоставленные друг другу явления. Мы оставим в стороне историческую ретроспективу употребления этого слова и будем следовать лишь за современным его использованием, что даст нам прекрасную возможность подготовить почву для фактического толкования множественных его проявлений.

Если говорить о любви как о психологическом качестве, то она употребляется в таких фразах, как «человек без любви», то есть тот, кто лишен сочувствия. Это слово можно увидеть в прилагательных «любимый», «любящий», «влюбленный», «любезный», «милостивый Боже» (**liebe Gott**), «хлеб насущный» (**liebe Brot**), «дорогая душа» (которая в состоянии покоя), «славный долгий день» (**liebe lange Tag**), «любимая девочка». А также в определительных существительных «любовник», «упорядоченность» (**Ordnungsliebe**), «добродетельность» (**Tugendliebe**), «правдоиска-

тельство» (*Wahrheitsliebe*), «самовлюбленность», «самолюбивость», «сутяжничество» (*Streitliebe*).

Мы рассматриваем это как состояние затяжного и преходящего предпочтения при описании каких-то процессов. Находим, например, во фразах: «я люблю пить кофе», «я люблю пить чай», «я люблю шоколад», «я люблю ездить вторым классом», «я люблю читать перед сном». Мы также можем обнаружить в любви расположенность и интерес, когда случается «с любовью к чему-то», что может применяться к самым различным объектам: любовь к выбранной профессии, любовь к родине, любовь к науке, любовь к искусству, природе, красоте, театру. Кто-то даже солдатом может быть «с любовью и желанием» и так далее. Когда это явление достигает наивысшей точки, доходит до апогея, то превращается в воодушевление.

Впрочем, любовью является и христианская любовь, в том числе с присущим ей милосердием, которое, делая ставку на всеобщее и неизбежное почтение к человеку, приобретает особый оттенок благодаря допущению необходимости помощи объекту данной любви. В зависимости от того, как акцентируется она на одной из сторон, милосердие означает либо должное почтение, либо же надлежащее сострадание, однако лишь в дополнительной характеристике вызванного этой любовью чувства. В качестве примера можно при-

вести любовь к ближнему, благотворительность, попечительство, проповедь любви, дарение любви, сердечная забота и т. д. В данном случае мы подразумеваем духовное дополнение. Поскольку милосердие предполагает отказ от банального уважения, чем нивелируются права естественной любви, когда предпочитаемый, высоко ценимый объект любви становится постижимым как внутри совершенно «извращенный», происходящий из концепции «враждебной любви». Теперь давайте посмотрим, как Спаситель, в котором мы видим основателя христианского мира как наиболее противопоставленного языческим демонам и языческим героям, согласно Евангелиям называл себя «Сыном человеческим». Тем самым он обожествлял человека, равно как и очеловечивал «Отца Небесного». В основе павлинистской «любви к Богу» кроется канонизация человека как выразителя простой личности, в отношении которой вся природа является лишь его поживой либо же инструментом выражения «воли к власти».

Подобно тому, как, в отличие от «любви к вещи», когда принимается рассудительное решение, «любовь человеческая» проявляется в сердечной предрасположенности, мы полагаем, что слово «расположение» (склонность, наклонность, тяготение) в его буквальном значении совершенно чуждо «сим-

патии». Согласно выбираемому объекту предпочтения можно выделить несколько видов склонности.

Расположение к определенным вещам или же их явленным качествам и характеристикам: любовь к морю, горам, лесу, лощинам, звездами, облакам, озерам, цветам, животным (собакам, кошкам, лошадям, птицам), скалам, югу, солнцу, весне, лету, осени, зиме, определенным мелодиям, запахам, к звукам флейты, определенному архитектурному стилю, жанру живописи, различным объектам искусства. Если же мы говорим о «любви к Родине» как патриотизме, то здесь выделяются две стороны, одна — более важная, вторая — менее значимая. Любовь к чему-либо явно несет на себе отпечаток предпочтения чему-то, что может расходиться, подобному тому, как сильная антипатия иногда может гипертрофироваться и принимать форму так называемой идиосинкразии.

Далее следует расположение к конкретным людям или их личным качествам и чертам. И вновь мы можем обнаружить множеств подвидов: дружеская любовь, родительская любовь, сыновья любовь, любовь близнеца к близнецу, семейная любовь, товарищеская любовь, любовь руководителя, любовь к подчиненным, любовь к народу и т. д. Каждый вид расположенности, безусловно, обладает собственным эмоциональным фоном. Таким образом, любовь к руководителю может быть

созвучна почтению и поклонению, в то время как любовь к народу присуща людям, которым свойственно сострадание.

Отношение к любимой сестре существенно отличается от сложно трактуемых характеристик дружеской любви, мужской или женской дружбы, а стало быть, и товарищества вообще. Родительская любовь к детям совершенно не идентична сыновней любви к родителям. «Подмастерье любит мастера на один манер, мастер мастера — иначе», — сказал Ницше в «Утренней заре».

Едва ли есть необходимость говорить о том, что выбор, predetermined личной благосклонностью, в состоянии сформировать выборочную близость, а следовательно, может проявляться в качестве первоначальной силы, связывающей людей. Везде, где простое сообщество интересов еще не разорвало узы природы, и даже внутри групп по интересам, осознание принадлежности к коллективу или замкнутой группе базируется на чувстве симпатии. В сочетании с силой привычки от симпатии возникает естественная привязанность, которую кто-то демонстрирует в отношении семьи, кто-то — в отношении родной земли, кто-то — к профессиональному сообществу, и это основывается не только на исполненном пафосом древнем понятии верности. Мы совершенно запутались бы, если сейчас с воодушевлением придерживались бы

принципов старогерманской «дружинной преданности» или скифской «дружеской верности», но мы не можем не признать в них остатков симпатического следования за жизнью.

Кроме того, как уже говорилось, есть любовь к сугубо внешним характеристикам человека: красивым или особым рукам, ногам, осанке, форме головы, носу, цвету кожи, овалу губ. Предпочтение, отданное блондинкам или брюнеткам, голубоглазым или кареглазым, известно как продиктованное выбором, но в то же самое время содержит в себе указания на то, что расположенность человека частично проистекает из расовых особенностей человека. Если мы различаем степени расположенности, то можно составить градиентный ряд, идущий от простой привычки до страстного влечения. Ни один из вышеуказанных типов расположенности не оставался бы на уровне прохлады, но рос бы от тепла до настоящего жара!

Во всех ранее рассмотренных случаях слова «любовь» и «расположенность» являются вполне взаимозаменяемыми; теперь же мы должны изучить случаи, где данное слово, вне всякого сомнения, относится к сфере инстинктов. Однако, поскольку может показаться, что «склонность» и «инстинкт» — это по сути одно и то же, хотелось бы заранее рассмотреть различия между этими двумя терминами. Следует толковать слишком

широко слово «склонность», чтобы оно стало синонимом импульса, и не менее широко трактовать слово «инстинкт», чтобы оно подразумевало «расположенность». Однако если бы мы все-таки позволили себе эту вольность, то могли бы заметить, что импульс и расположенность — это прямо противопоставленные друг другу порывы души, один из которых можно постигнуть только лишь через чувство расположенности, а другой — только через переживания импульса. Разумеется, «расположенность» может быть заменена «склонностью», уже в этимологии которой читается наклон в сторону выбранного объекта, но при этом любая склонность может приобретать формы простого, но постоянного состояния чувства, без затухания или утраты прежней важности. Несмотря на это, притягательность может воздействовать на любой уголок души, инстинктивные чувства, толкающие к соединению, заставляют действовать, что в итоге действительно приводит к возникновению союза, что было бы едва ли возможно, если бы это вело к ощущению более-менее заметных нарушений. Следовательно, мы должны различать подлинные наклонности и подлинные инстинкты. «Инстинкт» — это направленность, которая неизбежно идет изнутри наружу; «расположенность» является назидательной, по мнению людей, но она может поглощать или вести к падению, если это допус-

кают обстоятельства. Обратите внимание на устойчивое словосочетание «падшая девица», в котором кроется, что она учла ошибки, совершенные ею в результате «склонности», то есть «покатившейся по наклонной». Есть не так уж много доказательств, которые могут дать понимание, что при общем словоупотреблении нередко игнорируется подлинная суть слова.

Если бы все виды расположенности именовались также симпатиями, то это было бы отчасти излишне утрировано, а отчасти просто-напросто ошибочно, что в первую очередь относится к подлинным инстинктам единения. С другой стороны, мы невольно обозначаем степень нарастания инстинкта, нежели склонности. Мы предельно редко говорим о «сильной склонности», нежели о «сильных инстинктах». И при этом мы никогда не употребляем определение «глубокий» для описания силы инстинкта, но при этом полагаем весьма удачным использование этого слова для описания расположенности, которую можем описывать при помощи словосочетаний «глубокая симпатия», «глубокое сочувствие». Через сильный инстинкт мы хотим подчеркнуть то чувство, которое стало причиной побудительного движения; однако под глубокой расположенностью мы подразумеваем *πάθος*, то есть состояние. Если же мы отнесем отвращение и антипатию к соответствующему не-

гативному инстинкту, то было бы упущением полагать, что он вызывает одно и то же самое действие. В состоянии глубокого отвращения вы будете избегать предмета. При сильной ненависти, гнев или зависти вы будет стремиться избавиться от него. Конечно, в данном случае речь идет о мести, но не о мстительности. После того, как мы рассудительно (в некоторой степени) выяснили различия между понятиями, мы перечислим три вида инстинктивной любви, которые будут лексически отличны друг от друга.

1. Инстинкт единения как таковой

Инстинктивная любовь — это всегда инстинкт единения, а инстинкт единения является инстинктом физического слияния. Поскольку два обособленных существа не способны быть физически слитыми воедино, то первобытная форма реализации данного импульса представляет собой максимальную физическую близость или, по крайней мере, предполагает физический контакт, для исхода которого группа людей совершает символический акт поцелуя. Если мы попытаемся найти суть этого вида любви через проявление нежности, то ее основной формой является материнская любовь.

Мы отнюдь не случайно в качестве примера привели материнскую любовь, именно она повторно указывает на существенные различия между любовью и инстинктом. Материнская любовь к собственным детям весьма отличается от простой симпатии к абстрактному ребенку. Это привязанность, это инстинкт. Личная симпатия может обладать множеством вариаций в зависимости от вида и степени проявления. Во многом обезличенная материнская любовь одной матери к ребенку напоминает любовь другой уже к другому ребенку!

Поскольку каждый из инстинктов является в разной степени животным проявлением, то материнская любовь, безусловно, имеет духовную глубину, но отнюдь не обладает духовной высотой и в данном случае может проявляться как у людей, так и у животных. По причине этой духовной ограниченности сразу же становится логичным, почему мать не видит в собственном ребенке никакой иной эмоциональной ценности, кроме как принадлежности к ней самой. Как мать она не будет более строга к «блудному сыну», даже если будет вынуждена осудить его поведение, чего не делает в отношении образцового ребенка. Нет никакой необходимости закрывать глаза на слабые стороны ее детей, однако это никак не затрагивает ее материнские инстинкты. И это не относится в равной степени к отцовской любви, так как отец более

придирчив к собственным детям! По этой причине в лексике «материнская любовь» вовсе не идентична «отеческой любви»! Нередко отношения между отцами и дочерьми, которые должны быть отмечены отдельно, относятся к сфере сексуальности, о чем мы еще не говорили. Против интенсивности материнской любви не может также свидетельствовать тот факт, что она достигает своей кульминации в максимальной опеке. Естественное выражение инстинкта находит свое выражение в нежной привязанности, хотя рассматриваемая здесь забота первоначально относится к телу младенца. Забота также присуща отцу, но она не предполагает физического контакта, а ориентирована на заботливое обеспечение. Мы отчетливо видим, какое значение имеет физическая близость в рамках материнской любви, но при этом мы должны подразумевать достаточный уровень инстинктивного сопротивления, которое направлено против отдаления от своего ребенка. Боль расставания двух прощающихся старых друзей, братьев и сестер, супругов кажется ничем на фоне разлучной боли матери. И это отнюдь не потому, что их взаимная любовь слабее, а потому что если она не преобразована продолжительной привычкой совместного проживания, то подразумевает значительно меньшую близость, нежели тела матери и ее ребенка. Не случайно старый китайский иерог-

лиф, означающий «любовь», выражен слитыми фигурами женщины и ребенка! Если мы признаем в материнской любви «инстинкт единения как таковой», то мы больше не должны удивляться тому, что постоянно обнаруживаем в материнском инстинкте проявление ласки. Несмотря на то, что язык не создал для обозначения внеполового единения столь же много обобщающих понятий, как это случилось с естественной «материнской любовью», тем не менее, словосочетание «нежная любовь» указывает на нежность как важнейший аспект, позволяющий перейти к любви как единению. Мы также можем обнаружить множество схожих инстинктивных импульсов в мире детства (условный аналог материнства). Детская любовь к животным очень сильно отличается от любви к животным, которую проявляют взрослые. Эта любовь сродни ласке и нежности, направленным на любимое животное.

В случае с «нежной любовью», в которой мы должны учитывать ее инстинктивную природу, мы также должны сказать о вынужденной нежности, которая проходит хотя и в разной степени, но через всю человеческую жизнь. Она в большей степени присуща женщинам, нежели мужчинам. Именно у женщин она достигает своего апогея и может приобретать самые различные формы, распространяясь на разные вещи. Она может быть

спроецирована на меха, на бархат, на боа из птичьих перьев, на мягкую траву, на пуфик и кушетку, на скульптурную пластику, на вспаханную землю. Одним словом, на любые мягкие или упругие предметы, которые вызывают укоренившееся желание прикоснуться к ним. К проявлению этого же инстинкта можно отнести принятие теплых ванн, что в древности было возведено в ранг настоящей страсти. Как уже показывалось в случае с ребенком, он увлекается определенными видами животных (такими как кошки), что предопределено их мягкой шерстью и объемной формой объекта в целом, что в свою очередь можно отграничить от рассудительной любви к некоторым животным, о которой мы также упоминали ранее. И, наконец, нет никакого сомнения в том, что стихийная любовь к Родине, которая в случае оставления оной приобретает форму угрожающей жизни «тоски по Родине» (по крайней мере, в среде первобытных народов) подпитывается инстинктами, которые можно удовлетворить лишь через близость к дому и к родному краю. Впервые об этом поведал Ливингстон, который сообщил о пограничных жителях реки Луалаба, что нередко скоротечно умирали по причине «разбитого сердца» после того, как надолго уходили из дома. В данном случае, равно как и со многими иными «первобытными народами», распространение нежности на растения и де-

ревья, равно как на орудия труда или инструменты являлось чем-то само собой разумеющимся. В древней Германии деревьям желали «доброго утра», а также торжественно возвещали о смерти хозяина. Некоторые из африканских племен будили свои лодки барабанным боем и пели им колыбельные, когда укладывали спать после предпринятой поездки. В связи с вышесказанным нам становится понятно, как человек, сильно страдающий от тоски по Родине, может внезапно пойти на поправку, когда получает небольшой «кусочек» дома. Например, это может быть испеченная дома буханка хлеба (конечно, в данном случае речь идет не о ее пищевой ценности). В новом свете перед нами предстает символическое содержание мифа об Антее, который утрачивал свою силу, когда лишался физического соприкосновения с Землей! Таким образом, начав с материнского тепла, мы перешли к Земле, сразу же ощущая тесную связь «нежной любви» и «сердечной любви». Мы сразу же хотим обратить внимание на спекулятивную психологию, которая стремится вывести нежность, близость, чувство материнства, короче говоря, все то, что мы обозначаем как «инстинкт единения как таковой», от сексуального импульса, так как образованная прослойка обладает совершенно туманным пониманием сути Эроса.

2. Инстинкт поглощения

То, какую исключительную роль играет инстинкт поглощения в Эросе, мы рассмотрим позже. Но, с другой стороны, когда мы в данном месте трактуем концепцию любви, можно усомниться в том, уместно ли здесь использование слова «поглощение», даже если подразумеваем, что речь идет о предпочтении какого-то вида пищи. Но если рассматривать любовь исходя из ассоциативной позиции, то она выходит далеко за рамки «близости» или «соприкосновения». Но никто не отрицает возможности наслаждения пищей, равно как наличия желания выпить. А это означает допустимость любви к пище и любви к питью. Тем не менее, каждый из двух этих инстинктов (потому что голод и жажду надо рассматривать отдельно) имеет заметную вариативность, основанную на вкусах. Любовь к холодной питьевой воде отличается от любви к молоку или к вину, а те отличны от предпочтения конкретного сорта вина: бордо, рейнского или токайского. Мы еще не задаемся вопросом, как совершается кульминация удовольствия и ее исполнение, но пока лишь указываем, что наслаждение едой или напитком кроется только в поглощении этих приятных вещей. Мы впервые сталкиваемся с инстинктами, которые не только подталкивают к свершению действия, но

усиливают его, кажутся весьма животрепещущими, а потому ассоциируются с непреодолимыми потребностями, в которых важным является не страсть или воодушевление, а степень их усиленности: «неутолимый голод» или «неутолимая жажда». Но даже если тревожная природа инстинкта поглощения в качестве дополнения к основным потребностям допускает возможность проявления нежности, то едва ли найдется хоть кто-то, кто не вспомнил бы об особом, несравненном удовольствии, которое испытываешь во время еды или питья. Однако если в пищевом и питьевом переживании имеются искусственные (качественные) черты, то даже при рассмотрении голода или жажды с точки зрения инстинкта поглощения мы будем вынуждены отказаться от вывода из недр «питательного инстинкта». Питание является следствием приема пищи, что должно осознаваться человеком, а потому не является составной частью инстинкта! Вся теория инстинктов фальсифицирована и безнадежно извращена. Если вы хотите постигнуть суть инстинктов, то бесполезно это делать через опыт наблюдения за последствиями их воздействия! О том, насколько житейская мудрость древних была более последовательной, нам свидетельствует поздний и вполне академичный мыслитель Аристотель, определяющий голод как

инстинкт соприкосновения с питательным, а жажду — как инстинкт соприкосновения с влажным.

3. Интимное влечение, или секс

Если ранее нам требовалось специальное разъяснение, чтобы сделать очевидным взаимоотношение любви и интимных инстинктов, сейчас мы будем исходить от противного, а потому дадим комментарии, чтобы доказать, что любовь означает нечто иное, нежели просто половое влечение. Как если бы мы оказались по другую сторону вещей! Это позволило бы нам избавиться от необходимости видеть в сексуальном влечении корень всех вещей. Но при этом надо отметить, что «любовь» нередко все-таки подразумевает сексуальное желание, а потому могут «любить» для успокоения своих половых инстинктов.

Поскольку термин «сексуальный инстинкт» в узком значении используется для обозначения полового акта, то необходимо обозначать различные виды соития, а также различные виды сексуальной активности (которые по отношению к привычному могут обозначаться как извращенные). В более привычной терминологии эта сфера может включать в себя гомосексуализм (любовь мужчины к мужчине), педофилию (любовь к детям), лесбий-

скую любовь, зоофилию (любовь к животным), стремление к самоудовлетворению. Кроме этого, сюда же можно отнести любовь к причинению боли (садизм) и любовь к получению боли (мазохизм). Кроме этого, можно отдельно обозначать любовь к демонстрированию, подразумевая под этим всевозможные разновидности и оттенки эксгибиционизма. Кроме этого, может проявляться пристрастие к отдельным частям тела, выделениям и предметам из повседневной жизни, для чего используется весьма размытое понятие «фетишизм».

При последующем анализе Эроса мы покажем, почему точка зрения, подразумевающая под этим секс разнополых партнеров, является недостаточной. С другой стороны, как мы уже отмечали, сексуальное влечение может быть акцентированным через чувство голода или «пищевые инстинкты». А потому было бы принципиально неверно и преднамеренно ошибочно сводить Эрос только лишь к «инстинкту размножения». Опять же, хотя размножение и является одним из возможных следствий сексуальной активности, но это отнюдь не является целью приобретения сексуального опыта, равно как не является целью интимного возбуждения. Собственно Эрос недоступен животным, а лишь только людям. Следовательно, к размножению по репродуктивным причинам ведет вовсе не животное, кроющееся в человеке, у кото-

рого есть только половые инстинкты. К этому ведет его дух, который может всего лишь сопровождать инстинктивный порыв мыслью о продолжении рода, равно как желаниями, с этим связанными. Конечно, в некоторых случаях эти желания могут принимать инстинктивную форму. Но тогда они не похожи на сексуальный инстинкт, который может рассматриваться всего лишь как средство, и даже не инстинкт как таковой, а «интерес», направленная воля, мотивы разного свойства. Например, мужчина иногда ставит свои сексуальные инстинкты на службу интересам племени и его сохранения, теперь это будет «инстинкт размножения». С другой стороны, если женщина хочет детей, а возможно, даже несколько, то она регулярно подчиняет свое сексуальное влечение инстинкту материнской заботы, и это будет уже ее вариант «инстинкта размножения». И он не имеет ни малейшего сходства с желаниями мужчины и его аналогичным образом обозначаемыми инстинктами! На этом примере мы наглядно демонстрируем нелепость утверждений тех, кто путает между собой природные инстинкты и человеческие интересы, что приправляется фантазиями об итогах их мнимого воздействия.

Мы уже подчеркивали некоторые моменты, когда анализировали склонности. Это может быть применимо в случае с инстинктивно увлеченными,

когда их высокая степень увлечения может именоваться «страстью», а низменное влечение к предмету желания — «одержимостью» или «зависимостью». Мы еще не проводили детальный анализ причин, но можем указать, что страстная любовь имеет три проявления: глубокую склонность, горячий порыв и исключительность выбора, что совершенно неведомо животным и первобытным людям. Когда хочется подчеркнуть силу импульса, то говорят о пламенном желании и эструсе: «горячая любовь», «пылкая любовь» (в данном случае слово «жар» является синонимом «глубины»). Если же предмет инстинктивных желаний является низменным, тогда выбирается слово «зависимость». Например, «любовь к [азартным] играм» может очень быстро превратиться в «азарт игры», а затем в «игровую зависимость». «Любовь к вину» может трансформироваться в «алкоголизм», «любовь к еде» — в «обжорство», а также может возникнуть «зависимость от опиума» и т. д. Поскольку изначально слово «зависимость» подразумевало болезнь, то зависимость любого психологического свойства пребывает в теснейшем соседстве с «порочностью», а это в свою очередь делает очевидным, что многие любовные пристрастия относятся к числу «пороков».

В конце этого вовсе не исчерпывающего обзора проявлений слова «любовь» в современном

нам языке мы попытаемся сопоставить некоторые теории любви, а также сделать различия между ними наиболее ощутимыми, но при этом не подменяя их суть словом «любовь». Мы попытаемся описать их коротко, преимущественно одним словом: интерес (любовь к делу) — эгоизм (любовь к самому себе) — сострадание (любовь к ближнему) — эстетика (любовь к красоте) — дружба (любовь к друзьям) — материнство (любовь к детям) — нежность (нежная любовь) — страсть (жесткая любовь) — пьянство (любовь к алкоголю) — секс («любовь»). Когда воочию видно, что может обозначаться одним и тем же словом (эгоизм — дружба — интерес — сексуальность — материнство), тогда становится понятным, почему была обречена на провал попытка исследования слова «любовь». В то же самое время это дает понимание масштаба проблемы, что важно для правильной оценки нелепого намерения облекать в одно и то же слово и всевозможные инстинкты и качества, которые вызваны самыми различными внутренними побуждениями, включая сексуальное влечение! Оргиастическое торжество сексуализма знала и ранняя, но в особенности современная медицина. Однако после наших лингвистических изысканий мы едва ли поддадимся соблазну возводить секс до такого уровня значимости, чтобы ставить его во главу угла рассматриваемого нами вопроса. Но при этом мы

можем себе позволить заметить, что так называемая «любовь» является весьма противоречивым объектом, что связано с частотой использования этого слова, которое вообще не обладает единством внутренних смыслов! И это подвергает нашу «науку» риску, что она более не будет взаимодействовать со столь важной, изучающей смыслы дисциплиной, как метафизика, а потому превратится в банальное изучение фактических данных. Едва ли потребуются много слов, чтобы обозначать причину, по которой более важно использовать не слово «любовь», а понятие «Эрос». Из всех значений слова «любовь», что мы изложили выше, ни одно не было получено из постижения элементарного Эроса. Мы можем найти это лишь в некоторых любовных романах, но ни одна из трактовок не подходит для наших целей. Таким образом, мы не можем выбрать из тысячи значений слова «любовь» ни одного, которое бы говорило нам об изначальном Эросе. И этого вполне достаточно, чтобы обосновать отказ от использования слова «любовь». Прежде чем мы приступим к постижению любовного значения элементарного Эроса, мы не можем не отметить, что использование имени языческого божества Эроса произошло не спонтанно, а в связи с античной эпохой.

ГЛАВА 2

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ ЭРОСА

От Эроса буколических произведений до Эроса орфиков. О древнем культе Эроса. Эрос как Бог Мистерий. Платоновский Эрос в «Пире». «Федр». Намерения и учения, враждебные по отношению к жизни.

Мы можем обнаружить в равной степени два мощных образа, когда обычно говорим об Эросе в исторических эпохах. Это образ крылатого Амура, вооруженного луком, с колчаном стрел, венком и факелом, и близ него — «платоновский Эрос», ставший символом «платонической любви». Изображения нежно резвящихся Амуров достигли своего совершенного воплощения в александрийскую эпоху и затем были повторены в период рококо. Платонический Эрос хотя и был связан с более глубокими идейными пластами, но, как мы продемонстрируем, все равно преднамеренно искажает суть. Эрос изображается подобно маленькому мальчишке, которого за его шалости наказывает его мать Афродита, и он превратился в Путто, что является заслу-

гой авторов буколических произведений. За ними следуют поэмы Феокрита об отдыхе Афродиты и Адониса. Над ними кружится выводок купидонов, которые изображены мальчуганами милейшего вида, все это сопровождается пением соловьев, расположившихся в тени ветвистых деревьев. Создание множественных и искаженных форм привело к тому, что «Амур» в первую очередь стал ассоциироваться со страстным, но роковым увлечением Психеей, то есть утонченной сказкой, сочиненной Апулеем, которая в позднее время вытеснила из сознания изначальную божественную форму. Это привело к тому, что сейчас даже образованные люди не всегда в состоянии понять, о чем идет речь, когда упоминаешь «космогонический» Эрос. Однако все выглядит несколько иначе, когда мы слышим хор в «Антигоне» Софокла. Хор возвещает: «О Эрос-бог, ты в битвах могуч! О Эрос-бог, ты грозный ловец! На ланитах дев ты ночуешь ночь, ты над морем паришь, входишь в логи зверей, и никто из богов не избег тебя, и никто из людей: все, кому ты являлся, безумны! Не раз сердца справедливых ты к неправде манил, на погибель влек и теперь родных в поединке свел. Но в невесты очах пыл любви сильней! Вековечный устав утвердил ее власть». Если в стихотворении был заявлен просто трагизм, то мы начинаем слышать иные отголоски и подозревать демоническую природу изначального Эроса. Это слышно, когда Анак-

реонт хотя и изящно, но заявляет, что Эрос поразил его тяжким молотом, а затем калил его, подобно раскаленной стали, опущенной кузнецом в холодную воду. О взмахмах крыльев канувшей молодости можно прочесть у Ивика: «Эрос влажно мерцающим взглядом очей своих черных глядит из-под век на меня и чарами разными в сети Киприды крепкие вновь меня ввергает. Дрожу и боюсь я прихода его. Так на бегах отличившийся конь неохотно под старость с колесницами быстрыми на состязание идет». Мы полагаем, что между этими и упоминавшимися ранее стихотворениями Феокрита пролегал долгий путь, который полностью трансформировал концепцию Эроса. Его образ исказился в сознании мыслителей, он был очеловечен, сделан более благообразным, а угрожающая форма демонических сил природы сначала была направлена на периферию сознания, а затем и вовсе предана забвению. А ведь Ивика и Феокрита разделяют три столетия! Нет никакого сомнения в том, что чем глубже мы погружаемся в прошлое, тем более меняется образ Эроса, приобретая сверхчеловеческие черты. То, что божественность Эроса не фиксируется никем ранее Гомера, вовсе не должно позволить отказаться от мысли, что Гомер всего лишь воспринял более древние духовные импульсы, которым он и обязан своим творчеством. Так как нет никаких сомнений в том, что ионийские греки, проживавшие на территории Малой

Азии, одержали духовную и личностную победу над хтоническими и элементарными божествами много раньше, нежели греки Аттики. Самые красноречивые описания древних времен мы можем найти во все не у Гомера, это следует искать отчасти у Гесиода, а также в наследии сект и тайных обществ, которые вели борьбу за греческую душу от начала дионисийского наплыва вплоть до шестого века. У Гесиода, который обращался к нашей проблеме, мы сразу же натываемся именно на «космогонический» Эрос! Наряду с Геей и Тартаром он является одной из божественных потенций, творящих мир. Все они возникают из безраздельного хаоса. Это отчетливо видно в орфических космогониях (в первую очередь младших, которые в большей степени унаследовали древнюю традицию). В самой известной и самой важной для нас говорится, что Эрос был сотворен из эфира и безграничной бездны, хаоса и серебряного мирового яйца. Его творцом был Хронос, то есть «никогда не стареющее время». Именно из этого яйца вылупился сиятельный Эрос, являющий собой демоническую триаду Метис, Эрикипей и Фанес. Он андрогинный, а потому несет в себе зародыш всех божеств! Забегая вперед, можем сказать, что через самооплодотворение он произвел на свет старшее поколение греческих богов, а именно триаду: Ехидну, Гейю и Урана. Аналогичным образом в «Космогонии» Ферекида Зевс не восходит в статус

демиурга, пока не становится Эросом. Лукиан упоминает «космогонического» Эроса как «мистического иерофанта», который погрузился в пучину хаоса и проник с «лучистым факелом» в рождающуюся Ночь. Согласно последним исследованиям, получены сведения, которые не оставляют никаких сомнений в том, что орфики, наследовавшие древние культы, несмотря на то, что все-таки в итоге сошли с пути учения о спасении, своими остатками все же удобрили почву, на которой позже произросли пифагорейская школа и платонизм. Как мало общего у наших представлений о крылатых Амурах с тем, что мы узнаем об изначальном Эросе из беотического города Феспия, в честь которого каждые пять лет справлялся специальный праздник — эротидии. В данном случае Эрос был огромным неотесанным камнем. Это походило на камень Кибелы, великой матери, что со временем стало ассоциироваться с черным камнем из Эмесы, который позволял безумному императору Элагабалу (служителю одноименного бога) насмехаться над римскими божествами! В храме Юпитера Феретриуса также был «священный огненный камень», на котором приносились клятвы и заключались договоры. Точно то же было в лаконских Левктрах и троянском Парионе — местах, где в древности жили пеласги, а позже ставшими местами почитания Эроса. Переход к орфическим мистериям, очевидно, говорит о древнем культе «благодетель-

ной» Гейи, где, помимо Зевса, в качестве «искупителя» и божества мистерии выступает «Эрос Космогнос». В честь него сочинялись орфические гимны для Ликомид (по мнению Павсания, эти гимны были много старше поэзии Гомера!).

Этот деймон планетарной беременности и вечного возрождения отличается от александрийских эросов мимолетных страстей в такой же мере, как позже была искажена идея мужского союза, который оказался связан с трансформированными представлениями Платона, вылившимся в эллинский «гомосексуализм». Это должно быть нечто глубинное, действительно пугающее и божественное, что надежно сплачивает фиванцев в «священный отряд», идущий на героическую смерть своей Родины. Это должно быть то, что жители Крита подразумевали, когда ставили на первую линию боя свою самую прекрасную молодежь, которую приносили в жертву Эросу. И, конечно же, не было ничего изнеженного и амурного в жесткой и древней Спарте!

Принимая во внимание все вышесказанное, мы полагаем оправданным возвести изначальный Эрос в ранг богов мистерий. Сабазия, Аттиса, Адониса, Диониса, Вакха, Осириса, Сераписа, которые в свою очередь всего лишь являются частью грозной свиты Великой Матери: Кибелы, Астарты, Афродиты, Берегини, Исиды, Деметры, Гекаты, Пер-

сефоны, Урании, Луны, Магны Матер, Венеры Целестины, Беллоны и т. д. В то время как почитание Великой Матери, пребывая позже в смеси с римскими богами, только процветало, культ Эроса пришел в упадок. От некогда мощного деймона древних мистерий сохранилось два остатка. Человеческий Эрос, который восславлен людским искусством, в особенности воспет лукавыми поэтами, и Эрос как философский термин, используемый для обозначения эскапизма, желания скрыться из вырождающейся реальности, а также как часть учения об отречении, которое было присуще тайным обществам и катарам, чьи культы были связаны с Ваалом, Сераписом, Митрой и Непобедимым Солнцем (Sol Invictus). Мы также укажем на то, почему космогонический Эрос постигла такая судьба, но для начала мы должны сказать несколько слов об учении человека, который решительно predetermined философскую концепцию Эроса в древности, а именно о воззрениях Платона.

Несмотря на то, что фактически вся философия Платона в той или иной мере пронизана идеей Эроса, но в действительности самыми «эротическими» являются диалоги «Пир» и «Федр». Возможно, он дает возможность почерпнуть некоторую информацию о греческой «юношеской любви», которая, пропущенная через Платона, возвращает нас к древней концепции Эроса. Поскольку содержание «Пи-

ра» можно считать достаточно известным, то позволим себе привести несколько отрывков, которые мы позже снабдим отдельными как позитивными, так и негативными комментариями.

В связи с заявлением о непреодолимости любовного желания двух разделенных половин слиться воедино утверждалось то, что в древности изначально имелось двуполое округлое существо, которое было разделено на две части богами, так как те опасались, что оно станет излишне могущественным. Гефест задает вопрос: «Чего же, люди, вы хотите один от другого? Может быть, вы хотите как можно дольше быть вместе и не разлучаться друг с другом ни днем, ни ночью?» При этом он изъявляет готовность «сплавить вас и срастить воедино, и тогда из двух человек станет один». В данном случае это исходило из одержимости стремлением «слиться и сплавиться с возлюбленным в единое существо». Из более позднего описания Эроса устами платоновского Сократа, что в итоге стало откровением жрицы Диотимы, которая говорит о главной вещи, по ее словам, Эрос не является ни богом, ни человеком, но деймоном (гением), представленным и в тех, и в других. В платоновской версии Эрос является, с одной стороны, дитем отца Пороса (божества богатства и изобилия), а с другой стороны, несчастной материи Пеннии (персонификации нужды и бедности). Отсюда

он обладает частичкой совершенства, которая заставляет его тянуться к абсолютному совершенству. Он выступает как посредник между людьми и богами, а потому через свое деймоническое (гениальное) посредничество способен творить чары и предрекать: «Быть истолкователями и посредниками между людьми и богами, передавая богам молитвы и жертвы людей, а людям — наказания богов и вознаграждения за жертвы. Пребывая посредине, они заполняют промежуток между теми и другими, так что Вселенная связана внутренней связью. Благодаря им возможны всякие прорицания, жреческое искусство и вообще все, что относится к жертвоприношениям, таинствам, заклинаниям, пророчеству и чародейству. Не соприкасаясь с людьми, боги общаются и беседуют с ними только через посредство гениев — и наяву, и во сне. И кто сведущ в подобных делах, тот человек божественный, а сведущий во всем прочем, будь то какое-либо искусство или ремесло, просто ремесленник. Гении эти многочисленны и разнообразны, и Эрот — один из них».

Это соответствует состоянию эротического возбуждения, которое мы трактуем много шире, нежели привычное определение, как настойчивое стремление к слиянию с объектом желания, то есть преодоление половинчатости. Диотима задает вопрос: «Ну, а если любовь — это всегда любовь к

благу, то скажи мне, каким образом должны поступать те, кто к нему стремится, чтобы их пыл и рвение можно было назвать любовью?» Когда Сократ затруднился дать ответ, то Диотима продолжила: «Все люди беременны как телесно, так и духовно, и, когда они достигают известного возраста, природа наша требует разрешения от бремени. Разрешиться же она может только в прекрасном, но не в безобразном. Соитие мужчины и женщины есть такое разрешение. И это дело божественное, ибо зачатие и рождение суть проявления бессмертного начала в существе смертном».

Кроме того, надо отметить, вожделение тела существенно отличается от вожделения души. Первое есть и в животном, и в человеке (в его животной части), второе — только в человеке, в его духовной части. Духовное вожделение приводит к рождению художественных произведений, а также к героическим деяниям (чтобы обеспечить тем самым «вечную славу» в памяти потомков). Также оно относится к той части физической любви, что присуща мужчинам! Это свершается для зарождения высшей мудрости в душе возлюбленного и обретения им вечного небесного блаженства! То, как любящие достигают этой цели Эроса, Телеты, подлинного посвящения в таинство, лучше всего объяснить через изложение платоновской «теории идей» устами более словоохотливого Федра. По

мнению Платона, если кто-то любит красивого, прекрасного человека, он любит вовсе не эфемерное существо с конкретными недостатками, присущими отдельным людям, но любит в нем в его красоту, его превосходство, его справедливость, и те добродетели, которые всегда вызывают любовь и являются достойными любви. Человек, взятый сам по себе, никогда не является абсолютным красавцем, добрым и совершенным, но только имеет возможность стать таким, подобно многим другим. Многие люди стремятся к одной и той же красоте, доброте и совершенству, и причастность к этим сверхличностным, безукоризненным и нетленным «идеям» соответственно добра, красоты и совершенства делает их привлекательными в глазах других. Но как же мы можем узнать об этих «идеях», если каждый явленный индивидуум никогда не был абсолютным их воплощением? Как мы вообще что-то можем знать о том, с чем никогда и никоим образом не сталкивались? Платон дает такой ответ: мы черпаем это из памяти (анамнез)! В пренатальный период существования, который является идеальным и высшим, наша душа, точнее говоря, ее бессмертная часть, еще не слившаяся с телесными формами, дает нам возможность воспринимать «идеи» или архетипы (первообразы). Однако затем происходит метафизическое грехопадение — бессмертная душа отягоща-

ется телесностью, а вместе с этим забывается все, связанное с пренатальным состоянием, а следовательно, забываются «идеи», которые были восприняты в это время. Эрос как раз провоцирует у отдельных лиц, которые более остальных наделены причастностью к этим «идеям», внезапное воспоминание о ранее увиденном, что подобно неожиданной вспышке. Так незримые нам красота, доброта и совершенство в их эфемерном состоянии навязываются нам самой любовью.

«Ведь человек должен познавать истину под формою так называемого рода, который составляется из многих чувственных представлений, приводимых рассудком воедино; а это делается чрез воспоминание о том, что душа знала, когда сопровождала бога, и, презирая все, называемое ныне существующим, приникала мыслью к истинно-сущему». «Напротив, только что посвященный, созерцавший много тамошнего, при взгляде на богообразное лицо, хорошо запечатлевшее на себе красоту, или какую-нибудь бестелесную идею, сперва приходит в трепет и объемлется каким-то страхом тамошнего». «Таковыми-то воспоминаниями пользуясь правильно, человек достигает полного освящения и один бывает истинно-совершенен. Правда, чуждый житейских забот и преданный божественному, он терпит укорины толпы, как помешанный: но толпа не замечает, что он в энтузиазме».

Затем рассказывается о борьбе между злым и добрым «конями», сокрытыми в душе человека, что есть борьба между предложенными Платоном «земной и небесной любовью» (в «Пире» они представлены фигурами Афродиты и Урании), а если использовать современные понятия, то это борьба между чувственной страстью и эмоциональным восторгом. После того, как «небесная любовь» одерживает победу над «любовью земною», исчезает влечение, которое уступает место желанию духовного развития возлюбленного, что может сделать его подобным божественному, это как раз вспышка воспоминаний, вызванная Эросом. И действительно, каждый любящий, выбирающий для любви подобного, формирует возлюбленного в соответствии с божественным, которое управляет им. Те, кто ведом Зевсом, стремятся найти душу, похожую на Зевса, а потому имеют судьбу стать «государем либо военачальником». «Присматриваясь, чтит его, как бога, и если бы не боялся прослыть очень исступленным, то своему любимцу приносил бы жертвы, будто священному изваянию, или богу».

Обретая любовь, душа начинает вновь обретать «оперение», которое оно утратила после падение из мира архетипов (первообразов), теперь она приближается к той границе, где определяется бытие. После смерти любящие попадают во «вне-

земное место», которое «ни один поэт не смог воспеть достойно». «Сделавшись пернатыми и легкими, выигрывают одно из трех истинно олимпийских сражений, то есть достигают такого блага, более которого не может доставить нам ни человеческая рассудительность, ни божественное исступление». Здесь мы сталкиваемся с ядром истории про Амура и Психею, а также видим великую озадаченность античной души, контролируемой Эросом, поставить ее, оболыщенную поэтической диалектикой, на службу эскапистской метафизике. Все это делается под предлогом потустороннего блаженства, что преднамеренно маскирует враждебность умысла, а также приукрашивает истинную цель — неприятие и война против вожделевения. Нам все равно придется говорить о значении так называемых «идей», а пока мы раскрываем объективную цель этого мышления лишь в связи с переживанием любви посредством очевидного рассмотрения как элементарного понимания.

И мы задаемся вопросом: верно ли, что когда один человек любит другого, то он любит в нем красоту, доброту и благородство? Общеизвестно, что сильная и глубокая любовь дает меньше всего поводов задаваться вопросом относительно причин ее возникновения. Общеизвестно, что любящий может обнаруживать массу слабостей и недостатков у объекта своей любви, но не жаждет

избавиться от них, так как любит вместе с недостатками, равно как теми волосами и кожей, что есть в реальности! Тем не менее, вполне допустимо, чтобы доброта, красота и благородство были тайными источниками, подписывающими любовь. Но только в силу любого преимущества, которое мы можем выявить, равно как и любых недостатков, любящий согласится со всеми прочими субъектами, у которых можно выявить аналогичные преимущества и недостатки. Но есть ли кто-то, кто всерьез может утверждать, что когда он любил какого-то человека в силу каких-то особенностей, которые он был готов разделить с другими, он не должен был замечать, насколько любящий отличается от всех прочих мыслящих существ! Только представьте одну из великих страстей, о которых нам поведали легенды! У Кримхильды был только один Зигфрид, у Тристана — только одна Изольда, у Офелии был только Гамлет, у Элоизы был только один Абеляр, у Данте только одна Беатриче, у Джульетты — только лишь Ромео, у Гельдерлина была только лишь одна Диотима. И если из этой пары кто-то умирал или погибал, то это было общим крушением. Мысль о других мужчинах или женщинах с аналогичными качествами кажется нелепой, так как они не в состоянии заменить ту единственную и непредсказуемую, с которой был связан любовью! Разумеется, мы должны под-

черкнуть, что история не знает ни одной вечной страсти, а только лишь длительные.

Даже «вечная» страсть может оборваться, а луч Эроса может озарить второго или третьего человека. Но тот, который освещен им в конкретный момент, полностью выделен из всего прочего мира. По крайней мере, это справедливо в отношении античной любви и средневековой страсти. И это вовсе не означает, что это полностью отрицает какое-либо сравнение, что, например, любящий должен думать, что объект любви превосходнее всех прочих существ, а потому надо любить его и только его. Однако утверждение, что один становится привлекательным для другого в силу его общей красоты и благородства, — это несомненная ложь. Мы говорим, что данный человек лжет, так как он подменяет духовное состояние Эроса некой суммой оценочных знаний! Конечно, при этом могут быть тайные цели и спорные предлоги. Поклоняясь слову «Эрос» как рассудочному явлению, через оправдание Эроса как суммы неких «добродетелей», уничтожается подлинный Эрос. Подобно тому, как разговоры о христианской любви стали отправной точкой для рассуждения о подлинной любви и обожествлении, которое уравнивает всех и призывает возлюбить «ближнего своего», что обычно означает нищего! Платонический Эрос, который согласно Ницше «предшест-

вовал христианству», пытается оттенить эмоциональное возбуждение эротического состояния через привязанность к разуму, согласно которому мы должны любить какие-то концептуальные химеры, заимствованные из школьного курса! Вряд ли необходимо добавлять, что эмоциональный «трепет» весьма схематичен, даже в части утверждения, где должен быть осуществлен Эрос.

ГЛАВА 3

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ ЭРОС

Природа Эроса как противопоставленная природе секса. Доказательство половой природы платоновского Эроса. Эротическое состояние, не являющееся ни инстинктом, ни удовлетворением. Сравнение эротического и вакхического опьянения. Почему Эрос называется «космогоническим»?

Если мы хотим повествовать о природе элементарного Эроса, о значении, которым он обладает в контексте реальности, об условиях его возникновения, то мы в первую очередь должны попытаться понять, что он являет собой на самом деле. И это можно будет сделать лишь через описание состояния, которое, следуя нашей концепции, будет элементарно-эротическим. Поскольку подобное обозначение может кого-то навести на мысль, а кому-то что-то подскажет, исходя из имеющегося опыта, то наши первые соображения будут заодно и первыми шагами в «эзотерическую» науку. В вопросах исследования души это несколько не лучше, не хуже, чем обычное изучение эмпирических фактов. Мы ведь можем расска-

зывать о законах оптики слепому; но он благодаря нашему рассказу не станет ближе к пониманию синего цвета, даже если бы он никогда в жизни не слышал об оптике. Когда мы говорим о цветовой гамме, то мы изначально предполагаем у нашего слушателя способность видеть, когда мы говорим об Эросе, то предполагаем наличие элементарного эротического опыта. Если человек для определения качеств цвета использует методы противопоставления и сравнения, предлагая их зрячему человеку, мы используем аналогичную методу для определения качеств Эроса в отношении тех, кто уже переживал его воздействие. Но никакое сравнение и аналогии не смогут рассказать больше, чем просто сексуальное влечение.

Однако Эрос — это не сексуальное влечение, а половой инстинкт — вовсе не Эрос. Мы можем описать Эрос в его важных моментах, лишь отталкиваясь от сексуального влечения. Но для начала надо определить, в чем они схожи и почему их так часто путают друг с другом. Для начала настойчиво просим иметь в виду, что сейчас мы говорим о подлинном половом инстинкте, а не о «стремлении к размножению».

Если мы будем должны одним словом охарактеризовать тот самый призрак, который по меньшей мере никогда не отсутствует в эротическом состоянии, то мы скажем: наслаждение. И ес-

ли эротический импульс по аналогии с сексуальным инстинктом моментально проявляется, то это стремление к наслаждению. Надо сразу же оговориться, что то, что мы обычно подразумеваем под сладострастием, также проявляется в сексуальном порыве, а также в случае его удовлетворения. Действительно, это сложно описываемое чувство, которое трудно передать в деталях, но оно связано с интимными отношениями или процессами, их заменяющими, что в итоге вызывает желание думать о наслаждении. Однако уже само использование лексики может привести нас к выводу, что здесь мы наблюдаем смысловое сокращение, сужение смысла, так как сексуальное удовольствие оставалось фоном эротического наслаждения. Нет ничего зазорного в упоении победой (триумфом) или жестокостью, хотя по меньшей мере с формальной точки зрения все это не является разновидностью полового акта! Во всяком случае, едва ли может быть случайным совпадением, что сексуальное наслаждение задает тон для использования некоторых слов. Мы должны обнаружить, что в чувственном удовлетворении должно быть что-то от эротического состояния, и в итоге эти явления перепутались между собой. Однако для начала мы должны отметить принципиальные различия. Сексуальное поведение, несомненно, является животным инстинктом с целью неповторимой и преимущественно относительно

недолгой контактной близости двух разнополюх существ, в результате чего и достигается скачок наслаждения! Но это лишь означает, что инстинкт сам по себе не стремится к наслаждению! Это лишь добавление к желанию получить удовольствие, а также разным половым желаниям. Напротив, животное в нас (как, собственно, у животного) испытывает сладострастие, когда поддается сексуальному инстинкту. Но в состоянии интимного возбуждения стремление идет не к наслаждению, а к представителю противоположного пола, с которым есть желание объединиться! Напротив, Эрос — это не стремление, а совершенное состояние. Конечно, это не вынужденное состояние, исполненное «само по себе», а именно свершившееся удовольствие!

В данном случае мы находим убедительное обоснование, почему мы не могли использовать ни одно из ранее перечисленных значений слова «любовь», чтобы безошибочно отграничить от Эроса. Ни в коем случае ни с любящим, ни с любовным влечением мы не находим ничего похожего на стремление к наслаждению, не говоря уже о сладострастии. Даже самые близкие к этому понятию «любви» всегда подразумевают простые эмоциональные состояния, а в каждом чувстве есть некоторое устремление. С другой стороны, элементарный Эрос относится к тому состоянию, когда уже далеко позади оставлены все устремления, и, как

мы можем предположить, он относится к другим силам, которые обнаруживаются только в человеческом чувстве. Это так называемый «экстазис» античности, и не «экстазис» вообще, но сладострастно-блаженный восторг. Кроме этого, если мы будем сравнивать дефиниции, приведенные у Платона, с тем, что мы обсуждаем сейчас, то мы будем вынуждены признать, что он искажил эротическое состояние, подогнав его под состояние сексуальной необходимости. Его Эрос является «демоническим», он проявляется в стремлении и преследовании того, чтобы любовные отношения стали средством для достижения духовного совершенства. В итоге нам обещано, что нет большего счастья, чем обладание другим человеком. Однако как бы ни обстояли дела с духовным блаженством, оно является несомненным, у него нет удовлетворения, прямо пропорционального стремлению, которое ему предшествовало. Как, например, чувственное наслаждение в интимном акте также «удовлетворяет» предшествующий ему инстинкт объединения.

И мы утверждаем, что нет никакого блаженства, будь то чувственное или же духовное, чей характер близок к истинной Телете, если в нем не кроется удовлетворение в форме импульса и желания! Теория счастья с точки зрения удовлетворения порыва означает интерпретацию самой жизни с позиции умышленно неудовлетворенной воли!

Если говорить об ошибочной волевой метафизике Шопенгауэра, к которой мы вернемся несколько позже, то она на крайней мере заслужена тем, что доказала: удовлетворение воли кроется лишь в мимолетных моментах перехода от состояния еще-не-владения к состоянию владения, что является очень коротким мигом, а после этого наступает состояние апатии и скуки. Для выхода из него необходимо использование новых стремлений, ведущих к проявлению силы воли. Примитивное удовлетворение — это не что иное, как ощущение различий, сопровождающее любое преодоление препятствий. Точнее говоря, ощущение разницы между менее интенсивным и более интенсивным, а стало быть, это ощущение не имеет окраски и четких характеристик. Нередко неправильно трактуется счастье (в подлинном значении этого слова), поскольку удовлетворение уничтожило таившийся в нем способ переживания, дабы заменить его тусклым чувством проявленной воли, которая уже не преодолевает сопротивления. По этой причине путь, предложенный Платоном, всегда ведет от красочного счастья, подаренного чувственностью, к «небесному» удовольствию, что скрывает безразличие, бескровная уверенность в правоте своего успеха. А теперь давайте решительно рванемся вперед: сексуальное удовлетворение сладостно в той степени, в которой оно причастно к состоянию

эротического опьянения, при этом сексуальное сладострастие не обладает совершенством Эроса, поскольку оно просто удовлетворяет животные инстинкты или же подчеркнуто человеческие желания. Если же вернуться к их сравнению, то мы отметим два основополагающих различия. В то время как удовлетворение полового инстинкта через удовольствие связано с интимным соитием двух существ, строго говоря, двух существ разных полов, для эротического опьянения нет подобного ограничения. Оно может возникать даже при беглом взгляде на любимое существо, как противоположного пола, так и однополое, это может быть вообще животное и цветок. И это не может быть пробуждено только лишь через легкий аромат, вкус вина или изящный звук, оно пробуждается лишь в самой оглушительной мечте. Это празднество подобно оргии пробуждения весенней бури, в проливном дожде, на пылающем горном хребте, в грохоте морского прибоя, в подаренной природой «первой любви», которая отдается в руки судьбы. Это наслаждение во время подъема и упадка; наслаждение, которое в радостно болезненной трансформации чувствует смерть и гибель! В длящееся вечность мгновение совершенства можно видеть и распаханную землю, и отрешенность кристалла. И вместе с тем все, что обозначили, надо было бы упомянуть лишь во вторую очередь.

Так как он мало походит на любое вынужденное состояние, то мы ищем в нем стремление к исполненности, сиятельное излияние, исключительную самоотдачу. Это не вынужденность, это и не недостаток, а избыток обильной полноты, золотосное пламя и беременность целого мира. Куда бы ни падал его луч, тут же возникает неведомая красота; куда бы он ни ставил свою ногу, тут же произрастают охапки цветов, его объятия высвобождают людей и вещи из божественного плена! Это — то самое состояние, которое на символическом языке проческой духовности древности именовалось «ЭРОС КОСМОГОНОС». Как скудность полового инстинкта оказалась рядом с ним? Как все это великолепие оказалось сведено лишь к акту соития? И как к нему ведет подлинная любовь, которая в состоянии поправить смерть?

На эти вопросы легче ответить, принимая во внимание природу Эроса, нежели его свойства, а потому мы отказываемся от них. Вместо этого мы намерены жирными линиями наметить выявленные нами ранее контуры Эроса. Только так мы сможем противопоставить его собственно сексу. Из тех немногих черт, мы нам были явлены, мы можем увидеть картину, которая была смелыми штрихами обрисована Ницше в «Рождении трагедии», когда тот изображал состояние вакхического опьянения. При этом он приводит юношескую

«Оду радости» Шиллера, чтобы сделать более доступной вакхическую волну энтузиазма, которая непосредственно связана с Эросом. Вне всякого сомнения, эротическое состояние также можно именовать вакхическим (дионисийским), хотя это не совсем одно и то же, по крайней мере, нельзя утверждать, что вакхическое — это и есть эротическое. Однако оба эти явления отмечены экстатическим состоянием души, которые сметают препоны «индивидуализации» (со ссылкой на Ницше и Шопенгауэра) и способны вновь погрузить в особую, элементарную жизнь.

Нам надо лишь дать пояснение относительно того, что предопределило выбор таких терминов, как «комический Эрос», «космогонический Эрос», «стихийный (элементарный) Эрос». Эрос является стихийным, элементарным или космическим, если испытавшее его воздействие существо пребывает в состоянии пульсации, оно словно под воздействием магнитного тока приобретает возможность чувствовать другое существо, стремится к единению с удаленной душой. Это преодолевает пространство и время под воздействием стихии, погружающей в безбрежный океан, который, не ущемляя разнообразия, объединяет полюса нашего мира. Это также называется космогоническим, потому что в состоянии исполненности, которое присуще внутреннему миру, незамедлительно стремится вырваться нару-

жу и тотчас стать частью мировой и явленной реальности. Это очень сильно отличается от простых чувств, так как одновременно является проявлением происходящего в самых потаенных уголках души. Можно сослаться на известную фразу Гегеля: «Ничто не существенно, что не явлено», которую необходимо дополнить словами Прегера: «И только зажженное от Эроса переходит от аморфной тайны в блеск явленного». Таким образом, мы уже наметили стихийное опьянение, вследствие чего процесс выходит за пределы души, вибрируя в непосредственном развитии творческого начала. По крайней мере, мы обнаружили, как передается то безмерное счастье, «которое, словно вечернее солнце, постоянно сорит неисчерпаемыми богатствами и сыпает их в море и, словно это солнце, лишь тогда чувствует себя богаче всех, когда и беднейший рыбак правит еще золотым веслом!» (Фридрих Ницше «Веселая наука»). В цикле сонетов, созданных изысканным поэтом Йозефом фон Эйхендорфом, указано на непреодолимую силу стихийного пения, которое возбуждено Эросом, когда не требуется никаких объяснений, так как во время пения затронуты глубинные стихии.

*Кто, однажды мучимый жаждой, жадно пил,
Тот был влеком чудесным родником в его глубины,
И там мелодия рождалась, как волна,*

*Которая крушила мир на тысячи искр.
Она растет тоскливо, спадает и опьяненно светится,
Возрадуясь таинственному святому источнику,
Прокладывая себе путь к струящемуся свету,
То мчится через холод, утопая в ночи.
Так пусть он поспешит, быстрее!
Поэт витает в золотой вышине,
Жертвуя собой в своих же песнях.
О хмурые скалы разбившись,
Порожденные им песни
Текут в воды Вечного моря.*

Если же мы попытаемся провести более четкую границу с Дионисом, что делает его в первую очередь стихийно-эротически сладострастным, то мы должны более внимательно изучить, как это делал Ницше при анализе экстаза. Но поскольку подобное изучение выходит далеко за рамки нашего проекта, то в части истории экстаза мы должны воспользоваться догматическим воспроизведением собственных результатов изысканий. А они строятся на следующих трех вопросах:

1. Что именно освобождается во время экстаза?
2. От чего он освобождает?
3. Что получает высвободившийся через это освобождение?

ГЛАВА 4

О СОСТОЯНИИ ЭКСТАЗА

Ответы на вопрос, что и от чего освобождает экстаз. Доказательства отрицающей «Я» природы экстаза. Два состояния экстаза. Вступление в жизнь как прохождение через смерть. Внутренний взрыв и внутренняя плавка. Дионис как бог хаоса. Эрос как бог космического опьянения. Разделение идиопатических и симпатических чувств. Два пола и симпатические союзы. Несовместимость удовлетворения наслаждением и симпатическим сладострастием. Происхождение и смысл воздержания. Эрос как Эрос дальний.

Сразу же дадим ответы на два первых обозначенных нами выше вопроса: освобождается во все не дух человека, как могли бы подумать, а душа; и она освобождается как раз не от тела, как могло бы показаться на первый взгляд, а от духа!

В живущем Космосе вся жизнь поляризована на душу (Психея) и тело (Сома). Где есть живое тело, там непременно должна быть душа; впрочем, где душа, непременно должно быть живое тело. Душа — это смысл тела, образ тела есть проявление души. Что бы ни было явлено, это имеет

смысл, а то, что обладает смыслом, должно быть явлено. Смысл кроется внутри, образ явлен снаружи. Смысл должен стать образом, чтобы была связь, а образ должен обратиться вовнутрь, чтобы стать действенным. И это неравные, но неисполненные полюса реальности.

Рассматривая мир извне, мы видим и мыслим его как явленный в пеласгической троичности разделенных в единстве целого полюсов. Пространство — это тело времени, а время — это душа пространства. Душа и смысл ночи — это день, утроба света. Зима и лето. Сон и бодрствование. Исчезновение и возникновение. Женское — это тело и мать души, а мужское — это открывающее и являющее смысл утробы. Кровь и нервы, солнечное сплетение и мозг, «сердце» и «голова», рот и глаза, левое и правое — все это находится в аналогичном отношении. Если каждую из этих частей оторвать от другой, то мир будет разрушен.

История человечества демонстрирует нам в человеке (и только в человеке) борьбу, которая идет между универсальной жизнью и внешней вневременной силой, уничтожающей как сами полюса, так и тело, которое стремятся лишить души. Эту силу называют Духом (Логос, Пневма, Нус). В соответствии с дуалистичной природой и нашей сущностью она проявляется через дифференцированную рефлексию (созерцание — Ноэзис), а также через

целенаправленную волю (Белузис). Точка их пересечения становится эксцентричным ядром жизни, которое именуется «Я» или «Сам». Будучи носителями жизни, мы, как и все живые существа (то есть неделимые само-существа), являемся, кроме прочего, носителями Духа, то есть являемся «Я». «Человек» из персонифицированной мимической маски, через которую обращается деймон, давным-давно опустил в принудительное существование, в жизнь ради ролевого служения, которым повелевает маска Духа! Подлинная жизнь продолжается только лишь в мыслях и намерениях. Только через чувство собственного «Я» мы еще слышим голоса пространства, от которого мы оторвались. Эта маска вросла в нашу плоть и с каждым столетием крепится к нам все сильнее и сильнее.

За древним доисторическим человечеством правящей души, последовало то, что мы здесь обозначаем как угрозу, — история правящего Духа. Но мы последуем за послеисторическим человечеством, которое кажется нам, на первый взгляд, живой личиной, еще только начинает свое восхождение. Когда мы отравляем, сжигаем, разрушаем жизнь в себе и вокруг себя, то из тела убиенной матери безжалостно прибывает «мечь Эринии». Возмездие за оскверненную и поруганную жизнь человечества наступит в тот самый момент, когда будет праздноваться последний беспредельный

триумф личины Голема. Так возвещала Кассандра, судьба которой заключалась в том, чтобы насмеяться над теми, кто был настолько слеп, чтобы исполнить бедствие, о котором она провозглашала.

В то время как любое существо, не являющееся человеком, пульсирует в ритме космической жизни, человек отгородился от нее законами Духа. То, что ему кажется как носителю самосознания в свете вполне предсказуемого представления о мире, перед метафизиком, если он достаточно глубоко проникает в суть явлений, является в свете подневольной жизни, находящейся под игом понятий! Чтобы вновь вернуть жизнь как в тело, так и в душу, все мистики, равно как и наркоманы (зная об этом или же неосознанно), пытаются погрузиться в экстаз. Для доказательства этого не хватило бы наших страниц. Поэтому ограничимся самыми простыми и примитивными доводами. У современных мыслителей в разной степени представлена мысль о том, что только человек обладает самосознанием («Я»), которое определено необходимостью быть причастным к непреходящему Духу. Если же экстаз является одухотворением Духа, то должно быть и пожертвование Духом. Это также заложено в лингвистике, в первую очередь, в лексике немецкого языка. По смыслу экстаз заключается не в том, чтобы «отступить» от бытия, а в том, чтобы «находиться вне его» (покинуть собст-

венное «Я»). Пьяный или опьяненный в результате экстаза или воздействия психотропных веществ уже «находится вне себя», для того, чтобы «забыться», когда же он трезвеет, то вновь «приходит в себя». Тем не менее, очень важно правильно подбирать фразы для обозначения могущественного воздействия влечения. А именно то, что в какой-то момент теряется контроль над разумом, полностью совпадает с экстатическим возбуждением. Когда случаются вспышки гнева, человек тоже «забывается», «выходит из себя», а также «приходит в себя», когда миновал пик яростной агрессии. Как мы еще покажем, когда во время экстаза человек выходит из себя, он находится под властью соматических инстинктов. И если инстинкты рушат барьеры, которые намеренно сдерживают от свершения произвола, то это совершенно не то же самое, что барьеры специальной существенности. При проявлении влечения Дух существенно уменьшает значение собственной Жизни. В состоянии экстаза Дух ослабевает, но прирастает жизненная сила мира. Вожделение свидетельствует о животном начале, но экстаз раскрывает суть стихийной, элементарной жизни. Экстаз проявляется в нас в потрясающей силе волнения, которая прибывает из самых глубин. В семье индоевропейских языков есть только один, который описывает глубину и силу чувств как «неистовство», «стра-

дание», «пафос» и «страсть». Трижды «страдание» для максимального усиления чувств, поражающих до самой глубины души! Если же задаться очевидным вопросом: что, собственно, есть страдающее, а что — страдательное, то сложно не дать очевидный ответ. Страдающим является наше пассивное подавленное «Я», которое может быть низвержено силой жизни. Всякий раз, как мы проявляем желание и формулируем мысль, мы говорим: я полагаю, я думаю и т. д. Мы пытаемся более решительно выставить свое «Я», чем это есть на самом деле. Но когда мы пережили Великое Чувство, то нам кажется неуместным и неуклюжим сказать: я чувствовал то-то. Вместо этого мы говорим: меня потрясло, меня пленило, меня поразило, меня увлекло. Что увлекает нас? Жизнь! А что она увлекает? Меня («Я»).

К этой мысли прилагается длительная серия лингвистических свидетельств о «Я» и даже «Я», которое полностью отчуждено от себя. Согласно греческой традиции мистиков именовали «энтей», то есть исполненный Божеством и деймоном. От этого у нас остались такие понятия, как «энтузиазм», «одержимость», «увлечение» или «воодушевление». В последнем слове упоминается вовсе не Дух, с помощью которого выносят суждения, а Дух как внечеловеческое существо иного рода, как, например, в случае с «духоявлением» (видением). На-

до подчеркнуть, что мистика переносит в состояние экстаза из дневного бодрствования «вдохновение», «просветление», то есть не то, что почерпнуто из внутреннего «Я», а то, что привнесено снаружи. Наконец, лингвистическими доказательствами могут быть слова, которые сорвались с уст реального экстатика, а потому обладают поразительной убедительностью. Джалладин Руми, величайший ученик суфийского Ордена, провозгласил: «О сердце, воскресни, ведь смерть не вдали: Влюбись — и любовью себя исцели! Любовь без врачебного лечит канона, Она и Лукмана мудрей, и Платона: С души отрясая безверия прах, Любовь ее к небу несет на крылах!» или «Служенья ангелы мудры, пред ними в трепете мира, Моя ж любовь сильней, чем страх! — Любовью вечной я горю!» Нет никакого сомнения в том, что экстаз — это не изнеможение души, а истощение Духа, а следовательно, его поражение. А если это так, то экстаз любого духовного существа проходит через две фазы. Во-первых, фазу, в которой погибает «Я». Во-вторых, через фазу, в которой воскресает жизнь. Это подготовительная часть к Телете, тайному рукоположению, непосредственно о котором Аристотель сообщает, делая замечание: постижение тайны осуществляется не через «матейн», то есть через обучающее усвоение, а через «патейн», то есть через страдание. Таким образом, путь к истинной жизни лежит через умирание

«Я», а потому смерть состоит в предвидении смерти. Ее можно пережить так же быстро, как переживают момент погружения в сон! Мы можем сказать проще: для духовного существа жизнь — это только лишь вопрос цены смерти. Прометейский человек во имя господства над природой сам отказался от природы. Именно по этой причине Ницше, говоря об истинном сообществе, назвал человечество «братством смерти»! Животное не умирает, так как оно не подозревает о смерти, оно всего лишь заканчивается. А человек умирает, и не один раз, но тысячи раз, так как на каждом шагу, каждый его день сопровождает осознание грядущего конца!

Чуть позже мы поговорим о том страхе, который затронули сейчас, а пока лишь упомянем стремление к смерти, чье тайное тяготение проистекает из воли к жизни и приводит в духоподъемное пекло.

*Только мудрым, больше никому
Не говорите, толпы освистают:
Я хочу восславить жизнь тому,
В пламя смерти кто войти мечтает.*

Истинный «мудрец», знающий о тайнах Экстаза, чувствует в пламенной Смерти не утрату жизни, а то, что только лишь открывает врата на пути к «жизни», — это гибель «Я»! Но это можно пережить двумя способами, чередующимися во

времени у отдельных личностей, равно как и способами, которые приводят к исполнению. Они обладают разными оттенками. «Я» может умирать в опьянении, распадаясь или разлагаясь, но наряду с экстазом внутреннего напряжения может быть экстаз внутреннего плавления.

Если о взрывном насилии говорят безумства, то потенциальное насилие подтверждается тем обстоятельством, что опьяненные божества, прежде всего Дионис, Вакс и Эрос, обладали прозвищем «Лисиос», то есть «растворяющий». В современном языке вино получило прозвище «устранитель забот». И если взрыв напоминает нам о телесной смерти, то плавление походит на физическую смерть, которая ведет к высвобождению. Но и то, и другое — всего лишь разные способы осуществления одного и того же процесса. Что свидетельствует об очевидной и неоспоримой пригодности наркотических веществ для достижения как взрывного, так и плавильного Экстаза. Вероятно, еще никогда ранее не было подлинного экстастика, который хоть отчасти не был бы наркоманом. Отнюдь не случайно, что до поздних времен оргиастические традиции были неотъемлемой частью праздника в честь сбора винограда. Ведь деймон вакхических мистерий был заодно и божеством вина, а сегодня Вакх и Венера даже весьма сочетаются.

Мы должны решительно заявить, что распространяющаяся во все времена и у всех народов привычка к употреблению дурманных веществ только лишь свидетельствует о присутствующем в народном сознании экстатическом стремлении к Смерти. Ни один из ученых не смог дать внятное объяснение этому явлению! Если же принять во внимание то, что об этом говорят в школе, то это лишь обнажает духовную гордыню чуждой жизни нравственности. Воистину алкоголик — это проявление деградации, но не потому, что он пьет, а потому, что он превратил в обыденную привычку то, что должно быть торжеством жизни! Но только ли дурманные средства вырождают человека? В наши дни бесчисленная армия заводских рабов ежедневно десятком часов находится в услужении безжизненных машин, а еще множество людей заняты бессмысленной деятельностью, и это не считается пороком. По крайней мере по, сравнению с осуждаемым пьянством, которое еще сохранило в себе отсветы Праздника жизни!

Если вы трезвы, вам нравится плохое; как только вы выпили, то обнаружили истину...

И еще неизвестно, что хуже: пребывать в оцепенении, слабо напоминающем праздник, или же быть во власти пожирающей жизнь работы? Если же к нам обратятся с банальными речами о вреде и пользе, то следует отметить, что понятие полезно-

сти вообще не имеет места в учении об истинной жизни! Жизнь является нам не в бытии и не в утверждении бытия, а в момент того исполненного изобилия, для которого даже разрушение тела не является слишком высокой ценой! Есть те, кто просуществовал девяносто лет, но в реальности не прожил и двух минут, а есть тот, кто умирает, но не теряет вечности, так как в его кратких моментах жизнь была более обильной и более щедрой!

И если ты не имеешь это —

Умри же и восстань!

Ты просто тусклый гость

На темно крашенной Земле!

Изучение экстаза как душевного состояния предполагает дополнение через постижение азов науки дурманных снадобий. Опий, гашиш, кока, алкоголь, эфирные масла, ладан, лавр, ланцетные яды, а также никотин, кофеин и даже цитрусовые попеременно использовались для добровольной жертвы дальновидцев. Мы могли бы ожидать величайших итогов науки «сигнатур» о сути опьянения, подобно тому, как она в стиле фрески была сформирована в эпоху Ренессанса. В силу того, что современная медицина потерпела фиаско на этом поприще, путь внутреннего рассеивания остается для нас открытым.

По крайней мере, есть масса вещей, говорящих в форме самовдохновения, которое случается во время забытья. У нас еще сохранились воспоминания о том, как мы жили, словно во сне, в состоянии самозабвения редкостного счастья, или когда мы полностью терялись, бросая взгляд на заходящее солнце или восходящее под звуки манящей флейты, которые топят нас в образах прошедшей юности. Если в экстатическом взрыве явлена готовность души «шириться» и «роиться», то внутреннее плавление дает через Экстаз ощущение магического отрешения. В принципе, современная жажда Эроса может быть связана с тем, что происходит, а не с плавлением, но между ними все равно существует определенная близость, так что наслаждение эротическим потоком может быть обозначено как наплыв расплавленных волн души. Однако если мы будем придерживаться этого важнейшего из признаков эротического сладострастия, то мы без труда опознаем «желания» во всех взорах, направленных для усмирения физического вожделения (будь то еда, напитки или объятия). С другой стороны, мы видим проявления во всех формах настоящего счастья от «блаженства», собственно «счастья», «восторга», «воодушевления» и «восхищения» до высоких чувств, связанных с «вознесением» и «преображением».

У орфиков в их учении о рождении Богов, а также у Гесиода накануне рождения Эроса царит хаос. Подобное предположение базируется на экстатическом переживании. На переходном периоде любого Экстаза, который длится от распада или плавления до вспыхнувшего из глубины души хаоса всех чувств сразу, экстатическое возбуждение оказывается связано прежде всего с более или менее определенными чувствами. Впрочем, на уровне простых чувств могут случаться сильные расхождения, включая полные противоположности: желание и неудовольствие, радость и печаль, ожидание и воспоминания, надежда и трепет, любовь и гнев, триумф и ужас, сладость и горечь. Но все они находятся в неразрывном целом. «В высшей радости раздается крик ужаса или тоскливой жалобы» (Фридрих Ницше). Кто не испытывал этого, тот опирается на подходящие «смешанные» чувства. Например, томительную сладость суеты, радостную скорбь обретенного величия, мучительную ревность, теплящуюся меланхолию. В данном случае приходит на память строфа из Гете: «Я не ищу покоя столбняка, Способность потрясаться — висока, И непривычность чувства драгоценна Тем, что роднит с безмерностью вселенной».

Хаотическая преисподняя души придает экстатическому опьянению оргиастические черты. Отсюда и ночь, наполненная факелами, в самый

разгар бешеной пляски, которая сопровождается ударами в медные бубны и звуками фригийской флейты. Как уже указывалось, в этом процессе полюса еще не разделены. И то, что в простом смысле является проявлением космоса, есть сочлененный мир, который еще не выделен из структурированного хаоса. В беременной Тьме вакхического вихря пробуждается свет Эроса. С этого момента разные полюса связаны между собой через раскаленное кольцо вечно обновляемого объятия.

В своих рассуждениях мы продвинулись уже достаточно далеко, чтобы упомянуть один из самых принципиальных выводов. Мыслители указывали на священную троичность: трезубец Посейдона, тренога Пифии, троичное царство Богов, христианская Троица, три сестры-норны и очень многое другое. Все это есть выражение троичности реальности. И если орфический Эрос был переживаемым, то за троичностью своего явления в теогоническом мифе он будет стремиться к действительности пережитого. А потому космическое захмеление как высшая стадия хаотического опьянения должна принимать три основные формы. Эти главные конфигурации нам удалось выявить более двадцати лет назад и доказать, что они принимают, вне всякого сомнения, героическую, эротическую и магическую формы. Что означает эротическая форма как среднее звено в этой троично-

сти, мы покажем чуть позже. Если же говорить о магической форме опьянения, то она в некоторой степени обладает дуальными свойствами, отсылающими, с одной стороны, к звездному небу, с другой стороны, к царству мертвых. Эта форма достигает своего апогея в средневековой магии и древнеегипетском культе гробниц; не исключено, что ее самым мощным духовным наследием стала халдейская астрология. Героико-трагическое опьянение, опирающееся преимущественно на взрывное самоуничтожение и взыскивающее к кардинальному перевороту мира, дало целую эпоху для позднего пеласгического человечества, а также определило название героического периода, породив эпические формы поэзии у четырех героических народов, что нам известны. Его отличительной чертой является то, что уничтожение «Я» всегда проходит через физическую смерть воина. Если говорить о самых грандиозных проявлениях среди героических народов, то тут лидерами являются германцы, которые всецело поглотили также две другие формы опьянения. Воин, переданный для соития, переживает гибель на поле битвы и при этом обретает поцелуй Валькирии, чтобы пробудиться из пламени в царстве мертвых, в Валгалле!

Если космос, как мы показали, обладает полярной структурой, то в каждом из экстазов, когда он возвышается до космической степени, должна

проявиться двойственность внутренних полюсов. Но мы сейчас ведем речь не об этом, а об особой двойственности, которая отличает эротическое опьянение от пренатального хаоса души, а также от сорожденных с ним героическим и магическим опьянением. Такие слова как «опьянение», «сластолюбие», «блаженство», «восхищение», вне всякого сомнения, подразумевают состояние живого существа, но никак не позволяют понять, могут ли подобные состояния охватить сразу же несколько существ. Есть, конечно, не только «одинокое опьянение» и «уединенное блаженство», но и экстатическое исполнение, поскольку изначально это требует совершенного одиночества, чтобы пережить наполнение и, как результат, деление, когда внутри есть дополнительный полюс. Гамия (соитие) эротического опьянения также является внутренней гамией или самосоитием живого существа, которое вызывает к беременности мира. На мифическом языке это означает оплодотворенное (Мировое) Яйцо с рождающимся из него Богом. Или объятие, беременность и роды. Сам по себе отдельно взятый экстаз несет не симпатические, а скорее идиопатические черты. Но это вовсе не значит, что опьяненный сможет увенчаться только в случае пребывания в толпе на народных праздниках или шумных ночных вечеринках. Это означало бы подменить собственно явление поводом к нему!

Дионисийцы были идиопатическими мечтателями. Но чем больше они взывали к своему богу, тем больше их терзал деймон, пока они не распались и не канули в безлюдной пустыне ночных гор, растворившись в «иероманском» потоке! То же самое можно сказать и про жрецов сирийской Ма, фригийской Кибелы, финикийской Астарты, вавилонской Миллиты, карерской Гекаты, индийской Кали, египетской Фахед. Кроме того, подобные явления можно было наблюдать в исламской культовой среде. Например, такие как кружения дервишей или кровавые торжества, посредством которых секты Айссауа или Рифаия чтят память своих святых. Кроме этого, можно упомянуть экстатические характеристики, которые мы обнаруживаем сегодня у так называемых «природных народов», в частности, лапландцев, самоедов, тунгусов, бурятов, индийцев, а также у многочисленных малайских племен. Однако подлинные поэты, в особенности поздние и опоздавшие «ученики бога Диониса», раз и навсегда являются идиопатитами, а потому для обретения вдохновения им, кроме всего прочего, непременно надо влюбиться! Но ими двигает не влюбленность, как это ошибочно подразумевается, а скорее повод для влюбленности, где влюбленный становится поэтом, так как приглашает в себя космогонический Эрос! Два дионисийца, два наиболее талантливых поэта де-

вятнадцатого века Ленау и Конрад Фердинанд вели совершенно изолированную от других жизнь: один был погружен в книги, другой — увлечен табаком и скрипкой. Формально их жизнь не была насыщенной, но духовно была очень богатой.

Поэтому мы должны проводить строгие различия между сутью опьянения и условиями его возникновения. Они могут принадлежать порыву толпы, будь то праздничная процессия, культовое шествие, но в то же самое время принадлежать к миру собственных обычаев. Невзирая на глубинные причины, видимое противоречие не обязательно, так как всякое опьянение в силу своей связи с чувством жизни накрывает волной не только участников, но и зрителей, а потому можно утверждать, что является духовной инфекцией. А в оргиастической толпе, вне всякого сомнения, ширятся душевные контакты, которые грозят проникнуть и подчинить любого, даже самого отстраненного зрителя этого события. Таким образом, привлеченный человек находится в единении с каждым из остальных участников. Он делится со всеми прочими тем, что его восхищает, увлекает и гнетет! Опьянение ему необходимо, чтобы пылать стихийным наслаждением, что остроумные французы преподносили как отрицание банальных половых инстинктов, но любовь — как *egoïsme à deux* (эгоизм на двоих). Если же говорить о нашей

концепции, как мы ее трактуем, то стремление к удовлетворению вовсе не унижительное, а лишь идиопатическое, но в большинстве случаев мужской подход отличается от женского.

Но если подразумеваем под «пьянством вообще» идиопатическое состояние, то едва ли мы сможем проложить путь к Эросу, остановившись на данной позиции. Мы должны подняться на третью и высшую ступень опьянения, дабы констатировать, что «пьянство вообще» преобразуется в исполненное Эросом блаженство. Цветок — это не только верхушка того, что заканчивается ниже корнем. Но и корень доходит до цветка, и цветок спускается до корня. Через трансформацию корень разворачивается чашечкой цветка! Но если мы знаем об этом, то корень должен опускаться из стебля, то есть должен быть извергнут из самого цветка. Именно это мы подразумеваем, когда говорим, что хаос души извергает из себя три стебля космических цветов. Но только центральный из них в конце концов ведет к процветанию Эроса. Мы должны исследовать их, чтобы нам стало понятно, в чем кроется особенность и значение «стебля».

Легко различить между собой три стадии опьянения. В хаосе неразрывно между собой связаны и перемешаны ужас и блаженство. В космосе это повсеместно явлено в противостоянии или единении, в сверкающей звезде или бушующем

мраке. Контролируемое Эросом опьянение несет на себе лучезарную корону (венок Посвященного), преобразует ее блеск и направляет в бездну ночи (стрела Эроса). Однако если что-то и может передать чувственную природу опьянения, то для этого надо использовать виды и типы слов, каждое из которых относится к ощущению! На наше счастье для обозначения эротического, цветущего опьянения у нас есть одно средство, которое позволяет избежать опасений того, что мы дадим неверные толкования и неадекватные любовные трактовки.

Эротическое опьянение никогда не является идиопатическим, оно всегда без исключения симпатическое. И по этой причине всякое опьянение настолько является в узком смысле слова эротическим, насколько оно является симпатическим. Но что мы подразумеваем под симпатическим волнением? Это возбуждение одного существа, которое неразрывно связано с аналогичным возбуждением по меньшей мере еще одного, второго существа. Симпатическое возбуждение относится к двум людям, которые не только возмущены один и тем же происшествием, но и существенно объединены своим гневом, из которого черпают общий пафос своего возмущения. Возможно, у людей нет таких чувств, которые бы не могли хотя бы время от времени вступать в симпатические связи, при этом негативные эмоции вовсе не исключают возможности

симпатического пафоса. Например, участники национально-освободительной борьбы благодаря высокому накалу страстей могут быть связаны их общим пламенным гневом. Но даже если они вознеслись до столь пьянящей высоты — эмоционального залога всех революций, то (пожалуй, этого никто не знает) совершенно иначе, нежели дионисиец.

Негативный по форме гневный пафос может быть живым откликом на горячую любовь к жизни, которой противостоят некие злодеяния. Но если мы будем брать в качестве источника чувств только лишь отрицательные инстинкты, то симпатическая природа эмоций улетучится. Если главное побуждение в итоге направлено против жизни, то оно автоматически направлено также против высоких чувств других существ. Не исключено, что этим побуждением является знание о причастности к счастью. Из-за того, что житейская зависть всегда с подозрением относится ко всякому странному увлечению, то она неизбежно исключает обывателя из пафоса сопереживания. Поэтому симпатические склонности неизменно связаны лишь с положительными намерениями и наиболее ярко проявляются в чувстве взаимной любви.

Согласно стремительному преобразованию идиопатического возбуждения в симпатическое можно различать целые расы, народы, но прежде всего возрастные группы. Загадочная тоска, кото-

рая иногда накрывает взрослых при их воспоминании о детстве, основывается на глубине и полноте жизненных наблюдений, которые ведутся со времени ранней юности. Мистическое сияние, идиопатическое блаженство — это то, что отличает благоухающие юношеские души от истощенного духом взрослого возраста. По этой причине дети много ближе к так называемым «примитивным» людям. Они не знают одиночества летнего неба, которое не омрачает их, в детские годы весь мир для них явлен волшебным садом. Жан Поль в «Леване» описывает, как играют дети друг с другом. «Так играют две фантазии, два рядом расположенных огонька, которые связаны между собой». Почти у всех «природных народов» есть обряд инициации повзрослевшего юноши, от которого церковь заимствовала, по нашему мнению, обычай конфирмации, что является культовым выражением перехода из идиопатического в симпатический возраст.

Однако в больших домах и мужских союзах «природных народов» мы однозначно видим то, что церковь позже использовала для служения делу воздержания, а именно мысль о монашеской однополости симпатических объединений. А это предостерегает нас от того, чтобы направлять Эрос в любовную среду разнополых существ. Если говорить в целом и по существу, то секс и Эрос в большей степени взаимоисключают друг друга.

Так что один из величайших и самых сложных жизненных вопросов в истории человечества — о балансе между Эросом и сексом — так и останется без ответа. Попытка пропитать половые инстинкты эротическим эликсиром почти всегда заканчивалась гибелью влюбленных. Прямо противоположная попытка разлучить их приводила к отравлению и в итоге к смерти Эроса, к рассмотрению этой проблемы мы вернемся позже. Здесь мы должны подчеркнуть, что симпатический трепет действует сильнее, глубже и благороднее, когда случается между существами одного пола, нежели разного. Его вечный символ — это вовсе не двойственность мужчины и женщины, а Диоскуры, которые на своих высоких торжествах никогда не чувствовали любовь, но только лишь дружбу! Или все-таки иногда любовь и праздники дают ощущение полного блаженства?! Вполне может быть! Но затем следует страшнейшая трагедия, жарко воспетая поэтами, — когда кровавые костры возносят свои искры над историей человечества. И снова из раза в раз повторяются слова Шекспира, которыми он заканчивает свою знаменитую драму: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте». Именно с этой точки зрения мы смотрим на проблему мужской верности. Однако изначальная греческая «мужская любовь», которая имеет очень мало общего с так называемой гомо-

сексуальностью, была построена на объединении с подобным, что порождало «юношескую привязанность». Кто не был в детстве в восторге от рассказов о Дамоне и Финтии или об отношениях Хагена и Фолькера — героев всемирно известной братской саги! Кто не знал, что в сагах и сказках эротические узы с материнской заботой охватывали всех существ: людей, животных и даже растения! Мы можем вспомнить о трогательной дружбе собаки и воробья и также о страшном возмездии, которое свершает воробей, когда пострадал его «друг-собака»! Эрос Запада кроется под символом «братства крови», с оглядкой на который в мировой истории в качестве примера можно привести «священный отряд из Фив». Он создал поэтику гильдий и трудовых общин, ландскнехтов и пилигримов. Он до сих пор кроется в братских обычаях студенческих корпораций, чьи священные пирушки сохранили в себе достаточно из дочеловеческого возраста, чтобы некоторые из обывателей-филистеров на всю жизнь сохранили воспоминания о «старом добром братстве». Как если бы страница за страницей прошли через все кристаллические образования человечества, которое еще не было связано с принудительным семейным правом, обрекающим на счастье. Поэтому мы прерываемся и делаем следующий шаг к постижению сути

космогонического Эроса, при этом проявляя принципиальное несогласие с его симпатической природой.

До сих пор мы вели речь о раздвоенности чувств, но отнюдь не о переходе от них к жажде опьянения. Если же кто-то был бы удвоен через деление, то его сущностное содержание никогда не смогло бы прийти в блаженное физическое единение. Аристофан, герой из работ Платона, утверждает, что любящие подвержены их внутреннему желанию стать одним из двух. От того, насколько быстро подобное желание было исполнено, зависит, когда были разорваны узы Эроса! Для меня уже не существо то, чем я стал. Моя и ее реальности слились в новую действительность, в которой любящий и возлюбленный более не расторгаются. Собственное возбуждение каждого из этих двух объектов направлено на то, чтобы другой сам по себе затих, растворившись в еще не разделенной действительности. Мы и раньше говорили о том, что половое влечение отнюдь не идентично Эросу, так как желание есть побуждение, потребность и стремление, а Эрос есть завершение и исполнение. Теперь мы показали, как наслаждение вместе с эротическим желанием должны отвергаться. Желание удовлетворения должно отказаться от двойственности, чтобы Эрос был неизбежным. Только эротическое состояние — это не потребность, а дарение, и потому нельзя смешивать его с эротическим объ-

тием: оно хоть и соединяет полюса, но отнюдь не для того, чтобы упразднить их!

Вне всякого сомнения, великим эротиком был Платон; он ведал и возвещал о противопоставлении Эроса и трепета желаний! Двойственность экстаза была тем мостиком, по которому он заманил космический Эрос до наднебесного места собственно уранического Эроса. Образ Искупителя стал не желанным, но дарящим любовь. Спаситель не хочет суть своего ученика, но хочет его преобразить, даже если это случится страшной ценой — ценой подчинения жизни паразитическому Логосу! И если у Платона, обладавшего искусством подделки, это оставалось диалектической фальсификацией, то в подношениях фанатика Павла, одержимого злобой, явлена суть ядовитого источника аскетизма. Вот несколько образцов этих высказываний: «Но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих». «Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение. И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог

превратному уму — делать непотребства». «Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях». «Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. Муж оказывая жене должное благорасположение; подобно и жена мужу. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим».

А в данном случае намерения открывают безо всякого смущения: «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом». Ни одно толкование о священности или осквернении брака, о языческой или христианской любви не может оправдать этих фраз, которые можно дополнить десятками и даже сотнями подобных.

Мы видим, как тот, кто счел нужным отказаться от полового равенства (по каким бы причинам это ни было предпринято), не ведает об Эросе,

а наслаждение для него не более чем обыкновенная щекотка! Озлобление мира и ожесточенное совокупление — это всего лишь две стороны одной и той же медали, а подчеркнутый аскетизм не что иное, как переиначенное «непотребство»! Эта «воля к власти», подпитывающая дезротизированную сексуальность, в итоге предлагает воздержание и мистический брак. Подобно обществу, основанному на законной моногамии, которое в итоге позволяет процветать проституции! «Христианство дало Эросу отпить яду: положим, он не умер от этого, но выродился в порок» (Фридрих Ницше). Если древний фаллический камень был символом космогонического Эроса, то сексуальность сможет быть важным признаком жизненных процессов. Таким образом, ненависть к миру, безумие в грехах и обесценивание момента, противостояние наслаждению — вот символ существа, которое полностью поглощено сексуальным влечением, но полностью оторвано от воздействия Эроса! И тогда из «любви» полов произрастает «борьба» полов и даже «смертельная ненависть», которые становятся средствами для достижения весьма специфических целей. Это западная форма борьбы Духа против жизненных полюсов. Если мы наконец рассмотрим духовность сугубо полового влечения, эротического удовольствия без помех, то не надо будет удивляться тому, что в словоупотреб-

лении понятие удовольствия стало синонимом радости от свершившегося акта. Но если вернуться к эротическому наплыву, то надо задаться весьма тяжелым для понимания вопросом: как оно может оставаться симпатическим, когда из простого чувства возрастает до уровня настоящего экстаза? Как экстатик покидает «Я», преодолевает барьеры собственной уникальности, сохраняя троичность, проникает в полюса мира, при этом пребывая в опьянении, находит в себе место для соопьянения другого существа? Все описанное кажется просто-напросто невозможным и самой глубокой и последней тайной души. Мы не поднимем завесу тайны, а только лишь подведем к порогу, за которым хранится отгадка. Но подскажем, что все это происходит из двойственности эротического опьянения.

Мы предполагали, что сексуальное опьянение привносит в души любящих временное единение, но затем оно тонет во тьме охмеления. Однако если мы попытаемся сделать предположение, каковы в этот момент симпатические переживания, то это будут чувства только лишь одной части, без уверенности в том, что вторая часть будет переживать именно то же самое! Нет сомнения в том, что во время единения двух существ один переживает ощущения как дарящий любовь, а второй — как приобретающий ее через свое желание. Но в данном случае не было бы исполнено выяв-

ленное нами условие, связанное с сутью Эроса, — полярная взаимность уз. Это сразу же подводит нас ко второму пункту наших рассуждений. Несмотря на то, что смешанная жажда исполнена подаренной любви, в итоге она все-таки разрывается растворяющим все в себе вихрем неразделенной тьмы, в которой двойственности более не существует. Однако из этой тьмы не пробудиться, не нарушив при этом колдовство момента! Каждый из любящих находит себя в том, что было до этого времени, то есть как отдельное существо, не раскрытое бытийностью этого мира, но вместе с возлюбленным остающееся вечно вовне его! Половое единение не помогает любящим обрести «венец жизни», не переносит их из временной индивидуальности в чертоги «вечной жизни», не дарит им мистического посвящения! В связи с этим любая адаптация и исполнение опьянения приводят к прекращению иллюзии. В отличие от этого, Эрос в своем высшем исполнении остается Эросом отстраненным, пьянящим, не смешивающимся со второй половиной непостижимой глубины, но лишь взирающим на нее своим оком из тьмы пурпурной ночи! Это вовсе не подразумевает желаний, это и не объятия. Он означает лишь одно: пробуждение через погибель! Ответом на тайны мира является получение ответов на загадки через экстаз. Почему вопросы Сфинкса смертельно

опасны для человека? Почему взгляд Медузы Горгоны обращает в камень? Почему опасно приподнимать покрывало Исиды? Это лучше, чем дать ответ взвешенными фразами; древний судьбоносный вопрос сам по себе может стать для нас подаренным знанием того, что Вечность обретается только через восторженное блаженство.

В соответствии с нашими намерениями даже самое отдаленное, насколько это возможно, никак не может быть связано с привычным и будничным, но только с памятным. В подтверждение этого мы можем привести жизненный опыт, когда каждый пребывал в возрасте «чтения стихов на стуле», но затем мог забыть об этом. Не менее убедительной является фраза Стендаля о том, что красота художественного произведения кроется в «обещании счастья», что в свою очередь подтверждает мысль Ницше о том, что искусство имеет своим высоким предназначением убедить зрителя в утверждении жизни любой ценой. Впрочем, случающиеся перемены должны нас научить тому, что наши обещания воспеть боль, поэтизировать любовь, выразить изящество, окрасить бурю, увековечить звезды в камне (в стиле античных ворот Porta Nigra) в условиях дневного бодрствования никогда не будут исполнены. Тот, кто хотел заставить свое сердце биться быстрее, отодвигал закрывающие морские звезды облака, а через мучитель-

ное пьянство кисть Арнольда Беклина передает взгляд тритона, который надеется узреть нечто большее и в поиске желания умереть после его исполнения! Тот, кто без оглядки бежит от всепоглощающего блеска умерших тысячелетий, двигается вдоль надгробий по улице Апия, воображая, что невозможное случилось, и он вновь вернулся в императорский Рим! Тот, кто в заунывных волжских песнях возвращается в степи, блуждая в поисках своего пункта назначения! Так же дело обстоит с тайной самой Жизни, а потому изречение Стендаля может стать и выражением человеческой жизни! Противоположный полюс при стремлении приблизиться к нему так и остается на недостижимой для вас дистанции. Каждый взор, брошенный в необъятность пространства, чарует и манит за собой. Мы не находили, что он обманывает нас, когда взирали на себя и «устремлялись в простор». Горизонт ускользает от нас, и ни один странник еще не пересекал его, погрузившись в вечерний закат. Так мы готовимся, так мы даем отчетливое переживание, которое в памяти многих находит отчетливый отклик.

Благоухающей сиренью летней ночью мелькнувший лучик неведомого счастья коснулся нашего взгляда с поволокой, вздрогнул и одарил нас улыбкой, таящей в себе интимную тайну, окутал порывами неведомой магии и погрузил в прелесть

миголетного очарования. Поток восторга подхватил нас, погрузил в пламя любви и закружил в небесной круговерти. Но горе нам, пока мы не постигли, что этот миг исполнения не обетование, а прелесть явления и ее телесное проявление помечались местами, мистическим образом погрузив нас в любовь. Это не дает нам обещаний и клятв, которые, казалось бы, надо давать в миг решимости, и вскоре мы обнаружим вполне земное и даже ограниченное и постижимое существо, а вовсе не светящийся божественный образ! То, что наш человеческий разум полагал обыкновенным обещанием, было страницей из книги далекого Эроса, который позволяет перейти из вещественного мира в реальность непостижимых образов!

Образ — это как раз таинственная мистификация далекого пространства, которая беззаботно отдает нас во власть губительных и соблазнительных фикций! То, что восхищает и представляется прекрасным, может предаться тлению и мерзости запустения! Это и есть загадка Жизни — вопрос, слова которого написаны всеми сумеречными оттенками. Он распыляет мрачное мерцание. Это недостижимо и гаснет, как только мы поспешим за ним. Ибо далеко и недостижимо наше тайное желание.

Уже в следующей главе мы полностью проясним ситуацию. Но здесь пока мы прибегаем к методам, подобающим поэтам. Мы следим за вечно ус-

кользающим от нас образом; мы подобны ребенку, который пытается потрогать радугу, но не обнаруживает в своей ладони ничего, кроме капель на пальцах! Мы вовсе не отрицаем объединенного сосуществования двух преданных друг другу любящих людей. Но мы отрицаем возможность повторения трепета первого мгновения. Мы полагаем, что только «первые мгновения» помогают открыть врата, которые ведут к постижению тайны Мира. Это делают вовсе не человеческие ощущения, полные наслаждения от тайной близости. Известный нам как самостоятельная историческая и культурная эпоха так называемый романтизм находился под воздействием удаленного Эроса. И сразу же приходит на ум строфа из Эйхедорфа, которая говорит, что человеческие чаяния сопровождаются мучительно-сладким исполнением.

*Чувство болезненной сласти —
Это блеск всех звезд для меня
С пылающим любовным взглядом.
Он пьянит и обещает
Вдали грядущее и великое счастье.*

Тем не менее, мы уже начали отвечать на три вопроса, которые определяют ход нашего дознания. Первый вопрос: что высвобождается в экстазе? Ответ: высвобождается душа. Второй вопрос: от чего

освобождаются в экстазе? Ответ: от Духа. Третий вопрос: что обретает освободившийся за счет своего высвобождения? Для того чтобы дать предельно четкий и понятный ответ на этот вопрос, мы должны определить форму эротического опьянения и прежде всего отметить экстаз как таковой, имеющий последствия для духовного самопожертвования. В случае исполнения потребуется немного слов, чтобы показать специфику стихийного Эроса, не выходя за рамки границ, нами же обозначенных. Но это было бы затруднительно для обсуждения, мы будем придерживаться предложенного нами принципа простого описания. А потому для ответа на третий вопрос мы будем рассматривать не характер эротического опьянения, а его суть.

ГЛАВА 5

О СУТИ ЭКСТАЗА

Эпоптия и иерогамия как суть экстаза. Свидетельства об опыте тайных посвящений. Теория реальности образов. Сравнение образа и вещи. Критический анализ теории Шопенгауэра. Неповторимая уникальность первообраза и его отличие от впечатления. Поэтичность созерцательного опыта. Созерцания через символы. Близость вещи и удаленный характер образа. Геоцентрическое сознание античности. Души из глубины космоса. Будущее как плод воображения. Жизненные привычки как обеспечение будущего. Эрос дальний и Эрос ближний. Преобразование культа мертвых. Культ предков и звезды.

Есть три характерные черты, которые при всех допустимых различиях встречаются и всегда повторяются в первобытном переживании великих экстатиков. Это предполагаемый или действительный уход души на периферию, в «другой мир». Во-вторых, непереносимость болезненных впечатлений, выражением чего становится неуязвимость. И, в-третьих, восприятие откровений, определяющих жизнь. Только третий момент привлекает

наше внимание, так как провоцирует вопрос о том, как устроено переживание, чье значение оказывается более важным, нежели факт, определяющий суть банальных истин. Если бы мы хотели следовать откровениям посвященных в тайны всех времен и народов, то ушли бы ни с чем, так как столкнулись бы с запретом на разглашение тайного света «знающих», либо же оказались бы в смятении от «видений», которыми буквально исполнен Святой Миф. Там мы можем столкнуться с чудесными метеоритами, световыми столпами, огненными колоннами и падающими звездами. С другой стороны, «видения» могут быть связаны с существами: сатирами Диониса, колдунами, дьяволами, ангелами, святыми. Если бы мы стали изучать множество символов, то предполагалось бы их доскональное толкование. Например, такие, как мистическая роза, сияющий венец, святая чаша. Если же мы приводим сопутствующие телесные ощущения экста-тиков, то мы должны извлечь из этого, что они что-то видят, а также вместе с тем слышат, вкушают и осязают. В христианских мистериях вкушение Бога обладает огромным значением: «Вкусите, и увидите, что благ Господь, — блажен муж, который уповает на Него». И наконец мы бы прониклись убеждениями, которые в результате переживания закрепились в мистериях, которые (если не считать регулярно обретаемого «бессмертия»)

крайне различны! Вера богобоязненных «невест Божьих» резко диссонирует с действиями ведьмы, получившей посвящение через заключение «любовного» пакта с дьяволом! В итоге мы подверглись бы риску перепутать действительное мистическое переживание с галлюцинацией, вызванной желанием, заложенным в основу их культов. В данном случае мы могли бы воспринять посвященных как истерических придурков, что в «новое время» уже случалось не раз. Те, кто решился поступить именно таким образом, никогда бы не достигли своей цели.

Чтобы постичь убеждения, надо знать миф, из которого они выросли, чтобы понять миф, надо толковать символы, которые его породили, чтобы постигнуть символы, надо знать о том, как переживать то, что не может быть нам передано в банальных суждениях. Таким образом, мы, кажется, должны отказаться от этой затеи, что не мешает нам вновь задаться вопросом: есть ли (невзирая на множество разнообразных видений и откровений) что-то общее в нелогично приобретенных знаниях, которые отличаются потрясающей убедительностью? Есть ли что-то общее в их причинах? И тут мы сталкиваемся с разнообразно повторяющейся в союзах посвященных ситуацией — мистическая уверенность опирается на опыт эпоптии, то есть созерцание божественного явления (Богоявление, Эпифания, Парусия).

Повторение же случается в связи с символическими представлениями о его божественном умирании с последующим перерождением через «священную свадьбу». Мы уже можем предвидеть конечный результат: мир существует в священном исполнении, когда он заключает брак с богом (причастие, *Unio mystica*, иерогамия). И мир сливается с ним через его созерцание. Есть несколько свидетельств, относящихся к древним временам.

«Счастлив тот, кто созерцает это», — говорится в окончании гимна в честь Деметры. «О трижды счастливы те из смертных, которые направляются в Аид после того, как узрят это (*δερχθέντες*)», — можем мы прочесть у Софокла. «Счастлив тот, кто узрел (*ἰδών*), спускаясь под землю, он знает жизни завершение и жизни богоданное начало», — обнаруживаем у Пиндара. «Участие в вакхических обрядах и в актах корибантов усиливается, принимая форму экстаза, пока они не зрят ожидаемое», — сообщает Филон в своей книге «О созерцательной жизни». Одна из золотых орфических скрижалей говорит о том, что мистическое божество, которое, согласно ожиданиям на постмортиальное спасение, переносит посвященных в новую жизнь за пределами телесной смерти: «О счастливейший и блаженнейший, ты будешь божеством, а не страдающим человеком!» В другом месте душа посвя-

щенного восторженна перед божеством: «Я хва-
люсь вашим блаженным родом!»

Священные обычаи и посвящение — это нечто упорядоченное, узаконенное создателем людей, чтобы связать два пола и разные роды в одно сообщество и тем самым сохранить силу ритмов Вселенной, а вместе с тем ослабить силу принуждения, через которую Дух хочет отторгнуть людей от жизни. Но только созданным переживанием и обновлением, призванными для облегчения первоначального экстаза, когда-то в пеласгическую эпоху человечества были проникнуты все творения. Осколки и обломки этого мы сейчас можем обнаружить у «природных народов». Они по-прежнему (или делали это до недавнего времени) хранят подлинную поэзию и подлинное искусство. Об этом пишется, что их вклад и вовсе не подлежит оценке. Общее для целой группы культурных явлений обозначение «изобразительное искусство» напоминает нам о том, что каждое созданное творение имеет в своей цели памятный образ. Это подсказывает нам, что есть события, вынуждающие дух к художественным усилиям, что в свою очередь каким-то способом связано с «просветлением образа». Поэтому для того, чтобы постигнуть суть экстаза, мы делаем не решительные, но предопределяющие шаги. По мере их совершения мы исследуем, благодаря чему произвольный акт восприятия, дающий нам вещи,

отличается от страдательного созерцания, проистекающего от «образа».

Я не могу взять с собой красивый ландшафт, видом которого я наслаждаюсь: но я могу сделать из него «пейзаж», основанный на живущем во мне образе этого ландшафта. В то время как реальный ландшафт остается тем же самым и на том же самом месте, где и находился, его образ расходится среди тысяч существ, которые, так или иначе, увидели его. Причем, есть зависимость и от каждого из этих существ, и от времени года, суток или освещения, что в основе имеет первообраз. Если мы отвлечем воображение представляющего от его духовной деятельности, то мы придадим образу черты идеального облика, который соответствует фантазии как реальности. Мы полагаем, что это предопределено не столько душой воспринимающего, сколько самой моделью. То есть у нас есть форма представления о том, что преобладало в экстатическом сознании и сознании изначального человека, которое господствовало над миром факта.

Как уже говорилось, мы получаем следующие формулы противопоставлений. Образ имеет настоящее только в момент своего переживания — вещь же «установлена» раз и навсегда; образ плывет по волнам вездесущего переживания — вещь всегда находится в чуждой жизни несущественности; образ проявляется в связи с пережитым опы-

том — вещь есть в акте восприятия у любого; я помню образ, но затрудняюсь изложить его в четком описании — я без проблем могу описать вещь, так как она в любое время одна и та же, в том же положении. В разное время воспринимающая душа рождает разные образы — вещь находится вне времени, а потому оно разрушительно в отношении ее. Образ происходит от души — вещь воспринимается рассудком через Дух. Образ пребывает в не зависимой от сознания реальности (она сохраняется неприкосновенной вне зависимости от того, помню я ее или нет) — вещь мыслится только через сознание и существует только для личного существа. А потому можно заявить: тот, кто разрушает свою личность в приступе экстаза, тот в этот же момент погибает для мира, где господствуют факты. И он воскресает в вытесненной реальности, в мире образов. Созерцающая душа является внутренним, а созерцаемая действительность — внешним полюсом. Они теперь связаны между собой (непрекращающаяся Гамия), но никогда не будут идентичны друг другу (непрекращающееся Созерцание). Из соприкосновения внутреннего и внешнего полюсов непрерывно рождается одушевленный образ (непрекращающееся Рождение). Внешнее дополняет внутреннее, и из их объятий рождается пульсирующий огненный поток космических образов, «танцующая звезда»

хаоса. Здесь было бы уместно привести провидческую фразу Новалиса: «Внешнее есть внутреннее, возведенное в состояние тайны». Так изящным образом он описывает суть экстаза и причину любой ясновидческой непоколебимости.

Мы на некоторое время прервем наш рассказ, чтобы оберечь созерцание первообразов от сокрушительного недоразумения, которое угрожает им с тех пор, как Шопенгауэр предложил собственное толкование платоновских идей. Мы не сможем сделать нигилизм данной теории идей более убедительным, чем соблазнительное опровержение его, которое мы можем увидеть в зеркале шопенгауэровского мышления. Он заявляет нам, что в мыслительном состоянии мы постигаем отдельные факты, которые по-прежнему формируют объект научных изысканий. В созерцательном же состоянии мы, напротив, в каждом отдельном предмете непосредственно воспринимаем его непреходящий «первообраз».

Поэты и художники — это те люди, которым суждено чаще и в большей степени (нежели обычному человеку) созерцательно воспринимать окружающий их мир, а следовательно, получать непосредственное представление о первообразной действительности. Тем самым мы натываемся на мысль, весьма напоминающую буддийскую догму о том, что мыслительное состояние является «заинтересованным» в самом широком смысле этого

слова. Как правило, интерес заключается в абсолютно личной привязанности или неприязни к объекту. Но могут быть исключения, когда речь идет об исследовательском интересе, когда его возбуждение является волевым. Согласно этому созерцательное состояние представляет собой временное избавление от волевой необходимости, а созерцаемый образ становится предметом как сверхлично-стного, так и сверхиндивидуального «познания». Мы не можем отказать себе в том, чтобы привести отрывок из работы Шопенгауэра. Полагаем, что прежде чем доказать ложность данных умозаключений, необходимо изучить данные воззрения.

«Длительного, уже не меняющегося удовлетворения не может дать ни один достигнутый объект желания; напротив, он всегда похож на подаяние, которое бросают нищему и которое сегодня поддерживает его жизнь, чтобы продлить его муки до завтра. Оттого, пока наше сознание полно нашей воли, пока мы отдаемся порыву желаний с его вечной надеждой и страхом, пока мы — субъект желания, никогда не будет у нас ни длительного счастья, ни покоя. Ищем мы или бежим, боимся несчастья или стремимся к наслаждению, это по существу безразлично: забота о вечно требовательной воле, все равно в каком виде, непрерывно наполняет и волнует сознание, а без покоя совершенно невозможно истинное благополучие. Так

субъект желания вечно прикован к вертящемуся колесу Иксиона, постоянно черпает решетом Данаид вечно жаждущий Тантал. Но когда внешний повод или внутреннее настроение внезапно исторгают нас из бесконечного потока желаний, отрывают познание от рабского служения воле, и мысль не обращена уже на мотивы желания, а воспринимает вещи независимо от их связи с волей, т. е. созерцает их бескорыстно, без субъективности, чисто объективно, всецело погружаясь в них, поскольку они суть представления, а не мотивы, тогда сразу и сам собою наступает покой, которого мы вечно искали и который вечно ускользал от нас на первоначальном пути — пути желания, и нам становится хорошо. Мы испытываем то безболезненное состояние, которое Эпикур славил как высшее благо и состояние богов, ибо в такие мгновения мы сбрасываем с себя унижительное иго воли, празднуем субботу каторжной работы желания, и колесо Иксиона останавливается. Но именно такое состояние я и описал выше как необходимое для познания идеи, как чистое созерцание: мы растворяемся в нем, теряемся в объекте, забываем всякую индивидуальность, отрешаемся от познания, идущего вслед за законом основания и воспринимающего только отношения; и при этом одновременно и нерасторжимо созерцаемая единичная вещь возвышается до идеи своего рода, а

познающий индивид — до чистого субъекта безвольного познания, и оба как таковые уже находятся вне потока времени и всяких других отношений. Тогда уже безразлично, смотреть на заход солнца из темницы или из чертога». И еще: «Освобожденное познание возносит нас так же далеко и высоко над всем этим, как сон и сновидение: исчезают счастье и несчастье, мы уже не индивид, он забыт, мы — только чистый субъект познания, единое мировое око, которое смотрит из всех познающих существ, но исключительно в человеке может совершенно освободиться от служения воле, и от этого настолько уничтожается всякое различие индивидуальности, что тогда все равно, принадлежит это созерцающее око могущественному королю или нищему».

Когда мы слышим подобные рассуждения, то не должны полагать, что это почти то же самое, о чем мы только что говорили сами как об отличительной черте экстатического состояния. Ведь мы же предполагали, что оно делает нас способными узреть сквозь вещественный мир образную реальность! Похоже на то, что Шопенгауэр также видит в созерцании предпосылку разрушения границ собственного Бытия. И тем самым он заявляет о своем решительном неприятии субъективного мировоззрения! Но это лишь обманчивая видимость! Мы не должны позволять себе запутаться, признать еще

одну позицию, так как в итоге может выясниться, что мыслитель подразумевал совершенно противоположное. Прибегая к помощи примеров, он пытается объяснить, что, собственно, является сутью созерцаемых идей: «Когда проносятся облака, фигуры, которые они образуют, для них несущественны, безразличны; но то, что это — упругие пары, которые дуновение ветра сгущает, уносит, растягивает, разрывает, в этом их природа, сущность объективирующихся в них сил, их идея; каждая же фигура существует только для индивидуального наблюдателя. Для ручья, сбегającego по камням, безразличны и несущественны водовороты, волны, пена, которые он образует; но в том, что он повинуетя тяготению и является неупругой, всецело подвижной, бесформенной, прозрачной жидкостью, если познавать *наглядно*, его идея; названные же образования ручья существуют только для нас, пока мы познаем как индивиды. Лед на оконном стекле осаждается по законам кристаллизации, которые раскрывают сущность являющейся здесь силы природы, выражают идею; но деревья и цветы, которые он при этом образует, несущественны и существуют только для нас».

Данный отрывок с пугающей отчетливостью демонстрирует нам, что так называемые первообразы, или идеи Шопенгауэра, которые он заимствовал у Платона, не являются образами и не имеют с ни-

ми ничего общего, кроме использованного словесного обозначения! То, что он называет в приведенном выше отрывке сутью облаков, сутью ручья или сутью ледяных кристаллов, — это понятие об общем характере пара, воды или замерзания, которые являются предметами «естественного исследования». Шопенгауэр не случайно выдает себя, используя в приведенном описании свой пароль — слово «закон». В действительности же он говорит не о чем ином, как об упорядоченном характере мира, а потому пребывает в серьезном заблуждении, так как (видимо) полагает, что эти законы природы можно созерцать! Давайте мысленно попробуем перейти в состояние того, кто теряется при виде ледяных цветков и деревьев, которые выписаны кристалликами льда на оконных стеклах. Такой человек забывает про себя и про весь остальной мир, и он околдован эти ледяными узорами. Неужели в этот момент он в состоянии размышлять о законах природы и принципах замерзания и кристаллизации? Он в этот момент находится где-то среди тихо растущих ледяных цветов, которые ему нарисовало воображение при взгляде на замерзшие стекла. Едва ли он будет восхищенным кристаллизацией, испарениями и замерзанием, равно как и своей собственной персоной. Он будет мечтательно погружен в мир ледяных созданий, чтобы постигнуть внутреннюю суть их цветения и роста! У Шо-

пенгауэра, равно как и у Платона, идеи — это вовсе не объекты созерцающей души, а произведения рассудительного Духа, хотя они и отличаются от понятий привычного человеческого разума, а наука использует их исключительно в притязаниях для описания метафизической действительности. Однако намерения платоновско-шопенгауэровского мышления оказываются направленными против изначального созерцания. Дело в том, что они пытаются поставить на место действительных первообразов запутанные понятия и доведенные до совершенства законы природы! Платон глубоко созерцал искусство, но при этом был открытым его противником. Шопенгауэр, напротив, пытается скрыть противоречивость современного человека, преподнося познания через созерцание, которое в итоге оказывается просто рассудительным познанием, пытающимся вырвать человека из созерцательного отчаяния. Тем самым уничтожается экстаз, который свидетельствует нам о том, что необходимо отказаться от поиска реальных выгрузок в мифах и символах, подобно тому, как Платон последовательно отказывался от искусства. И это действительно так!

«Кто хорошо это понял и умеет отличать волю от идеи, а идею от ее явления, для того мировые события будут иметь значение не сами по себе, а лишь постольку, поскольку они — буквы, по которым может быть прочитана идея человека. Он

не будет думать вместе с людьми, что время действительно приносит нечто новое и значительное, что с помощью времени или в нем осуществляется нечто безусловно реальное, или же само время как целое имеет начало и конец, план и развитие и своей конечной целью ставит полное усовершенствование (согласно своим понятиям) последнего поколения, живущего тридцать лет. И поэтому он не призовет вместе с Гомером целый Олимп богов для направления временных событий, как не признает вместе с Оссианом фигуры облаков за индивидуальные существа; ибо, как я сказал, и те, и другие имеют одинаковое значение по отношению к являющейся в них идее».

Мы видим, как мир богов, а также любой мир поэтических образов, что близки к мифическим, приносятся в жертву во имя мира понятий. В противоположность всеобщему значению простых понятий все-таки можно использовать понятие «идея» для действительного первообраза, неизменно мгновенного и потому безвозвратно уникального. В данном случае мы должны серьезно помыслить, что же из этого следует.

Если бы это были люди, животные, растения, лес или звездное небо, мы говорили бы о них как об отдельно взятых вещах в общем временном потоке нашего мира. Лес, который я вижу из своего окна, сегодня является тем же самым лесом, что был и

вчера, а завтра будет тем же самым лесом, что был и сегодня. Итак, я пришел к пониманию леса, так как отошел от всего происходящего во времени, в особенности моих переживаний, и каждое мое впечатление привязал к настоящему моменту. Как видим, общее в данном случае определено ярче всего тем, что мы можем вернуться к нему в любой момент времени. В нем ничего бы не изменилось. Если бы, например, пришлось вырубить лес, то в моем сознании не отложилось бы, что это тот же самый лес, что стоял там раньше. При возможности реально уничтожить любую вещь. Но даже божественное всеисие не заставило бы ее существовать саму по себе. Или же — нельзя изменить случившееся. Если говорить о том, что мы подразумеваем, когда ведем речь о вещах или процессах, а точнее говоря, о предметах, то это уникальный живой образ, отмеченный чрез мгновенный взгляд на всеобщую природу. Но тогда ни один первообраз не может походить ни на одну вещь!

Представьте себе двух людей, которые симпатически связаны между собой, когда их любовь (так сказать) расцветает. Но этого не случится, если в течение нескольких недель в любой произвольный момент, в любую минуту они находятся на одном и том же уровне восхищения!

*Как временем огонь ее притушен.
Таится в самом пламени любви
Как бы нагар, которым он глушится;
Равно благим ничто не пребывает,
И благодать, дорастая до полноты,
От изобилья гибнет.*

У. Шекспир

Они будут существовать совместными часами и минутами преходящего блаженства и даже экстаза, за которыми последует время потухания, когда каждый из двоих жаждет блаженной дрожи, но тщетно ищет причину того, почему она не возвращается. Переживание любящего (хотя он об этом едва ли знает) направлено не на конкретного, постоянного человека, а на его образ, подхваченный потоком времени. Поэтому великая и трагическая судьба великих влюбленных воздает должное заблуждению, будто бы эротическое состояние является продолжительным. Из молодой девушки вырастает женщина, женщина становится старухой. Из юноши вырастает мужчина, мужчина становится стариком. Каждый раз это один и тот же самый человек, который проходит по всем этим ипостасям, каждая из которых удалена друг от друга. И только в образе, который самостоятелен от подобия вещи, многое зависит от Эроса! Если

Шопенгауэр говорил, что надо отказаться от проявления, чтобы перейти к идее, то мы утверждаем почти обратное: надо отказаться от понимания содержания, то есть от предмета, чтобы в итоге прийти к образу. И это относится не только к эротическому порыву, но и к созерцанию образов вообще. Я могу сотни раз видеть из своего окна лес, но испытывать к нему отношение как к предмету, о котором мыслит ботаник. Но в какой-то момент этот лес окажется залитым золотом вечернего солнца, и тогда мой взгляд изменит «Я». И тут моя душа узрит то, что никогда ранее я не видел. Может быть, это случится только на одну минуту, может быть, даже не несколько секунд. Будь это длительный или короткий промежуток, но я увижу первообраз леса. И этот образ уже не вернется ни мне, ни кому-то другому. Возможно, в этой части рассуждений возникнут возражения. Если лес является содержанием понятия, то можно утверждать, что тот, кто видел его на уровне образа, вообще не видел леса. Но если бы это произошло, то можно было бы утверждать, что удалось избавиться от оков «Я», то есть низвергнуть Дух и его понятия! Мы даем ответ, стараясь положительно переписать первообраз.

И тут мы видим, что всякое содержание воззрения несравнимо больше, нежели то, что исходит от него. Так, например, предмет, который под-

разумеает понятие «леса», и сам по себе вполне определенный лес не имеют никакого отношения к той цветовой гамме, которой он играет в зависимости от разного освещения. Но в момент моего созерцания, когда лес погрузился в лучи заходящего вечернего солнца, эта таинственная вибрация никак не отделима от того образа, что я переживал. В другой раз лес может качаться под ударами сильного ветра, и я снова смогу увидеть его первообраз, хотя в данном случае он будет совершенно иным, нежели прежде.

По сравнению с вполне предсказуемым восприятием, впечатление оказывается более богатым, а многочисленные свойства, которые никогда не могут быть разделены между собой, являются вполне предсказуемыми характеристиками. Однако мы можем столкнуться с возражением, весьма характерным для абстрактного мышления, что не всегда возможно отличить действие по восприятию от акта созерцания. Если использовать светочувствительную пластину, то она вполне способна уловить мгновенное впечатление от восприятия вещи и даже сохранить то, что она уловила на уровне образа. Но, в отличие от подлинного впечатления от прочих вещей, мы хотели бы вспомнить причину, по которой между ними не существовало и не могло существовать никаких различий в том, что для экстатического восприятия было бы

несколько иным, нежели «лес». Как только что указывалось, из образа впечатления извлекается воображаемая вещь. И это единственное сходство между нею и содержанием самозабвенного созерцания. Ибо первообраз — это явление сущности мира, а потому самая подлинная действительность не явлена как сущее и обретенное, но рождается лишь из соприкосновения полюсов воспринимающей души с воздействующим деймоном. И от этого являются знаки. Это сиятельный трепет, который исходит в момент становления. Первообразы снабжены нимбом — это то самое впечатление, которое способен вынести Дух. Разложение нимба и анализ его составных частей являются напрасными. Напротив, мы можем попытаться пробудить в нашей памяти воспоминания о нем, подразумевая образные последствия. В лирике Древнего Китая говорится о королевской невесте как о «дереве в шелковом лесе». В одном из эпизодов индийской Махабхараты полуобнаженные герои обрисованы словами: «Тот, кто является красотой пламени, покрытый узором дыма». Сонет Эйхендорфа про умершую возлюбленную заканчивается словами:

*То твой образ стал для меня звездой,
Которая молчаливым взглядом
Указывает на Родину,
Когда благочестивый шкипер воюет с ветрами.*

Восхищение, печаль и ночная тоска, охватившие поэта, переносят его мерцающую любовь в отдаленные уголки космоса и дают нам возможность увидеть то, что нельзя узреть трезвым взглядом разума: то угасающую, то пылающую, то приближающуюся, то удаляющуюся, то рыдающую, то ликующую душу мира.

Темное уныние, переданное в поэзии Ленау, показывает нам достойный преклонения образ — светлые всполохи вздымающегося небосвода.

*Молний огневых
Борозды бегут;
Быстрый образ их
Озаряет пруд.*

Мерике в своем стихотворении «Перегрина» вызывает к колдовству любимой через образ золота:

*Зерцало верных карих глаз лучится,
Как отсвет златоносного нутра;
В груди, откуда робкий свет сочится,
Взрастила злато скорбная пора.
Во тьму зрачков ты манишь погрузиться,
Сама не зная, как страшна игра, —
Огня всепожирающего просишь,
С улыбкой смерть в питье грехов подносишь.*

«Это притчи», — скажут нам. Ничего подобного! Если спустимся до уровня народных песен, то почувствуем силу магического слова, те божественные уста, которых лишен созерцающий. В одной русской песне старик не находит на берегу ни одного корабля, который мог бы переправить его через море:

*Пел так красиво старик,
Что стало слушать море,
Что синие волны слушали,
Что пенные волны слушали,
Что глубокие воды слушали,
И даже берега слушали.
Пел так красиво старик,
Чтобы желтые берега поклонились
Один другому,
Так, что склонились друг к другу,
И не осталось зазора между ними,
Стали они крепко связаны,
Левый берег с правым,
Правый берег с левым,
Образовали мост.*

В финском руническом заклинании говорится:

*Все кричат и восклицают,
Все поют и прыгают,
Все прыгают и радуются,*

*И это трели жаворонков,
И это плещется лосось,
И это стрекочут сверчки,
И это жужжат жуки,
И это танцуют ветры в горах.
Даже ели наклонились,
Даже склонились к уху,
Даже согнулись березы,
Даже наклонились к лугу,
Даже раскачивают травы,
Даже шуршат все тростинки
Да сами скатывают камни
И сами потрясают берег,
И само все гудит,
И галька в местах ловли лосося,
И красиво в бухте.*

У Гете говорится о мистическом храме, у входа в который побывал Фауст:

*Следы их приближенья ощутив,
Поют колонны, стены, свод, триглиф.*

Образ человека растворяется в метеоритах, а метеориты отблескивают в образе человека. То, что было простым дневным взором, оказалось окружено теллурическими и космическими потоками. Цвета, формы, звуки, шумы, ароматы сливаются в нем, кажется, став столпотворением всех

образных элементов. И тем не менее он ярко сияет, походя на лик, некогда пугающий, но сейчас многообещающий. Это не столько изменилась действительность, через контакт с которой рождался образ, сколько исчезли границы, отделяющие реальность от предмета восприятия! То, что попадало в луч стихийного созерцания, более не является одной из многих вещей, но становится центром мира! Об этом Мефистофель говорит адепту:

*Ты — царь всех элементов и начал,
Ты испытал огня повиновенье.
Где на море всего сильней волненье,
Нырни на дно, — стеной отвесных вод
Сойдется вокруг тебя водоворот.
Сквозь столб воды кайма волны лазурной
Со дна тебе покажется пурпурной.
Где ты ни стой, куда ни отходи,
Все будешь в центре, все посреди.
Везде дворцы. Где ни поставишь ноги,
Вслед за тобой потянутся чертоги.*

Когда между деймоном и душой проскакивает искра, она сама становится деймоническим источником образов. Живым источником, что очень сложно изложить посредством слов. В акте созерцания вновь и вновь рождается начало миров!

Мы помним, что в «Дифирамбах корибантам» у Альфреда Шулера в его «Космогонии» есть удивительная строфа:

*Я — свет, который цедит тебя из ночи,
Я — глаз, который лицемерно блестит тебе,
Я — жемчужина, заполнившая раковину,
Я — опьянение, которое омолаживает этот мир
Я — Жизнь!*

Мироздание в данный момент представлено как явность. Вплоть до самых далеких пространств и удаленных времен; все, что когда-либо происходило и произойдет, обретет свой внутренний свет и смысл, притягательный образ.

Новалис считает, что любое случайное может стать «нашим мировым органом». «Лицо, звезда, старое дерево могут создать внутри нас целую эпоху. Это великий реализм фетишей».

Воистину, сегодня может показаться странным в культовых действиях, мистериях, магических обрядах, табуациях, гаданиях то, что они все без исключения основаны на приоритете созерцания изнутри над примитивной восприимчивостью. Здесь предметы механическидвигающегося мира оказались вплетены в живую, деймоническую реальность образов. Она непосредственно оформлялась во всех образах древнего человека, кристал-

лизывалась в храмах, в идолах, в погребальных плитах, расцветала в ранней поэзии, подобно бутонам после дождя, воплощалась в символах, давала непостижимую уверенность путем посвящения в тайну. Если было человечество, для которого было вполне обычным общаться с окружающим его миром через плодотворное воззрение, то оно должно было искать в промежуточном состоянии трезвости возможность изложить свое видение в особых знаках, подобно тому, как рациональный человек сохраняет свое знание о вещах, прибегая к помощи понятийного языка. И эти знаки являются символами. Они являются глифами экстатически обретенных образов, то есть истинными иероглифами, так как глиф является словом определенного употребления, связывающего предметы с понятиями. Если термины и понятия используются для передачи суждения, то язык символов предназначен для возрождения созерцания. Если понятие является отправной точкой для научных изысканий, то символ становится источником мифа. Вне всякого сомнения, семиотика созерцательного состояния сознания является важной частью познания в целом, только если уметь читать символы! Для наших целей достаточно выделить из всего множества обрядов и обычаев лишь одну сторону, для постижения которой мы должны углубить наше понимание сути образов.

Во время перехода рассуждений от состояния экстаза и сути экстаза мы акцентировали внимание на выделении отдаленного образа по отношению к близкому восприятию.

Однако нам могут возразить, что отдаленное в частности воспринимается, когда дистанция видится как пространственная закономерность. Мы будем должны ответить, что без видения (пусть и неосознанного) не случается никакого восприятия, ни пространственно близкого, ни пространственно далекого. В этом есть свой особый «тон», который звучит, как голос пробуждающейся души. И именно он тихо шепчет душе об изменении положения. Это как заметить жука на руке, но при этом видеть синее небо. Обстоятельства более подходят для «мечтателя» или «утонувшего». Готовый к различению наблюдатель рассматривает даже отдаленное, как если бы оно было близким, и при этом жертвует восприятием последовательности локаций, которую он последовательно и взыскательно пропускает. Тогда взгляд на самый близкий объект, тонущий в созерцании, привязывается к образу предмета. А это означает, по крайней мере, форму, которая закрыта не через рубежи, но повсеместно окружающие соседние образы. И не только вид рассмотрения определяет расстояние до предмета, является он близким или дальним. И никто не признает, что близко — это вещественно,

а дальше — это образное. Это дает возможность возражать с правым видом: как бы то ни было, но мы оказались в неразрывном противоречии с примитивным сознанием, которое, по нашему мнению, в первую очередь было отторгнуто созерцанием. Даже сидерические клеточки созерцания изначального смысла (не говоря уже о пространственно близких предметах) хотя и облачены в отдаленность, но мы знаем или должны были знать об их фактическом характере, но ни в коем случае не те, кто переживает их в проявлении. Можно сказать, что именно в этом заключается отличительная черта древних времен, когда можно было приблизиться к звездным просторам. Шулер утверждал: «Греческая космогония знала Эроса как Творца мира, но, несмотря на свою космическую природу, он оставался Эросом Близким. Хотя он имеет более глубокий смысл, чем могло бы рассказать сегодняшнее небо, когда оно питало звезды соком Земли. Но наряду с этим указывается на понимание близости, которое требует эллинского глазомера чувственности, возникающей между небесным и земным ландшафтами. Однако их элементарная символика приобретает привлекательность конструктивным формообразованием с сужением кругозора души. Хотя это ставило бы под сомнение в первую очередь возможность уникальной красоты человеческого искусства, однако ус-

коряло бы направление культового в сферу логического мышления. Возможно, нет более убедительного свидетельства зависимости суждения от переживательного воззрения, чем открытие Коперником движения земли! В самом начале греки признавали гелиоцентрическую идею (Аристарх, Филос). Но для античности это был «невероятный подход», а потому все, кроме птолемеевской системы, умерло. А потому античность не знала головокружительного пафоса, который дал бы ей голос. Казалось бы, самая простая астрономическая формула оказалась наполнена смыслом самой возмутительной революции, заложившей образ пространства в душу человека!

Греческие гилики глядели широко раскрытыми глазами на благоустроенную и находящуюся в центре мироздания Землю. Рощи, скалы и шум морского прибоя виделись словами гимна во славу богини зари — Эос, которые гремели колоколами под сводами эфира. Пламя поднимается в соседние пространства, пролитый дождь оплодотворил плененную землю, освежающий ветер разгуливает среди вершин, связывая воедино верхнее и нижнее, близкое и дальнее, Землю с другими светилами. Все находится в движении и брожении, заявляет о себе, возникает и исчезает — и этим живет. Инстинкты и желания, войны и братание, тяга к насыщению и соитию пронизывают воздух, вы-

свобождают стихию праздника, тянут небесный огонь в объятия болот, питательным туманом исходят в солнечный жар. Вера во всемогущую жизнь, в панмиксию и бесконечное преобразование наполняет кровью миф, который становится системой для древних мыслителей. Однако даже если бы они сразу отошли от него к границам восприятия и даже если бы учли цикличное возвращение полюсов действительности, то они едва ли покинули бы сферу геоцентричности, даже если бы дополнили свои познания нынешними сведениями. Их видение было обращено в пространство! Возьмем европейско-античное пространство с мифами, символами, учениями о мудрости, эпосами Гомера, эолийским ладом и лирикой Пиндара, трагическими хорами, храмами и скульптурами: оно обладает формой завершенной сферы, видимая часть которой представлена в форме шатра или купола, раскинувшегося над земным ландшафтом. В античности ощущение жизни было космическим, а макрокосм оказывается отраженным в микрокосме. Это является открытием Аристарха, так как его пространство — это макрокосмическая ячейка, которая заключает в себе все происходящее, подобно наполняемому водой кувшину. Он проецирует небесные образы на образ земли в рамках земного дома. Античное пространство было ближним пространством — *оикос*. Но

разве иначе обстоят дела с космосом у так называемых “дикарей”? Некоторые полинезийские племена пребывают в твердой уверенности, что на горизонте земля притягивает к себе небеса и удерживает их там. По этой причине они называют чужаков «папаланги», то есть “дробящие небо”, так как они уверены, что те прибыли к ним из другого мира! Но что говорит нам о близком характере первоначально пережитого и как это сочетается с учением о созерцании, которое способно узреть существенные особенности образов именно при удалении от их содержания?»

Только что мы привели отрывок еще не опубликованной работы, посвященной проблеме возникновения астрономической системы Коперника, которая подробно разбирает интересующие нас моменты и фактически подводит к ответу. Из осознания того, что околос Вселенной разорвал «бесконечность» коперниковского пространства, можно было бы относительно точно именовать Эрос Древности как Эрос ближний. Но теперь мы можем и имеем право доказать и даже обязаны дать четкое понимание созерцательного сознания и предметного сознания с учетом расширенного толкования понятия «Эрос дальний». Это должно позволить нам использовать его для всех народов и времен без исключения. Однако мы должны предусмотреть возможные возражения, касающиеся

ся различий в ранней и новой истории двух расово-племенных групп, а именно римско-греческого этноса (который, согласитесь, отнюдь не «природный народ») и восточных племен, прежде всего доисторических индоевропейцев. Многие из древних ведических гимнов, хотя и проникнуты коперниковским пространством, все-таки отражают блеск его образа, и ничего подобного мы не найдем ни в лирике Эола, ни в трагике Гомера. Индийская архитектура взяла больше, чем на тысячу лет отставшая европейская с пейзажными чертами романтизма и позднего барокко. Но и в западной древности вновь и вновь появлялись личности, которые проталкивали идею Ойкоса. Можно назвать, например, Аристарха Самосского, но прежде всего Гераклита с его отрицанием статичности и прямо-таки противоположными умозаключениями о реальности «вечного потока». Кстати, это и есть «Эрос далекий» в его расширенном толковании.

Если предмет может быть как бы удаленным, по крайней мере, от созерцательного образа, и как бы отраженным от реального образа, то бесконечность пространства безгранично удаленный образ может приближать и приближать. А потому в итоге возникает опасность того, что он может стать предметно обособленным. Если бы мы задались вопросом, как можно отличить близкий образ от самого удаленного предмета, то мы обратили бы

внимание, что это отрицательный знак неприкосновенности всех образов. Как мы уже говорили выше, тайну можно не только услышать, но и почувствовать ее запах, попробовать на вкус. В следующей главе мы попробуем объяснить на примере дегустации, что при использовании вкусовых особенностей задействованы ключи, присущие способности созерцания! Строго говоря, невозможно ощупать любой предмет, который находится на небольшом удалении. Но если мы будем строго придерживаться прочности явления, то нет такого далекого или условно далекого предмета, который нельзя было бы переместить в осязаемую близость. Будь то его движение к созерцателю или же движение созерцателя к предмету. Если свойством земного тела является хорошая осязаемость как на удалении, так и будучи приближенным, то это не его собственная отличительная черта, а характеристика действительного небесного образа.

Близость и удаленность являются дополняющими друг друга полюсами не только пространства, но и времени. Мы визуализируем временное расстояние от созерцаемого образа при помощи пространственной модели. Пространственно удаленные места на (неприкосновенном) расстоянии также являются временными отрезкам. Проще говоря (как мы сообщали выше), время — это душа пространства. Кажется, что за помощью

к естествознанию мы можем обратиться лишь в единичных случаях. Ведь для того, чтобы научить нас основам астрономии, требуется свету Сириуса добраться до ближайшей звезды, а это занимает несколько лет. Поэтому, созерцая его, мы полагаем акт восприятия в настоящем времени, но свет этот уже долгое время находится в прошлом! Однако даже если мы будем свято уверены в том, что завтра наука отвергнет это представление как заблуждение, то мы все равно используем для определения расстояния от Сириуса до Земли удаленный образ Сириуса. Мы говорим не об отрезке в милю или даже расстоянии в световых годах, о той удаленности (в какой-то мере удаленности «в себя»), которая непосредственно воспринимается при созерцании образа (то есть предпонятийно).

На песчаном берегу моря, пребывая в состоянии крайнего покоя, отказавшись от суетных мыслей, можно себе представить, что даль горизонта, обозначенная цепочкой облаков и дымом трубы исчезающего парохода, как в зеркале сознания, отражается в глубине пространства, а также тонут образы, вызванные воспоминаниями о безвозвратно ушедшей молодости. И будет найден похожий, кто вообще может найти дары во внутреннем царстве.

Но то, что недостижимые дальние оттенки уходящего вдаль горизонта наполняют сердце

тоскливым желанием, одновременно успокаивая и мучительно возбуждая, уже не относится к действительности прошлого. Благодаря этому во внутреннем образе только случившееся и случившееся недавно еще актуально, нежели ушедшее вдаль — это сравнимо с синью, которая является отражением глубины пространства. Облачка над горными кряжами и обманчивый, удаленный свет звезды вечно прощаются с тем, кто был пленен этими образами. Вспомним заповедное нам мистическое откровение: внешнее есть внутреннее, возвышенное до состояния тайны. Но в данном случае возникает новое возражение. Если есть временная и пространственная близость, и есть временное и пространственное удаление, то почему далекое пространство должно казаться прошлым, а не таким, каким оно будет в будущем?

Если принимать во внимание лингвистические особенности, то прошлое осталось позади нас, будущее поджидает нас впереди. И если багрянец заката похож на нас самих, то свет утренней зари походит на предчувствие (как говорилось в сонете) будущего счастья издалека! Но это отвлекает нас от главного вопроса, а мы должны постигнуть, почему измерение прошлого времени считается лежащим позади нас. Но мы не отказываемся от намерения убедить нашего читателя в том, что не существует такого понятия, как «далекое будущее!»

Пространство и время, полюса, связанные друг с другом, имеют в себе общим то, что каждое из них зажато между полюсами близкого и удаленного. Конечно, пространственная приближенность бывает только одна (по сути, это ее качество), где бы я ни находился. Пространственная удаленность тоже лишь одна, вне зависимости от того, куда я смотрю, на восток или на запад, на север или на юг. Поэтому по отношению к той или иной временной близости может быть только одна временная дистанция! Однако если бы их имелось две, наряду с далеким прошлым было бы еще далекое будущее, то точка схождения, лежащая передо мною, была бы прямо противопоставлена точке схождения, распложенной позади меня. Если бы это произошло, то было бы раздвоение временной удаленности, что было бы несомненной фантазией! По этой причине мы должны обратить внимание на будущее. Если я вспоминаю о прошлом, то я помню некогда существовавшую реальность. Но когда мыслю о будущем, то я думаю о чем-то нереальном, точнее говоря, существующем только лишь в моем сознании! Если бы по какой-то причине в один миг все мыслящие существа куда-то исчезли, то после них осталось бы совершенно неизменное прошлое, — оно осталось бы таким, как и было. Но «будущее» в данном случае утратило бы всякий смысл, так как пропала

бы сама мысль о «будущем»! Будущее относится к прошлому не как к удаленному времени, не как к отстоящему моменту, а как к действительности вообще. Надо определить, что будущее не является свойством реального времени!

Возможно, кто-то на это возразит — есть только события в настоящем времени. Конечно, это было предопределено заверенным событием, которое становится предпосылкой других, грядущих событий. Однако многочисленные инстинкты не оставляют в нас сомнений — даже в животном состоянии жизнь тесно связана как с прошлым, так и с будущим. Например, гнездование птиц на период спаривания. Поэтому тот, кто признает прошлую реальность, не должен отказываться от будущего. На это мы должны будем ответить, что другое есть необходимость продолжения событий, то есть предвидение еще не случившихся событий. И опять же оно вовсе не стоит на одной ступени с мыслью, через которую я выражаю свое отношение к чему-то уже действительно случившемуся! И вместе с тем каждый должен признать и утвердить, что в будущем нет гарантированных событий, но это вовсе не значит, что если о чем-то не думать, то оно не наступит! Если астроном за доли секунды предвещает нам лунное затмение, то мы не сомневаемся в том, что оно случится ровно в определенное время. Хотя, возможно, случится

что-то неведомое, и все сущее распадется на отдельные атомы. Однако немислимо, чтобы вчерашнее лунное затмение случилось не вовремя. Тем, кому не хватило этих физических примеров, приведем житейские ситуации. Мы можем надеяться, что наш друг совершит опасное предприятие, и мы боимся, что с ним что-то случится. Но мы не будем надеяться на лучшее и не будем переживать за него, если узнаем, что он уже погиб. Соответственно, будущее наполняется игрой света и тени человеческих желаний и опасений, а само оно не является реальным, а только лишь мыслимым. И, с другой стороны, все с точностью до наоборот: если в нас вызывает страстные переживания то, что уже случилось, и оно ушло безвозвратно, то прошлое по самые края оказывается наполненным реальностью. Полюсами времени являются прошлое и настоящее, а не прошлое и будущее. А потому удаленное время является лишь далеким прошлым. Новалис как-то сказал: «Природа — это громкое прошлое». При словообразовании корень *fern* — «далекий» первоначально использовался для определения прошедшего и истекшего, а потому синонимичен «прошлому».

Человечество Прометея, которое предшествовало «человечеству историческому», возвысило будущее до той же самой стадии, что и прошлое. И мы вновь вернулись к «Всемирной истории» Ге-

раклита, которая уничтожала реальность прошлого фантазиями о будущем; она породила момент, уничтожив его ценность в прошлом и разорвав его плодотворную связь с удаленным. В конце концов, было полностью утрачено собственное прошлое, оно было самоистреблено, так как воля проявлена только в образах, в образах проявляется только прошедшее, а это само время. В «истории», понимаемой как безумие, самыми страшными словами являются «эсхатология» и «Апокалипсис». Но для нас самым важным здесь и позже является определение «до» или «после» нас.

Действительность вечна, а настоящее время пульсирует вечностью, согласно которой всякий настоящий момент по мере своего приближения представляет собой лишь то, что соскальзывает в прошлое. Теперь время представляется потоком, стремящимся по дуге из будущего в прошлое. Если же мы повернем в сторону того, что нам кажется пришедшим из будущего, то мы заметим, что это «прибывшее» должно «отбыть далее». Жизненно важная причина концепции дуальной пары «прошлое-будущее» заключается в том, что настоящее можно переживать и как «пришедшее», и как «уходящее». Так как мы обычно не возвращаемся назад (и в долгосрочной перспективе едва ли сможем), то движение вперед — это направление, в котором мы обычно движемся. Если посмотрим

на удаленную точку и будем двигаться к ней, то расстояние, отделяющее нас от нее, будет сокращаться, а вот дистанция, оставленная нами позади, будет увеличиваться. Это грядущее, то есть приближающееся к нам, но в итоге пройденный момент, являющийся символом сначала приближающегося, а затем ускользающего мгновения. Каждый знает, что восход солнца заканчивается его закатом. Впрочем, удаленность остается одной и той же. Мы не можем достигнуть того момента, той дальней точки, когда удаленное станет близким, непосредственно близким. Мы не в состоянии изменить направление времени и непрерывно удаляемся от случившегося, мыслимое в будущем может быть лишь возможным, реальным может быть только лишь прошлое. Осталось лишь объяснить, почему будущее может являться как видение удаленного. Как это мы можем наблюдать в строфах Эйхендорфа. Ответ кроется в том, что, взирая на дальние образы, душа всегда удаляется от прошлого. Но мы как мыслящие существа в состоянии перенести точку созерцания вперед перед нами, тем самым увеличивая расстояние. Будущее — прошлое, спроецированное вперед! Это также относится к понятию «будущего» в естественных знаниях (в сущности, оно вневременное). Нет никакого прогнозирования будущего, которое бы не опиралось на постижение прошлого! Однако если

астроном предсказывает затмение Луны, то это делает не просто в силу вероятности, а опираясь на расчеты промежутков времени, которые проходили между прошлыми затмениями. Только силы, орбитальные элементы и период вращения, что он заложил в основу своих арифметических вычислений, — точные данные, извлеченные из наблюдений за уже случившимся движением небесных светил. И этого вполне достаточно.

Чтобы определить суть экстаза, мы должны определить суть созерцания. А также самым решительным образом провести границу между удаленным характером созерцаемого образа и восприятием близкой вещи. Не все сказанное об этом оставалось недвусмысленным. Однако после метафизического определения сути расстояния, которое мы только что исследовали, и обнаружили, что прошлое само по себе, вне зависимости от того, явлено ли оно при отдалении от пространства. Соответственно, первообразы — это образы прошлого (от этого в платонической эротике заложена идея анамнеза — воспоминания). В отличие от акта восприятия, экстатические воззрения направлены на совершенно неприкосновенную действительность прошлого! Неважно, геоцентричный образ или «бесконечный», в нем доказывается подлинность «Эроса дальнего», что видится при взоре на предыдущий мир!

В зеркале сущностной теории близкое является отрезвляющим, пьянящим является только лишь удаленное. Близкое — это настоящее, удаленное — это прошлое. От состояния созерцания возникает необоснованное чувство, что он «пойман», а не «вступил» в материнский мир прошлого, и что «духи» возвращают разные вещи! Ни Платон, ни Полтин, ни Шопенгауэр не постигли этого! Соблазненные ложным свечением Логоса, философы отказались от вечности с его вневременной границей. Они надеялись на свой рассудок, будучи непрощенными, незаконно искали чудотворный образ Вселенной, которая их же и породила. Они пытались найти за предметами второй мир предметов, но более комфортный, отчего созерцатель призрачно сияет в ночном свете далекого прошлого. Об этом знали некоторые из поэтов, одним из них был Гете.

*Тогда спустись! Или: «Направься ввысь», —
Я б мог сказать. Из мира форм рожденных
В мир их прообразов перенесись.
В следы существований прекращенных,
Давным-давно прервавшихся всмотрись.
Но, чтобы их держать на расстоянии,
Размахивай своим ключом в тумане.*

И тот, кто пришел «неумолимым и не просящим», силой ли «благодати» или магическими возможностями, но это помогает ему войти в ритм пульса Вечности, и, рискуя, заклинает мертвых:

*Как, верно, ведомо тебе,
С ней жить вне наших рамок серых,
Вне времени, назло судьбе!*

И есть признание Фауста:

*Дышу едва, забывшись, как во сне,
И все слова претят и чужды мне.*

В соответствии с равенством временной и пространственной близости (а стало быть, «здесь» и «сейчас») «настоящее» означает «присутствие» и может использоваться в том же самом смысле, когда мы говорим о ком-то или чем-то, что оно «присутствует». Если же созерцание является своего рода воспоминанием, а видимое расстояние — отсутствующим, то мы отмечаем отличительной сутью этого «представление отсутствующего» и, если быть еще точнее, «представление бывшего». Таким образом, мы получаем ключи к распространенному по всей Земле культу мертвых, который полностью удален из усредненного сознания сегодняшнего дня. Как только мы раскрашиваем нашу схему яркими и насыщенными цветами, то мы

должны углубить описание состояния созерцания. Оно должно помочь нам понять первоначальный смысл пеласгического культа предков, в особенности ту его часть, которая через посвящение давала святую уверенность в возможности «бессмертия». Однако это достигалось не путем перечисления обычаев и ритуалов, совершаемых во имя предков, а с точки зрения Эроса, в его древнем значении. Мы не будем стесняться в использовании многих фактов, знание которых является уделом только лишь экспертов (изучение сказаний и обрядов в наше весьма практичное время ограничено узкой прослойкой энтузиастов и ученых). Впрочем, это позволит нам дать указания, в некоторой степени отбросить тень и объяснить, почему Эрос, о котором мы ведем речь, является «космическим». Все, что было далеко, как мы видели, может оказаться близко, за исключением светила! Пусть наш взор проникает в пучину пространства, где средоточие отточенных кристаллов на тысячелетие глубже самого света, и в темных просторах звездных мириад проявляется светотеневая пустота, но мы в состоянии измерить высоту кратеров Луны и разложить на химические составляющие ткань пылающих светил. Мы по-прежнему располагаем «настоящим» в явленных нам звездах, никогда не раскроем их «вещественность»! Но звезды «не жаждут», а потому их присутствие (если можно

пошутить) проливает свет на все, что кажется парадоксальным, а потому «сияет отсутствием»! Однако если бы не было убедительного образа прежнего созерцания, то сложно было бы выдумать нечто более великолепное, чем свет множества звезд на небосклоне. Тогда мы не постигли великого прозрения, которое сверкающим сводом пронизывает каждого созерцателя в этом мире. Мы теперь понимаем, почему некогда звезды считались душами ушедших, а небосвод становился их обителью, возвещающая сиятельным хором преземного мира обо «всех земных переменах». Конечно, Бахофен был прав, сделав замечание относительно Аристотеля и его метафизики, что «вращение планет порождает все явления». Это изначальная идея человечества, полностью завладевшая воззрениями древнего мира. Образы звезд тогда были могучими деймонами, а те породили «духов» уранического подземелья.

И это вовсе не противоречит примитивным представлениям о том, что они существуют внутри Земли! Первоначальному хтонизму противостоял уранизм, но это было не враждебное, а полярное противостояние. И изначальное одухотворение относилось не к ночи и звездам, к дневному времени и связанному с ним солнцем. А потому человечество (неважно, безбожное или уже познавшее близость божеств) в соответствии с золотыми скрижалями орфической традиции свидетельствовало о

себе: «Я — дитя Земли и звездоносного Неба». Примеры, которые мы без разбора сможем извлечь отчасти из древней традиции, отчасти из традиции «дикарей», не оставляют никаких сомнений относительно того, что поклонение звездам везде проходило под знаком Эроса и священного брака. И это убедительно доказывает нам, насколько человек, созерцающий образ на удалении, сильнее того, кто осязает тела вблизи.

Но ни одна рациональная наука не смогла объяснить нам, почему в обычаях и заклинаниях пеласгических народов, а, как мы видели, еще и у некоторых нынешних племен, бушменов, ботокудов, жителей Огненной земли, коренных австралийцев наряду с символами охоты, гарпуна, шила, тыквенной бутылки, шакала, совы, жабы, лисы, медведя, заклинаний, нейтрализации заклинаний, периода правления женщин, родов, зачатия и всего, что очень близко «человеческому», есть отдаленные образы светил, которые используются совершенно не в астрономическом смысле. И они играют не последнюю роль в их представлениях, выходящих далеко за рамки банального страха. Наконец, мы наблюдаем непропорционально развитую астрономию — звездную науку, основами которой владело целое поколение пеласгических народов: китайцы, аккадцы, египтяне, инки, ацтеки. Причем владели в начале своего исторического

пути в полной противоположности нынешнему европейскому «звездному» Духу. Чтобы найти беспристрастный смысл, мы должны раз и навсегда отказаться от всего, что было явлено нам через Дух, и начать инстинктивный поиск образа жизни. Вожди племен Вирджинских островов продолжали жить после смерти в стране «по ту сторону заката». Именно там, в утонувшем море воздуха «вечернего» Запада, греки искали «остров блаженных». Полинезийцы считали, что Луна была местом жительства их умерших правителей. Плутарх в своем трактате «О лике на лунном диске» считает, что звезды являются «небесными богами», а Луна — регионом Персефоны и «элементом души». «Ибо они растворяются в нем, как тела мертвых в земле». На краю Земли и по ту сторону небес находилась Элизиум, долина «елисейских полей». Индейцы Северной Америки называли Млечный путь «дорогой мертвых». Души гренландцев разбивают палатки на небе там, где изгибается радуга. В верованиях эскимосов все звезды в далекой древности были либо людьми, либо животными. В поясе Ориона они увидели толпу охотников на тюленей, которые забыли дорогу домой. Аборигены Тасмании использовали ясные ночи, чтобы показать незнакомцу пару звезд, пару братьев (Диоскуров), которые подарили людям огонь. Фараоны, цари династии Сасанидов, рим-

ские Цезари именовали себя «Братьями Солнца и Луны», а после смерти возвращались на звездное небо, откуда они и пришли на Землю. Комета, появившаяся после смерти Цезаря, была принята за его душу, возносящуюся на небо. Почти у всех народов мерцающие звезды, а в особенности падающие звезды, считаются душами людей. Плиний говорит о «небе с обществом» (*societas coeli nobiscum*)!

Эрос ушедшего — это Эрос далекий. Однако из-за того, что он зажигается в бестелесных образах, он позволяет связываться с неуправляемым миром светил. А потому земная жизнь продолжается в пульсирующем ритме космоса. Поэтому носители этого Эроса в буквальном смысле слова являются «космическими» существами или, как они именовались при посвящении, Сыновьями Солнца. Из отблесков знания посвященных пробивается к нам через эпитафии на могиле античности необходимость разведения полюсов, разделение верхнего и нижнего миров, что выражается в стихотворной форме о потоке блаженства, дарованного чуждым нам звездным родством.

*У двух хозяев есть души мертвых,
Тот, кто ошибается на земле,
Может начать танец с сияющими звездами,
И присоединюсь к их армии,
так как Бог ведет меня.*

Мы отчуждены. Но в какой-то момент вновь вспыхнет огонь во все еще не увядающем человечестве! Это состояние, в котором создаются орфические изречения. В нем Ницше воспринял слова о «дальней любви», и родились стихи.

*В твоей провиденной судьбе,
Звезда, что этот мрак тебе?
Стряхни блаженно цепь времен,
Как чуждый и убогий сон.
Иным мирам горит твой путь,
И ты о жалости забудь!
Твой долг единый: чистой будь!*

Правда, сегодня за «звездную судьбу» платят более высокую цену, чем раньше! Это путь для тех, кто готов пасть жертвой на алтаре неведомого. Так пал Ницше, дважды осужденный. Человечеством, которое изгнало его (хотя внешне заботилось и ухаживало за ним), и самим собой, отказавшись от участия в себе. Тем не менее, он бродил среди звезд, вероятно, став яркой кометой, что никогда не вернется.

ГЛАВА 6

О СЛУЖЕНИИ ПРЕДКАМ

Симпатические обычаи культа мертвых. Трансформация культа мертвых и вера в бессмертие. Трансформация жизни и уничтожение средств к существованию. Сон как пробуждение уникальных идей. Изменчивость образов, основанная на опыте сновидческого состояния. Различия между объединенной и опустошенной душой. Мертвые как реальные образы. Сила и опасность души. Родственность созерцания древнему экстатическому сознанию. Брачный смысл обрядовой пищи. Об Эросе в пище. Духовные и метафизические объяснения разрывания божества. Кровавые жертвы и философия воздержания как полярные проявления. Противопоставление бессмертия и увековечения жизни. Происхождение «злой совести». Почему культ предков не является верой в бессмертие? Экстаз в связи с культом предков.

Современные этнографы склонны выводить древний культ духов из страха перед привидениями. Это должно было бы объяснить, почему этот культ должен был исправиться, когда был пролит «свет разума», а потому должна была пропасть вера в «духов». Впрочем, нет никаких сомнений в

том, что эротические обряды связаны со служением мертвым, и чем дальше мы будем погружаться в древние пласты, тем ярче они будут становиться. А еще мы знаем о венце, который выступает в качестве короны, и его возлагают, когда свершается высшее посвящение. Венец, как корона, — это древний символ завершения, Телеты, посвящение в честь достигнутого совершенства. Каждая корона — это «венец жизни», знак Гамии, совершенного брачного венчания венценосной души с душой космоса. Поэтому венец сначала украшал голову мистиков, затем триумфаторов, правителей, священников и в итоге невест! Мы знаем, что представители микенской культуры украшали венком и повязками своих умерших. Таким образом, умерший достигал высшего посвящения. Он становился для мистика героем или деймоном, и с этим совпадало завершение Гамии! Он высоко чтился, как «Тритопадор», и в свою очередь давал благословение, по этой причине на каждой свадьбе славили духов предков. Им подносится выпивка, чтобы они своей силой защитили благополучие брачующихся. Ромул, ставший божественным прародителем Римской империи, также являлся покровителем новорожденных и считался целителем болезненных детей. Аналогичное целительство можно было наблюдать и в христианское время. Козьма и Демиан после своей смерти заняли место за-

щитников детей, и качестве духов предков должны были заниматься лечением, как бы выступая в роли наследников Эскулапа. Можно ли обнаружить убедительные источники, говорящие о том, что ключом почитания мертвых являлся Эрос, а «вера», положенная в основу этого почитания, была внутренне испытываемой уверенностью в достигнутой близости? Мы знаем пурпурный цвет как символ высшего достоинства. Здесь мы не задаемся вопросом, на чем базируется символика пурпурного цвета, но обращаем внимание лишь на то, что в Микенах умерших оборачивали в фиолетовые платки, затем возлагали для свершения последних молитв на оливковые, миртовые или тополиные листья. Страх — это всего лишь поздняя сторона обычая, распространившаяся по всему пеласгическому миру. Ничто не волнует человека пеласгической эпохи больше, чем торжественность погребения и забота о теле умершего. Самая великая человеческая трагедия античности — это самопожертвование Антигоны во имя достойного погребения тела погибшего брата, дабы соблюсти священные обычаи, — мотив, совершенно утраченный, если мы будем мерить его современной поэзией! Первоначально умерших, скорее всего, погребали в доме под плитами, затем в центре деревни, у стен, у городских ворот, на рыночной площади, в пританиуме! Так, например, в Олимпии

гробница Пелопа находилась рядом с большим алтарем Зевса, а храмы одновременно могли быть местами погребения деймонов. В частности, Дельфийский храм Аполлона являлся захоронением бога земли Пифона (Питона). Раньше даже христианство использовало соборы и храмы для погребения представителей благородных семейств, в нынешних селах могилы пытаются сделать поближе к церкви. Самые величественные сооружения Древнего Египта — пирамиды — это место для мертвых; это относится и к скальным храмам ликийцев, и к римским катакомбам. Диодор из Египта сообщает: «Большая забота проявляется относительно того, чтобы жилища для мертвых использовались как для живых; они рассматриваются в качестве ночлега на короткий период, гробница же — как истинное и постоянное жилище на вечное время». В качестве мест для мертвых у многих народов могли выступать священные рощи, чудесные горы, скальные жилища Маниту, ступенчатые сооружения и пагоды. Душа умершего порхает и парит вокруг гробницы, продолжая жить в образе змеи, гения места (*genius loci*) или же Агатодемона, но в любом случае благословляя всех живущих в доме! Весь римский культ берет свое начало в поклонении духам дома — ларам, аналогичное можно сказать и про японский синтоизм. Древние племена, равно как нынешние «ди-

кари», охотно именовали себя в целом по имени первопредка или прародителя. В честь прославленных павших героев был учрежден греческий Агон, образующий круговорот настоящего и прошлого! Кто-то может возразить, что в данном случае не опасаются призраков и не обороняются от них, здесь свершается любовное почитание настоящего, которое связано с поклонением возвышенным существам прошлого. А это, в свою очередь, связано с обычаями, сплоченными отчасти с рассудочным желанием, отчасти с мистическим устремлением вернуть их вновь к жизни. Наконец, для нас может быть неопровержимым доказательством традиция, приходящаяся на время заката греческой цивилизации. Тогда возникает стремление героизировать умерших и изобразить их непосредственно в облике Эроса. Он лежит заснувший, опустивший свой факел, будто бы утомленный жизнью, и рядом лежит испитая чаша. Но таким образом достигается не бессмертие для умершего, он вообще не умирает, а лишь преобразуется!

Только подход, связанный с Духом и означающий наступление экзистенциального ужаса перед лицом смерти, приносит вместе с ним страстное стремление к обретению бессмертия! Для первобытного человека, у которого только что явленный мир скрывался за душами далеких и живых образов, это было неведомо. Он слишком не-

долго был человеком, чтобы мыслить о собственном существовании и собственном «Я», что характерно для современного человека, что определяет его характер и нравы. Но поскольку для древних существовал не только находящийся рядом человек, но и расположенная поблизости вещь, он видел жизнь и в человеке, и в так называемой «мертвой» вещи, и даже в материи, из которой эта вещь состояла. Материя — слово, которое бы настойчиво хотелось забыть, но оно этимологически восходит к «матери», то есть первородному образу! И смерть для древнего человека была великим событием, но не прерыванием существования, а лишь высвобождением от жизни. Человек тогда не «умирал», как это представляется нам сейчас; в то время еще не было ничего «мертвого» в нашем понимании этого слова!

Чтобы постигнуть связь, которая имеется между состоянием созерцания и увековечиванием жизни, надо прежде всего основательно помыслить о той пропасти, что отделяет восприятие смерти древнего человека от понимания кончины современным человеком. Поэтому мы должны развить эту мысль в свете ее предыстории. Каждый истинный приверженец христианства как духовной религии верит в личное душевное бессмертие. Если бы к протестантскому и католическому священнику пришел крестьянин из отдаленной

сельской общины, дабы сообщить, что на могиле его предка, где покоится его душа, появилось привидение, то пастор ответил бы, что душа его предка находится в «загробном мире» или на «небесах», одним словом, там, откуда нельзя вернуться. Вера в бессмертие души, ушедшей из мира, превращает «могучие души» в «бедные души», а в итоге скатывается в противоположное убеждение — в суеверие. Католицизм, сохранивший в себе соборование, отходную молитву и День поминовения умерших, на самом деле опирается на остатки древнего почитания умерших. Для протестантов, то есть полнейших христиан, прах пребывает к праху, дух к духу, в то время как душа оказывается «здесь» и «там», в итоге теряя привязанность к земле. Ее нет ни на Земле, ни на одном из тысячи других небесных тел, ее вообще нет в пространстве, то есть нет «здесь», но она в «наднебесном месте», или «потустороннем мире». Таким образом, явлена логичность опекаемого «благоговения», что находилось в самом ядре служения умерших древнего мира: забота о теле умершего, о могиле, о прахе! Искусство и культура древности пестрели погребальными культами, потому как в то время еще не знали о бессмертии души, но для них было явью постоянное присутствие. Все верящие в христианское бессмертие видят в трупелишь мертвое тело, в могиле — лишь место погре-

бения, которое через сорок, может быть, пятьдесят лет спустя, можно использовать в практических целях. А в некогда жившем предке такие видят только лишь бессильное, ибо умершее, а потому не обладающее способностью вмешиваться в борьбу живущих, существо. Перемещение души в последний, потусторонний, но бессмертный мир лишает ее родного мира, превращает ее в «уединенную», то есть бедную и ничтожную душу! Воистину едва ли можно назвать христианином автора этих строк (Конрада Фердинанда Майера). В них чувствуется языческая мистика.

*Мы — мертвецы, мертвецы из великой армии,
Самой большой на суше и на море!
Мы беспокойно перепахали поле,
Махали истово серпами и собирали урожай.
И вы закончите то, что мы начали.
И это нас полнит бурлящим потоком,
И все наши симпатии, злоба и споры
Еще бьются ритмичным пульсом в смертной крови,
И все, что мы обрели из предложений,
Что все земные перемены связаны с нами.
И наши звуки, творения и стихи
Найдут лавровые венки в смертельном свете
Нам нужен человек, его взыскуем,
Чтите нас и приносите жертвы, ведь нас так много!*

Один из авторитетных исследователей и специалистов по этнографии Липперт сообщает: «Некий африканский вождь удалился из общества путешественников, так как стал страдать головными болями, а потому решил проявить заботу о душе своего отца. В этом кроется выражение воззрений всей первобытной эпохи». Факт интерпретирован весьма неудачно, а потому исследователь предоставил эту возможность нам. Указанный вождь проявляет заботу вовсе не по причине страха перед духом своего отца. Мы должны задаться вопросом: как вдруг мысль могла перейти от головной боли к душе некоего предка? Не проще ли увидеть причину в палящих лучах экваториального солнца, которые напекли голову, а потому и случился приступ мигрени? Разве не такие выводы должен был сделать современный человек, верящий в торжество разума? Нет никакого сомнения, что именно так поступил бы рациональный европеец, но вовсе не интуитивный африканец. Если он, пренебрегая ощущениями, стал искать источник своего недуга в предках, то он хотел сказать, что те были для него более ощутимыми, нежели беспощадные лучи жаркого солнца! Его разумом овладел фантазм души предков, а вовсе не «воспоминание» о ней. Его животное чувство страха и его примитивная воля к познанию не нуждаются в объяснении. С другой стороны, толкование, кото-

рое недоступно рациональному разуму, демонстрирует, что оно неразрывно связано с миром сновидческих образов. Это не может не признать даже тот, кто принципиально отказывается видеть возможность вмешательства фантазма в реальность.

Те фольклористы и исследователи легенд, которые выводят из сновидений все верования первобытного мира, оказались к истине ближе, нежели те, кто склонен видеть во всем пугающее восприятие смерти. Конечно, мы не являемся поэтами, можем лишь анализировать, предаваясь размышлениям о наших снах. Для первоначального человека, человека души сны были осязаемыми, подобно вещам нашего восприятия. Тот, кто не в состоянии понять этого, должен категорически отказаться от толкования древних времен! Но мы ошиблись бы, если бы допустили, что в древности были более насыщенные сны и более живое мышление. Речь идет не столько о ночных сновидениях, сколько о том, что бодрствование человека можно было сравнить с нашим сном, но при этом не ставя знака равенства между состоянием сна и состоянием бдения.

Мы неоднократно говорили о том, что процесс созерцания преобразует созерцающего. Что указывает на полную противоположность акту восприятия, который возвышает воспринимающего над вещью восприятия и убеждает его в ограни-

ченности сознания! Мы используем некоторые тезисы из появившейся несколько лет назад работы о «сновидческом сознании». В ней подчеркивается положительная особенность образа, а именно способность осуществлять трансформацию, передавать из обычного сновидческого опыта, переходить к обобщениям и вызывать ошеломление действительностью. Было указано, что сновидческие настроения можно было обрести во время дневного бдения, тем самым изменялось настроение, и возникало ощущение мимолетного пережитого опыта. В указанной работе говорится: «Исходя из третьей точки зрения, мы обнаруживаем качество сна, которое отмечается всеми, кто хотя бы раз видел сны, но ни разу это не оценивалось — речь идет об изменчивости сновидения. Дорога, по которой я только что ехал во сне, внезапно превращается в канал, автомобиль трансформируется в корабль, стены домов расступаются, и я уже спую среди портовых судов. При этом я несколько не удивлен происходящим и не вижу непоследовательности в процессах. Если мы, исходя из сложно уловимой сказочной действительности, отдаем предпочтение мифической идее, то мы обнаруживаем причину, по которой имеется способность явления из сна превращаться во что-то иное, в мифе мотив выбора связан с принуждением к знаниям, которые являются даром от богов, фей, демо-

нов или других существ. Ведь их общей чертой является способность менять облик, а также превращать противника в друга, вещи — в животных или в человека. Овидий с радостью описывал всех мифических и сказочных существ, когда выбирал темой для своего поэтического повествования «метаморфозы», хотя ему так и не удалось перевести на литературный язык большую часть этих явлений. Даже в чувстве скоротечности (сказочной настроенности) мы находим еще один элемент в приобретении спящим опыта, а именно его внезапную веру в собственное преображение, что является опорой для нашего принятия связей между сновидением и «душой». На что способны боги, повелители снов, должно быть охотно или неохотно постигнуто спящей душой. Она способна раскрыться во всем многообразии вещей и проникнуться камнями, растениями, животными и людьми. Согласно данной логике сновидческого мышления, которое во многих моментах превратилось в догму о путешествии душ, сознание, привязанное к сновидениям, принципиально не знает ничего безжизненного и механического, а потому способно «беседовать» с животными, растениями и «мертвыми» вещами, что позволяет ему делить каждый момент с судьбой окружающего его мира! А это в свою очередь вновь подводит к вынужденному выбору изменяющейся реальности, что есть

типичная форма для определенных душ. Сбитый туман, мерцающий свет и колышущееся пламя (в немецком фольклоре — колдовской свет и блуждающие огоньки), вода из родника или из реки — во всем этом можно услышать предсказывающие голоса. Если же говорить о животных, то это в первую очередь бесшумно движущиеся или летающие без звука — птицы, рыбы, змеи, порхающие бабочки, неуклюжие пчелы, вышедший на охоту волк, проворная ласка, юркая мышь, которая как бы выбегает изо рта спящего, когда душа начинает свое путешествие. Принцип превращения и вместе с ним привнесение силы в дневное время являются целью всех теургических духов, мистиков и заклинателей мертвых. А вместе с тем это один из проэтнических корней мистики, чья изначальная форма вовсе не ограничена одухотворением, что становится для нас понятным, когда мы принимаем во внимание обращение германских богов в воинственных берсеркеров, цейлонских демонических танцоров в демонов, фракийских жрецов Сабазия в буйное рогатое божество. Греческий мир, и не только он, знал преобразование божеств. Морской вещий старец Протей рассказывает Одиссею, как не хотел пророчествовать Менелая, но тот удерживал его. Чтобы освободиться, он превращался в быка, змею, кабана, льва, пантеру, птицу и обезьяну; потом в огонь, воду и дере-

во. Мы видим в нем классического демона, обладающего мифическим искусством трансформации, и аналогичным образом относимся к реальности, представленной в сновидении.

Если мы будем сравнивать состояние бодрствования у созерцающего человека и наше сновидческое состояние, то мы можем догадаться о том, как сильно меняются восприятие, сознание, мышление и действие. В упоминавшейся выше работе говорится: «Едва ли можно сравнивать с тем, что мы подразумеваем под верой. Мы привыкли к вере твердых фактов. В ведических гимнах божество огня Агни без какого-либо обнаруженного противоречия может являться с небес, из воды, из леса, через камни и растения, через Гамию терновых деревьев, в плоде маслины. Оно, подобно огню Прометея, спускается с высот от древних героев. Оно может именоваться быком, красным конем, сияющим языком бога или же устами, пожирающими жертвенный огонь. Мы чувствуем, что нет ничего, кроме народной поэзии, которая в состоянии сохранить, как духи грозы — маруты — беседуя с нами о том, как сдоены небесные воды, как они насыщают Землю, как буря ревет своими громовыми трубами, как море облаков разорвано в клочья, как согнуты в дугу леса и деревья, как земля шатается под ногами, подобно палубе корабля. Конечно же, теперь мы увидели, что такое

реальная поэзия. Между тем мы не должны забывать, что все существа-духи не только прославляются, но чтятся через приношения обильных жертв; они умиротворяются ритуалами, которые сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Эти церемонии только лишь кажутся декоративными, их значение обретаётся в магических обычаях, которые бессмысленны без веры в их действенность. Напрасно пытаться осмыслить их с точки зрения дневного бдения, их можно постигнуть лишь сновидческими чувствами, ощущение которых может стать подлинным событием, спрятанным в звучных образах».

Даже в сказках, как в побочном побеге детской жизни, неважно, в Индии ли, в Аравии ли, в Океании ли, в Германии ли, история восхищает нас своеобразной небрежностью в отношении существ и предметов, которые в некотором смысле с быстротой молнии меняются образами. Из гнилой листвы может возникнуть лучезарное золото, уродливая лягушка превратится в прекрасную царевну, а убитый красавец без труда может восстать из мертвых. Вот ведь подлец! Опять же индейцы никогда не будут в действительности тотемным животным, например, волком — «первым человеком» Но благодаря экстатическому созерцанию они в какой-то момент действительно переживают и ощущают, что волк превращается в человека или наоборот, что

человек превращается волка! Сердечный нерв созерцательного мышления — это пережитая уверенность в обрацаемости явленного мира.

Но под определение «обращения» попадает также смерть. И именно мы, проследившие до конца логику сновидений первобытного состояния, не в состоянии пока определить, какую роль играют *умершие* по отношению к живущим. Кому была дарована возможность экстатическим путем «покинуть» себя на удаленное расстояние, когда «возвращался», переживал тесную связку тела и души. Его душа, подобно улетевшей птице, невидимыми нитями была возвращена обратно в насиженные места и прилегающие к ним окрестности. Если бы эти незримые нити были разорваны, то вместе с обретением временной свободы возникла бы проблема возвращения. Обильная космическая жизнь казалась бы манящей, но грозила бы беспутным метанием и безраздельной изменчивостью. И эти нити действительно рвутся в момент смерти, потому что нет никаких сомнений в том, что душа покидает умершее тело. Это открывает бесконечные возможности самореализации во Вселенной. И в этом явлена демоническая сила. Однако именно через это есть риск потерять самого себя. Мы можем это сформулировать через цитату философа Плотина относительно материи как «места принятия образов». То есть душа живущего есть образ, который

связан с материей, а душа умершего — это образ, который растворен в материи. Посредством и через душу сны обретают конкретную форму; приходят, трансформируются и исчезают, не встречая никаких материальных преград.

Кто выступает в качестве духа возмездия для нечестивого Дона Хуана? Изваяние убитого губернатора! И в этом слышатся отголоски веры древнего мира! Красноречивый Пиндар провозглашает в своих бессмертных словах: «И тело их следует за всемогущею смертью, Но жив остается облик бытия, ибо только он — от богов. Он спит, когда члены наши — при деле их; а когда на них скатывается дрема, он в несчетных снах являет нам близящийся суд меж теми, кому радость и кому беда...» Это ключ к служению душе! А если говорить о мстящей статуе, то таковых было много в древности. Нам рассказывают, что какой-то охульник исхлестал кнутом статую Теагена, но и того пришел час. Когда нечестивец проходил рядом, статуя упала и придавила его насмерть. Вдали от мира, в незримости потустороннего мира душа умершего — это скорее демонический образ, звезда, камень, дерево, животное или родник, поток, освежающий ветер и лишь затем образ ее прежнего телесного носителя. Вера древности вовсе не заявляла, что есть незримая душа и есть личное существование. Она заявляла: есть живые образы

вещей, и они более свободны без телесных оков и имеют возможность превращаться волшебным образом в изменчивую душу!

Теперь можно вспомнить, что не только греки, но и римляне использовали слово «тень» (по-гречески *οκία*, на латыни *umbra*, отсюда происходит фраза «исчезает, как тень» — «*Tumulum circumvolat umbra*»). Эйдолон также близок к понятию «душа», но это можно обнаружить и у многочисленных «дикарей» — (большой частью вымерших) жителей Тасмании, алгокинских индейцев, индейцев ароваки, парагвайских абипонов, зулусов, гренландцев и многих других. Усиливающая магия зеркала, гадательное искусство, магические вызывания, заклинания проклятия, графология, астрология — все становится постижимым, только если принимать во внимание древнюю формулу о душе и образе. Индейцы Гвианы утверждают, что после разложения тела «человек остается в наших глазах». Жители островов Фиджи различают между собой «темный дух» и «светлый дух». Первый — это тень человека, второй — его отражение в воде. Согласно европейским народным поверьям, больной был заколдован и очарован, если в его зрачках перестали появляться отражения (ритуальная кукла). Аналогичным образом древние силы потеряли свою тень, потому что осталась только лишь материя обнаженных душ, образ без тени!

И сейчас уместно вспомнить, чем изначально являлись храмы! Они не походили на христианские соборы как помещения для благословения общины, а были жилищем богов. А потому в таких местах благочестивый мог увидеть их и видел, так как мог взирать на «идолов»! Для язычников сверхъестественные существа были вполне реальными и были в состоянии являться. А потому можно было найти весьма популярную трактовку вопроса, почему слово θεῖον (Теон — Божественное) сильно походило на термин θεατόν (театон — явленное, видимое)! Неудивительно, что иудеев и христиан именовали «атеои», то есть «презирающими богов», ведь они возвысили разрушительного Бога-Духа, выражавшегося в неприятии образа! Во времена раннего христианства об этом помнили, а потому можно привести отрывок из книги ревнителя Августина, в котором он как раз рассуждает о Боге: «Да, о статуях, одушевленных чувством и исполненных духа и проявляющих разнообразную силу; о статуях, заранее знающих будущее и предсказывающих его посредством жребия, прорицания, снов и множества других вещей, поражающих людей болезнями и исцеляющих эти же самые болезни, приносящих им печаль и радость в зависимости от их заслуг». Что же касается божественных душ, то это в меньшей степени относится к душам близких друзей и близких родственни-

ков, но в большей степени — к душам далеких предков, то есть богов, происходящих из другого круга человечества. Благодаря изучению природы созерцания мы можем сказать, что чем дальше современность от прошлого, из которого она произрастает, тем она более блистательная и манящая. Велльхаузен в своей работе «Остатки арабского язычества» сообщал относительно восточных стран, как там делали изображения покойных для того, чтобы каждый мог встретиться с братом, родственником или отцом. Однако по мере того, как поколение сменялось поколением, начиналось буквальное поклонение этому изображению!

В словах Августина, которым вторят многие другие авторы, прозвучало понятное сомнение, которое в последнее время слишком часто озвучивается при обсуждении онтологических проблем. А именно являются «идолы» и «фетиши» непосредственно демоническими существами или их вместилищами? На самом деле они являются одновременно и тем, и другим. Осязаемым телом души и видимым образом самих душ. Образы, возникающие во время видения, вспыхивают, возникают, приходят, уходят, но их не представляется возможным захватить и удержать. В лучшем случае место, касающееся тела, является вашим местом по отношению к вам самим. Это надо признать, так как это подвижнее любых понятий. Вы

не можете быть рядом с ними, но при необходимости не можете не замечать эти образы. Не каждому суждено заметить появление тайных знаков, но только восторженные экстастики способны уловить колебание звука. И когда жертвенное приношение орошает кровью символ с пленяющей сутью, тогда открывается распростертая душа, которая моментально преображается и является в облике бога.

Как уже говорилось выше, молчаливые души таят в себе угрозу перехода от «дальнего» к «дальному», от «трансформации» к «трансформации», и, в конце концов, они рискуют утратить свое состояние. «Путь образа» — так у исландцев называлось расставание с душой. Несмотря на то, что она (душа) получила жилище в далеком космическом пространстве, она утратила свое место и теплоту близости. Теперь полярные отношения у пространства и места, расстояния и близости, неба и земли, периферии и центра, блуждания и неподвижности. Теллурическое, расплавленное ядро Земли исчезает, когда отделяется от излома небосклона.

Если образы прошлого необходимы для пробуждения цветущей бури, то души предков из снов хранят в глубинах космоса пыл и шлют еще живущим чувство жертвенности. Поэтому в преданиях они напоминают жаждущих путешественников, которые задерживаются в цветущем и священном месте. Тех же, кто готов в порыве Эроса погру-

зиться в пространство, запечатывают специальными погребальными знаками в гробницах или храмах, в рощах или столпах, в деревьях или в пирамидах, в урнах или в пещерах, в статуях или фигурах ларов. Это тайное и любимое место отдыха, не нарушающее пространство, но защищенное от тела. Например, если воин погиб в далекой стране или моряк утонул во время кораблекрушения, то их родственники могли установить «кенотафу», то есть пустую могилу — защищенное место, в котором мог остановиться и дальше пребывать образ умершего человека! Ткань Эроса, которой не грозят разрывы, сплетена из нитей образов прошлого и нравов настоящего.

Все обряды смерти, все символы и послания души однозначно указывают на то, что в пеласгическую эпоху они распространялись повсеместно, а в более поздние времена — преимущественно через тайные практики посвящения. Последнее относится к экстатической Эпоптии. Это была впечатляющая драма, переживая которую (участвовать в ней лучше было изнутри) мистики Элейской школы получали видения вне телесного состояния и на этом строили свое познание образов, притом опираясь на полученный опыт, не сомневались в подлинности Бытия. В то время как через мистерии пытались передавать науку созерцания всему человечеству, но под гнетом Духа откро-

венно деградировали и стали одержимы утилитарными помыслами, что в итоге привело к роковым процессам. А именно к прекращению роста одухотворения, которое оказалось бы в итоге пленено противоположными началами, даже если бы ранее не сгорело в огне христианской ненависти. Но будем двигаться дальше. В настоящий момент мы завершаем наш общий обзор природы созерцания, украшенный цветами, которые набрали во время толкования проблемы почитания предков.

Мы уже обращали внимание на идиоматический характер опьянения, впрочем, как и в случае с исполняемостью прикосновения к полюсу реальности. В попытке скрыться от могучего вихря пурпурного света Эроса душа готовила себя для свадьбы, итогом которой должно было стать зачатие божества. Нами было изложено все, что вспоминается через созерцание. То, что предполагает мистическое соитие, должно постигаться через созерцательный анализ с использованием некоторых мистических обрядов. И тут мы сталкиваемся с проблемой обрядового вкушения.

Изначальная жертва — это не пир во имя бога, а жертвенность самого божества, которое присоединяется к участникам трапезы, а позже сливается с ними. В настоящий момент мы озадачиваемся тем, чтобы привести общие доказательства, так как для настоящей цели вполне достаточно

привести несколько примеров, которые будут иллюстрациями к предложенным нами случаям. Надо подчеркнуть, что телесная сторона культовой трапезы, неизменно носившей характер символического действия, которое случалось через подражание жертвенному животному или же каннибализму, которое (как уже было доказано) во всех случаях обладало религиозным значением. Это действительно так. Так как речь идет не о физическом теле, но о его образе, то используются подражательные объекты, например, пирог из теста, название которого во многих случаях восходило к фразе «Бог, поглощаемый человеком». В древности пряничные всадники и выпечка в форме острых колпачков мыслилась в народном сознании как божественные фигуры.

И по нынешний день в католических землях Германии по случаю праздников, сопровождаемых застольем, остатки трапезы приносят друзьям, дабы те заочно могли принять участие в ритуальном действии. Но прежде чем изучить гамийную природу трапезы, мы проведем анализ некоторых заблуждений.

Подлинные символы никогда не являются метафорами, а угощения, например, торт с изображением божества, вовсе не может быть ритуальным объектом. Если для древнего сознания душа вещи находилась в образе вещи, то поглощение или соитие с ней было вполне допустимым

использованием образа, через который происходило соединение. Двойственная формула причастия, позволившая вину стать кровью Христовой, была вполне разумно трансформирована. Вино — это не просто кровь, а кровь как сила мистического созерцания, поскольку оно дает зрительное воссоздание крови (недаром у многих древних авторов вино упоминает как «кровь Земли»). Несмотря на то, что в нынешней этнографии безраздельно царствует представление о том, первоначально животных или людей приносили в жертву в их телесной форме, но потом из повзрослевшей «гуманности» предпочли сделать замену живым телам. Однако этот тезис вступает в серьезное противоречие с некоторыми свидетельствами, которые говорят как раз об обратном. Остается лишь убедительно объяснить, почему «отрешение» не случилось через финансовые пожертвования, а только лишь с использованием внешнего подобия! Бывало ли когда-то, что долг считался погашенным, потому что должник изображал жестами цифры? Или проданные фрукты считались врученными покупателю только лишь через жест вручения чего-то? Если этого никогда не было, то мы должны говорить не о замене, а в большей степени задаться вопросом, почему это было правильным для всех без исключения народов и безошибочно соответствовало принципу жертвоприношения. Древнее римское

правило жертвоприношений гласит: *sciendum in sacris simulata pro veris accipi*, то есть следует отметить, что во время священных обрядов замененное нужно считать истинным! Едва ли где-то и когда-то мог возникнуть подобный принцип, если бы для созерцающего действительность не была явленной реальностью! По этой причине δαίμονες (деймоны) празднеств всех времен и народов являлись на торжество через их подобие, то есть через надевание масок! Символьный способ принесения жертвы говорит вовсе не об ослаблении древних обычаев, а об углублении их смысла. Во всех культовых действиях речь идет не о веществе как таковом, а о душе вещества, и только она раскрывается в образе! Нам могут возразить, что в любом случае обычай поедания божества был вполне применимым, вещественным и вполне влиявшим на важные воззрения. Пусть даже в некоторых случаях вместо подлинного божества поглощался кусок теста, рассматривавшийся как его образ или даже кусок хлеба. Этого было вполне достаточно, чтобы сделать данную пищу средоточием божественной души. То есть поглощение происходило через процесс еды, именно так случалось приобщение к божественному телу! На это мы ответим: понятие пищи в данном случае используется в другом свете. Мы видим в нем лишь подложку овеществленных процессов, а само оно являет-

ся, так сказать, хранилищем образа. Принятие пищи может иметь разные смыслы, и они (смыслы) зависят от того, происходит ли это с целью поглощения привязанного к продукту образа или же с целью утоления голода. Как говорилось ранее, мы бы пропустили аспекты сугубо животного питания, что связано с употреблением растительной пищи. Животный голод предполагает две вещи. Во-первых, зависимость тела животного от мира вообще. Во-вторых, взаимосвязь между животным и видоизменяемой частью мира. Терзаемое голодом существо в общем мироздании действует возбуждающе на носителя. Оно манящее. Животное приобщается к жизни через процесс еды, отличительной чертой чего является телесное благоденствие. Кроме того, пища также обладает запахом, вкусом и внешним видом, что отвечает физическим ощущениям: осязанию, обонянию и т. д. То есть чувства являются ключами к духовному созерцанию. Если принять во внимание все вышесказанное, то эти качества в ритуальной трапезе вообще никак не затрагиваются, даже если перед этим мы пробуем приготовленную пищу. Но если между животными ощущениями и питательностью пищи есть определенная взаимосвязь, то, следовательно, каждый вид предпочитает свою собственную пищу. Таким образом, в результате напряжения, возникающего между полюсами, а именно

между животной душой и образом пищи, создает-ся своего рода переходный мостик, который ведет к тому, что избирательный в вопросах питания индивидуум проявляет некоторые предпочтения и склонности, в итоге вызывающие душевную радость. Хотя первой из них является просто утоление голода! Нам могут возразить, что пища проявляется в качестве выражения единства души и образа блюда! Заменяв цель приема пищи на наслаждение вкусом, человек стал находиться по меньшей мере на пути восприятия пищи с внешней стороны Эроса. Тот, кто наслаждается вкусом, полагает этот способ питания как соединение полюсов питающегося и пищу, что вызывает экстатические ощущения и гастрономический трепет! Таким образом, не столько поглощается съедобное вещество, сколько посредством этого вещества вбирается его образ, его душа, его суть, которые в свою очередь соединяются с душой того, кто питается. То есть процесс питания превращается в акт посвящения пищей. Новалис писал: «Так как мы все дни наслаждаемся гением природы, то каждая трапеза превращается в таинство... Пища становится мистическим средством преображения и обожествления, совершенных на земле; средством живого общения и абсолютной Жизнью». Чем же подтверждаются культовые обычаи? Из древних традиций орфических и египетских мистерий и свя-

занных с ними обычаев нам известно, что эпохальные церемонии являются переплетением символов и мистической пищи. Но мы продолжаем наши рассуждения.

В мистериях Сабазия мы находим διὰ τοῦ κόλπου θεός, то есть посвящение, которое проходило посредством золотой змеи, которая должна была проползти по груди претендента. Епископ Астерий из Элевсиниона сообщает нам: «Разве может быть что-то мрачнее торжественного общения иерихона и жрицы, что свершается в одиночестве? Когда факелы погашены, разве эти двое во тьме не хранят бесчисленное множество спасений?» В других рассказах есть упоминание о том, как христианский исповедник провозгласил Иерофанту: «Святой мальчик Бримо, родился вознесенный Бримо — сильный, могучий и мощный!» Де Йонг обращает внимание на то, что девятидневная мистерия тайного союза индейцев хопи из Аризоны, как правило, завершается ритуальной свадьбой между «змеиным героем» и «змеиной девочкой». По словам Климента, у карибских посвященных в священном ящике был сокрыт ритуальный фаллос. О том, что душа приобщалась к божеству, весьма убедительно свидетельствует цитата из Золотых скрижалей: «Я нахожусь под лоном подземной богини Гоно». Сведения о том, что созерцание есть брачный процесс, свидетельствуют многие сведе-

ния и образы. И это связано с процессом поглощения пищи. Из работы философа и астролога Юлия Фирмика Матерна мы узнаем об аттических культах, в которых использовалась следующая мистическая формула: «Я вкушал тимпана, я пил из кимбалон, я нес кернос (сосуд с полевыми плодами), я постиг тайны; я вошел в комнаты первой брачной ночи; я стал жрецом Аттиса». Порфирий в своей работе «О воздержании» цитирует считающуюся утраченной работу Еврипида, в которой есть такие слова, которые хор адресует Миносу: «Святую жизнь я веду с тех пор, как стал жрецом Зевса и пастухом ночных быков. И после того, как я получу от матери гор Реи пылающий факел, вкушу я сырой плоти и стану куретом!» Так называемая элевсинская формула гласит: «Я держал строгий пост, я выпил приготовленное зелье, я вынул из ящика, как сделал это, и положил его в корзину, а затем снова в ящик» (в данном случае в ящике находился змей как Бог). И далее: «Я — козел, пришедший по молоко». Значение смешанного в кувшине напитка очень велико. Таинство и посвящение в данном случае отличаются от большей части аналогичных обрядов. Элефсис кажется особым случаем, в частности, если принимать во внимание специфику легенды, положенной в основу культа. В Элефсисе богиня Деметра сильно скорбела, а потому отказалась от любой пищи. На-

конец, прислужнице удалось ее развеселить, для чего Деметру угостили напитком, сделанным из ячменя, воды и мяты. Точно так же в культе Митры каждая из ступеней посвящения оказывается связанной с определенным гастрономическим блюдом. На первой ступени он как бы подобен «мыши». На четвертой — «львице». Здесь он должен отведать мед. На пятой ступени, становясь «Персеем», посвященный пробовал мед с молоком. «Пей молоко и ешь мед — до восхода солнца ты узришь божество».

Конечно, подобного рода свидетельства являются очень слабыми доказательствами того, что еда и питье в свете мистического брака являются особыми субстанциями. Но они позволяют догадаться о том потаенном ужасе, который должен охватывать соискателя во время посвящения. Ужасе, связанном с зачатием божества, а затем с рождением его образа. Чтобы подтвердить это, мы переходим от жреческих таинств к оргиастическим посвящениям. В орфической поэзии, посвященной богам, многократно повторялась одна и та же тема. Древнее божество, рассеянное трагическим происшествием, для того чтобы распространиться в таком виде на весь мир и в итоге все-таки выйти из состояния безграничной рассеянности. В греческой мифологии мы можем встретить упоминание о первосуществе Фане, который оказался распы-

ленным в мире. Его останки были усвоены Зевсом, который в виде змея вошел в связь с Персефоной, и та родила Диониса Загрея. Кроме этого, сообщалось, что он в детстве стал жертвой обмана титанов. Те подарили ему зеркало, которое вложили непосредственно в руку, чтобы тот утонул в своем собственном же отражении. Когда он смотрелся зеркало, титаны напали на него. Дионис попытался спастись бегством, при этом принимал разные облики. Он превращался то в юношу, то во льва, то в дракона. Когда он превратился в быка, титаны настигли его и растерзали. После этого Зевс в гневе обратил титанов в пепел. Из пепла возникло человечество. А следовательно, люди отчасти являются дионисийскими существами, а отчасти — титаническими. Впрочем, сердце Диониса-ребенка была спасено Афиной. Зевс проглотил его, после чего через Семелу произвел на свет нового Диониса.

Такие в известной мере искусственно составленные мифы использовались профанической наукой с определенными и пристрастными целями, чтобы подобным путем (путем Духа) перекроить пантеизм, приспособить его к рациональному мышлению, а затем использовать для уничтожения мира чувств, равно как и уникальной греческой философии. Но для душевной конституции далекого прошлого использовались совершенно иные мотивы. Мы уже обсуждали оборотническую магию и

возможность трансформации. Кроме этого, надо отметить самоотражение и самомнение, которые были красочно отражены в мифе о Нарциссе. Кроме этого, надо отдельно отметить в древних мистериях идею возрождения. Наконец, ранение или разрывание демонического существа, что напоминает нам о легендах об Орфее, Осирисе, Харе и им подобным, некоторые из них для каких-то целей повторно пожирались. Они указывают в прошлое на пережитые реалии! И именно разрывание и пожирание божества лежит в основе оргиастического действия, о чем свидетельствуют наглядные изображения и трезвые свидетельства, происходившие из окрестностей культового действия.

На древних барельефах мы находим и опознаем изображение греческих вакханалий, в ходе которых обвитые змеями менады разрывают козлов. В храме критских дионисийцев можно найти изображение того, как участники действия зубами разрывают быка, пожирают его мясо, кружатся вокруг его останков, а сердце кладут в специальный ящик. Святой Нил рассказывает об обычае племени бедуинов, которые в промежутке времени между восходом утренней звезды и восходом Солнца в оргиастическом приступе рвут верблюда и поедают его кровоточащее тело. В наши дни разрывание хотя бы одного ягненка можно наблюдать во время главных праздников, справляемых в Алжире.

Жертвенное животное было экстатически вознесенным образом самого бога. Это раскрыто в теогонии, которую мы ранее привлекали для наших изысканий. Хотя из самых древних мифов этого не следовало, равно как не следовало из обстоятельства, что мы знаем четкие указания на изображения, на которых Бог — всегда мужчина, и он сочетается браком с девушкой как символом высвобожденной человеческой души! В облике быка Вакх вышагивает перед Пенфеем, которого готовы разорвать менады — неистовые вакханки. Звуком труб девушки с елисейских полей призывают бога из-под волн, размахивают при этом бычьей ногой: ἄξιε ταυρε! (Достойный телец!) Пасифея состоит в связи с посланным Посейдоном быком, для чего прибегала к ухищрениям Дедала, после этого рождает Минотавра. Зевс похищает Европу именно в образе быка. Египтяне верили, что когда свет двуполой луны падал на пеструю с белыми отметинами корову, то она рождала священного быка Аписа. Невзирая на жутчайшие искажения и утрирование, лейтмотив этого процесса со всей отчетливостью можно обнаружить в жертвенных ритуалах Древней Мексики. Как известно, для самого большого праздника, связанного с жертвоприношениями, за год до этого выбирался специальный человек. Чем ближе становилось время жертвоприношения и его смерти, тем больше почестей ока-

зывали ему. В конце концов, он становился тем самым божеством, которому его приносили в жертву. Участники оргиастических трапез были «пожирателями бога», так как пища во время этого ритуального действия являлась выражением божественной души, входившей в мистиков, таким образом случалось уже их обожествление.

Демоны могли являться в образе козла, змея, гибридного существа, например, человека и тельца, или даже в человеческом обличье. Убийство, терзание, разрывание плоти и ее поглощение — это самый действенный способ высвобождения и слияния с ним. Принимая его в себя, одновременно отдаешься ему. Отныне подобные идут с богом внутри, божественно беременные, и они являются этнеями (*κατεχόμενος*, *ενεργούμενος*, *numine afflatus*), то есть нашедшим бога, или «одержимыми богом». В то же самое время бык, или козел, стал одним из символов, которые воспринимаются как душа постоянно обновляющегося космоса, наполненная ярчайшими образами смертельной тьмы. Со стороны мистиков это поглощение бога или божественное зачатие, со стороны демона — это его излияние в душу мистика. После разрывания Диониса Загрея, совершенное покушавшимися на него титанами, возникает орфическое учение о боге и его последующем воскрешении. То есть это два мифических события, два акта, которые для

мистика являются двумя импульсами для одного переживания. Вслед за вкушением бога следует рождение одержимого, воодушевленного образом. Все мы помним стихи Гете:

*Рассейтесь вы везде под небосклоном,
Святой покинув пир,
Несите жизнь, прорвавшись к дальним зонам,
И наполняйте мир!
Вы божьим сном парите меж звездами,
Где без конца простор,
И средь пространств, усеянных лучами,
Блестит ваш дружный хор.*

Мы были совершенно правы, когда в первой главе среди любовных побуждений привели инстинкт объединения, или инстинкт соития, и это должно стать наглядным примером того, насколько мало общего имеют физические объятия с подлинной экстатической свадьбой!

Однако наш беглый взгляд, брошенный на проблему оргий, кажется, может вызвать встречный вопрос! Если каждый неопит тайного союза решается на внешне трезвые действия, такие как поглощение ритуальных напитков, преломление хлеба и тому подобное, то в итоге он планирует пережить внутренний разрыв, ведущий к воскресению, что нельзя сделать в одиночку. Но может

ли элементарный человек, вкушая обыкновенный хлеб и напитки, ощутить опьянение посвящения в тайну? Отвечаем: так не должно случиться. Вообще резко неприятный выброс сопровождается только один вид экстаза, а самоограничение вовсе не обязательно. Скорее, всякий раз, как это случается в страшнейших судорогах, необходимо стремиться к преодолению препятствий, а потому экстаз может наступить только после устранения барьеров. Здесь же мы касаемся только самых основополагающих фактов. То, что человек совершает попытку выйти вовне, покинуть самого себя (неважно, делает он это осознанно, волевым способом или же невольно), всегда является процессом внутренней жизни, стремящейся к обратному отражению во внешнем мире. Если мистику необходимо разорвать тело бога, чтобы вступить с ним в полярную связь и стать равным богу, то это означает, что он сможет прийти к самовыражению только лишь после насильственного саморазрушения. В оргиастических культах можно найти массу примеров различного рода самобичевания, самоотравления и других форм самоуничтожения. Они дают ключ к крайнему чувству экстатического разрыва вообще как внешне крушащего явления, ведущего к самым серьезным внутренним потрясениям. Для этого требуется душа, которая уже отделена от первообраза, потому что она накрепко замурована в под-

земелье «Я», но, тем не менее, еще способна откликнуться на зов бога. Пьянящие напитки, звуки медных литавр, звучащая волынка, мелодия флейты, волшебные барабаны: есть масса средств, чтобы оглушить рациональное сознание и помочь душе, стремящейся к вулканической буре, пойти на стремительный прорыв, вырваться из оков тела, «Я», Разума, Духа. Душа мистика вместо того, чтобы растаять во сне, как бы разрушается в прибое из крови. И за этим следует непосредственное выражение — фактическое разрушение живущего тела! Поэтому всякая кровавая оргия переливается яркими красками и освещается двойным светом, который (совершенно напрасно) дал повод принципиально отделить оргию от благоговейного празднования тайного посвящения, как это было у сторонников культа Иисуса или приверженцев элевсинской школы. Хотя даже в бешеном шуме хоров вакхического экстаза чувствуется крайнее саморазрушение, которое ведет к пробуждению титанической силы. Разве не это подразумевается, когда мы видим опьяненного Нерона, предающего огню «вечный город», чтобы эти потрясения способствовали исполнению художественных дифирамбов? Что могло превратиться в сердце души, начав огромные изменения, в итоге заканчивающиеся искажением смысла экстаза?

Это началось с тех пор, как были подобные безумия и кровавые жертвы, но также появились тайные союзы и мистические посвящения. Увеличение кровавых жертв, а также трактуемое в доисторическом духе разложение души и тела приводили к очистительному стремлению, сопротивлению души, которое было направлено против самого тела. Звучит весьма непривычно: каннибализм Древней Мексики и детские жертвы Молоху, с одной стороны, а с другой — орфический культ, стремящийся к платонизму. Но это всего лишь разные жизненные полюса, разные проявления одного и того же навязанного процесса. Кровный путь, путь Прометея и его заблуждения ведут к бессмысленной вере в силу разума и почитания понятийного содержания. Кровожадный путь вырождает истинные цели в простые причины, а после ужасных эксцессов может закончиться лишь полным распадом, фактической атомизацией. И при этом количество жертв, принесенных на алтарь христианской веры, много превышает зверства ацтекских людоедов! Со ссылкой на греческую легенду о всепожирающем потопе мы называли изначальное человечество мифическим термином «пелисгическое». Затем последовало «девкалионово» человечество, в котором уже прослеживались те черты, которые связывают его с людьми настоящего времени. А теперь надо сказать несколь-

ко слов о важнейших характеристиках, которые позволяют отличить подлинное «пеласгическое» человечество от того, что находилось на подготовительном этапе «истории». Эти же свойства в полной мере выделяют культуру древности, а точнее говоря, разные направления эманации, исходящие из единой точки излучения! Здесь нам поможет элевсинская школа!

Согласно классической (академической) трактовке античности, все, что мы будем пытаться объяснить посредством построений из наследия элевсинской школы, является в корне неправильным. Поскольку речь ведут не о так называемой «вечной жизни» и не о каком-то бессмертии, а о стремлении обеспечить блаженное существование уже после смерти! В гимнах, посвященных Деметре, говорилось:

*Блаженны те, кто видел людей земли!
Кто не участвует в действиях, кроме святых,
У него есть несравненный жребий
Даже во тьме, которая окутала смерть!*

Таким образом, предполагаемое бессмертие было вполне реальным и зависело оно от прижизненного существования. На одном из элевсинских надгробий, датируемых вторым веком нашей эры, провозглашено: «Воистину, прекрасная тайна про-

возглашена благословенным. Быть смертным не проклятие, а благословение смерти!»

На это можно заявить, что всякий раз, когда хоть в какой-то мере проявляется мысль о бессмертии, все люди в равной степени страстно желают и стремятся к *блаженному бессмертию*. И всякий раз, когда свершается посвящение в таинство, участникам акта дарится надежда на бессмертие и дается обещание будущего вечного блаженства! Другими словами, блаженство как бы является само собой разумеющимся. Обещанная будущая жизнь придает мистериям их силу. Но мы должны подразумевать и иное: уверенность в грядущем блаженстве происходила через пробуждение созерцания, а проекция блаженства в будущую жизнь, напротив, случалась через введение в заблуждение духами. Это мы должны рассмотреть в предельно сжатом изложении.

В самом кратком виде мы будем рассматривать некоторые противоположности. Мы будем действовать на ощупь, чтобы понять, что они исключают друг друга. Это желание обрести бессмертие и увековечивание жизни. Уход и почитание умерших — это действительно существующее; бессмертие — это обещанное, но не явленное. Это происходит от прошлого, что отчуждает даже настоящее, которое полностью отрывается от прошедшего и приносит в жертву единственное веч-

ное, которое существует, живой взгляд, устремленный в предсказуемое будущее. В культе предков задаются вопросом: что стало с теми, кто ушел, кто покинул нас? Желая верить в бессмертие задаются иным вопросом: что будет со мной, когда меня больше не будет, и смогу ли я обрести беспечное продолжение своего существования?

Таким образом, можно констатировать, что вера в бессмертие возникает из эгоизма. Она как бы заявляет: «Я» заняло место первообраза, а следовательно, воля к бытию должна занять место жизни. Но воля к бытию — это враждебное по отношению к образу явление, и оно направлено на искажение реальности. «Когда все распадется в ничто, тогда бытие заявит о себе». Чем дальше оно простирается, тем больше искажается экстатический опыт, в итоге рискуя и вовсе быть утраченным. А смысл этого процесса: самоотчуждение становится выражением жизни, объединение с космосом посредством преломления предметных барьеров, побег из космоса через уничтожение телесной темницы. Из внутреннего разрыва родились аскетические заблуждения орфиков, видевших в теле гробницу души. Философия, которая стала жертвой обмана со стороны Духа, инициировала создание огромных систем, противоречивость которых можно было бы сравнить с безнадежным замыслом великого архитектора. Начало и

сама идея были гениальными, но, к сожалению, при строительстве не имелось возможности использовать земной материал! Впрочем, это тема для отдельного разговора.

Так обстоят дела с отторжением тела. Для понимания этого процесса как взаимодополняющего вытеснения, мы рассмотрим следующую ситуацию. Из сущностного рождения прошлого нет никакого переходного моста в сущностное несуществование будущего. Будущее совпадает с отказом от прошлого. Тот, кто стал надеяться на будущее, тот достиг самого высокого уровня страха. Если кто-то после смерти очень сильно надеется попасть в рай, то он панически боится ада! В надежде сберечь свое «Я» отворачивается от первоисточника, который одолжил ему жизнь. Обратите внимание на фразеологический оборот «наделить жизнью». А потому «милостивые богини» эвмениды превращаются в мстительную Эринию. Мертвые души, которые более не питаются любовью к самооценке, превращаются в кровожадных вампиров, которых тщетно пытаются умиловить гекатомбами жертвенных животных и людей! Страх стал сердечным нервом современности и всех, кто поддался посулам ложной веры в будущее. Страх смерти, страх перед завтрашним днем, страх всего, потому что это страх следующей минуты, страх утраченной жизни, которая (даже если бы умерла

вся вера в призраков) оказалась бы загублена «злой совестью».

*Себя и мир не проклял дерзко я!
Теперь весь воздух чарами кишит,
И этих чар никто не избежит.
Пусть светел и разумен ясный день,
Но в сети снов нас ловит ночи тень;
Пусть весело с прогулки я иду, —
Вдруг ворон каркнет. Что же? На беду.
Так суеверье царствует везде:
То — к горю, это — к счастью, то — к беде*

«Райское блаженство» в его аналоге оказывается адом на Земле, и это худшее, что можно придумать — бессонное беспокойство от безгранично безысходного желания и самообман через служение Мамоне! Трактовку и применение этих открытий, равно как использование их применительно к упоминавшимся выше отличительным характеристикам «исторической» человечности, оставляем на усмотрение читателя. В принципе, можно было бы ничего более не добавлять, если бы не опасение, что могут одержать верх сомнения, которые невольно возникают при чтении этой главы. Возможно, возникнет вопрос: не является ли культ предков древности проявлением веры в бессмертие? Если пеласгическое человечество видело ду-

шевное не в вещах, а в образах, то созданные им гробницы наглядно демонстрируют, что они были тем, чем некогда являлось тело для души, но теперь они могут продолжить свое существование за телесными пределами. И мы просим уделить самое пристальное внимание правильности этих представлений, потому как они больше и ярче все прочих объяснений служат тому, чтобы явить нашу теорию о действительности образа в самом ярком свете. Во-первых, становится очевидным, что если образы являются непрерывным устремлением, то «экзистенциальный приговор» относится лишь к их подобию. Реальность образа — самая подлинная; можно даже сказать, что это единственная существующая реальность. Это вечный процесс, состоящий из пришествия и ухода, роста и увядания, вспыхивания и затухания. Однако, в отличие от современной жесткости предметного Бытия, этот процесс мыслится не понятиями, а на уровне символов, которых знаем самое великое множество. Вещи и личности существуют, а образы (и только они) живут, и реальность живого бытия принципиально отличается от мысли существующего. Во-вторых, получателем существующих вещей является мыслящий Дух, которым наделены все без исключения мыслящие существа, и он в любом своем повторении совершает одни и те же акты. Получателем образа является самостоятель-

ная душа, чье одухотворенное созерцание никогда не может повториться тем же самым способом, что было раньше. Таким образом, мир образов ярко вспыхивает в узревшем Эрос и испытавшем его. Так называемое дальнейшее существование, действительно живое присутствие, которое пеласгическое человечество требовало для душ своих покойных, расцветает к моменту стихийно-эротической связи, которая возникала между ушедшими и продолжающими свою телесную жизнь. Образная душа умирает, если она умрет в душах, помнящих о ней! И это является самым нижним пластом культа предков, который будет совершенно непостижимым без такой трактовки. Наконец, в-третьих, мы обнаруживаем, что трансформация души во многом зависит от перемен в культе, с ней связанным. «Предки» и «духихранители» дома только крепнут от бурного и глубокого их почитания и совершенно исчезают, если он них забывают. Если бы человечество во всех его проявлениях внезапно утратило дар созерцания, то последние выжившие точно содрогнулись бы от вопля: «Услышьте! Великий Пан мертв!»

Оглядываясь назад, мы можем подвести некоторые итоги. Через экстатическое бурление подлинная жизнь направлена на высвобождение из пут Духа. Исполнение этого состоит в пробуждении души, а пробудившаяся душа — это созерца-

ние. Она видит лишь реальность первообраза. Первообраз — это явленная душа прошлого. Для явления она требует телесной связи с кровью, которая является олицетворением жизни. Это происходит через акт созерцания, который принимает форму мистической свадьбы между созерцающей душой и созерцаемым деймоном. «Возвращаясь в себя», экстатик обладает знаниями, которые приходят к нему через воспоминания, — мир фактов является всего лишь громоздкой фикцией. Телесный мир — это мир символов, что есть всего лишь отпрыски созерцания, перед лицом которого случившаяся смерть означает всего лишь изменение, преобразование, трансформацию.

Понятно, почему никакая из прочих философских школ не смогла быть столь привлекательной и столь соблазнительной, как платоническая теория об «идеях», которой оказались одержимы мечтатели и поэты! Проросшая на почве орфической теологии, она казалась предлагающей внутренний смысл для высоких понятий. Согласно ее положениям, любящий, бросавший взгляд назад и предающийся воспоминаниям, оказывался соединенным с объектом своей любви. Через возвращение к изначальной божественности он даже мог претендовать на обретение «вечной жизни». Однако в данном случае речь идет о подобии внутреннего зачатия и рождения! И если выразить мысль одной

фразой, когда было явлено «бесцветное и бесконтактное, невещественное бытие, которое выражено в собственной сущности», посвященный погружался в действительность подлинных образов, он отвергал бесконечно иллюзорный мир овеществленных понятий, а потому через воззрение изничтожал диалектическое воздействие разума!

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ОБ ЭРОСЕ И СТРАСТИ

Организации по интересам и через дружбу. Глубочайший смысл космогонического Эроса. Обожествление человека страстно любящими и их трагичность

Нам осталось добавить к нашим рассуждениям один лишь момент. Обратиться к несколько забытой проблеме. Мы знаем множество различных организаций, которые почти все без исключения основаны на принципах враждебной жизни «воли к власти». Мы знаем чувства, на которых строятся эти организации: на дружбе, на чувстве товарищества, на стремлении к объединению, на личном влечении. Наконец, мы знаем, как в этих организациях добиться благороднейших из ощущений, а именно энтузиазма и надличностных устремлений. Это тот энтузиазм, который позволяет вновь породниться с жизнью. Но даже сама жертвенная формула, использованная при создании организации, расовое сознание, почерпнутое из крови древних племенных ощущений, оказываются под угро-

зой дегенеративной склонности к абстрактному. И где бы это ни происходило, всегда можно будет обнаружить скатывание к партийному доктринерству, голым теориям и нравственным формулам. В народном языке есть обозначение живой связи, которая всем нам известна, но при этом совершенно несправедливо обозначается как «идеализм»! Ибо для того, чтобы столкнуться с ним, надо было погрузиться в среду его исповедников, когда в ранние времена элевсинской школы его жаждали, но уже предчувствовали его незавершенность. Братство крови должно обновиться, обретя силу через объединение в тайне Эроса. То, что мы вам только что поведали, было лишь космогоническим Эросом. Вспомните ощущение от созерцания в том виде, в каком мы его анализировали. И подумайте о том, как это вместе переживают два человека. В тот момент они симпатически связаны с событием, которое именуется космогоническим Эросом! То, что никогда не исполнится, но связывает тела и более не требует слов. Однако это может произойти без преступления, только через открытие, превращающее в чудо, способное восхитить богов. Если бы это неслыханное произошло с двумя сотнями миллионов человек, то было бы разрушено проклятие Духа, положен конец потрясающему кошмару «мировой истории», и было бы «обретено пробуждение в потоках света».

Теперь мы можем даже в нескольких словах объяснить, что заключает в себе та любовь, что преодолевает смерть, та любовь, которую не знали даже древние времена. Эпоптия, говорим мы, подразумеваемая овеществленный символ струящейся образами души мира. И не только любящие, но и обладающие глубокой страстью и подверженные внутренней одержимости, вспомните про любовь Сольвейг к Пер Гюнту. То же самое относится к предмету любви мистика, взглянувшего на мир глазами Бога-Творца, от чего трескаются покровы, а телесная оболочка начинает цвести сиянием элементарной души. Воодушевленный уникальностью своего существа, он проникает в человечество своим лучистым взглядом, в котором кроется наш деймон. Это и Эрос древности, и Эрос германского Средневековья. И это не исключает того, что первообразное волшебство коснулось странствующего человека. Даже самая непродолжительная эротическая связь вовсе не стремится к самой насыщенной внутренней жизни.

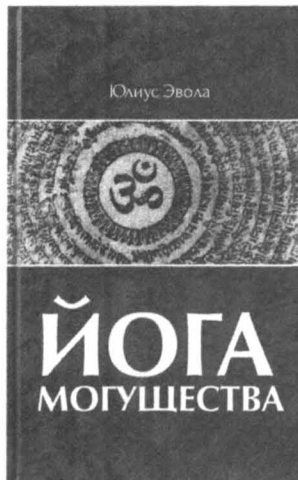
Но чем теснее «Я» сливается с предметом душевной любви, тем более костенеет и твердеет «характер», тем выше становится риск того, что молния созерцания вырвется сама по себе и рассеет мучительную загадку личности. Символы будут подменены, а человек будет возноситься к богу вместо того, чтобы принимать бога в себя. Это бу-

дет «идолопоклонством», и с него начнется трагедия Эроса. Будучи преисполненным стремлением течь вместе с огнем образов, он будет стремиться в «Я» любящего человека. Он жаждет привязаться к духовному существу и обрести бытийственное постоянство, что живет лишь в высвобожденной, пылающей вечности неумолимого момента. Так возникает Пафос великой страсти, который заставляет любящих клясться друг другу в верности «до самой смерти», что на метафизическом уровне означает неизбежность их гибели. Ибо если это ведет к лицемерному владению телом, то рано или поздно это пожрет их (Фауст и Гретхен!). Однако если любящие разлучены и преданы, то они безо всяких колебаний отдадут свою жизнь во имя любви. Но никакое героическое самопожертвование не способно победить Великую Смерть! При всех различиях, связанных с «любовью к богу», которая превосходит даже самые глубокие посвящения Эроса, «великая страсть» перекидывает мостик к вере в бессмертие. Это вера в исполнение «там» того, что не удалось совершить «здесь». Однако «бессмертие» — это всего лишь иллюзорное исполнение нереализованных желаний. Мировая история, в которой человечество является всего лишь каплей в океане времени, неумолимо сокрушает даже неразделенных любящих существ. Нимб Всевышнего, который по праву сияет над

ними, не должен ослеплять нас и лишать понимания, что они любят то, что позволило им оставить жизнь, но не позволяет уйти от самих себя. И так мы возвращаемся к трепетному образу мучений человеческого величия в космической божественной пещере. Как писал поэт:

*Как пышут и светятся волны прибоя,
Друг друга гоня и сшибаясь гурьбою!
Всем морем чудесный огонь овладел,
И блещут в воде очертания тел.
Хвала тебе, Эрос, огонь первозданный,
Объявший собою всю ширь океана!*

НАШИ ИЗДАНИЯ

ТОТЕНБУРГ

vk.com/totenburg

fireofprometeus@gmail.com

Эрос является стихийным, элементарными или космическим, если испытавшее его воздействие существо пребывает в состоянии пульсации, оно словно под воздействием магнитного тока приобретает возможность чувствовать другое существо, стремится к единению с удаленной душой. Это преодолевает пространство и время под воздействием стихии, погружающей в безбрежный океан, который, не ущемляя разнообразия, объединяет полюса нашего мира.

ТОТЕНБУРГ

ISBN 978-5-9216-2203-6

9 785921 622036 >